

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ имени А.И.ГЕРЦЕНА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Сборник научных работ

869748

ЛЕНИНГРАД
1976

Редакционная коллегия:

доц. Е.С.Новгородова (редактор),

доц. Г.И.Перельман, доц. Б.Е.Чистова

© Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени
государственный педагогический институт имени А.И.Герцена
(ЛГПИ им.А.И.Герцена), 1976 г.

Е.С. Н о в г о р о д о в а, И.А. Б и с ъ к о

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ
РАБОТЫ С АСПИРАНТАМИ

Современный научный работник должен уметь ориентироваться в огромном потоке научной информации, обладать солидным научным багажом и постоянно пополнять его.

В соответствии с экзаменационными требованиями, предъявляемыми к аспирантам и соискателям по иностранному языку, работа в аспирантских группах ведется по следующим аспектам:

1. разработка грамматического материала (практические групповые занятия);

2. чтение и перевод специальной литературы (практические занятия групповые и индивидуальные),

3. разговорная практика (практические групповые занятия),

4. чтение, перевод, пересказ общественно-политической литературы.

Аспекты могут вести различные преподаватели (как это имеет место в Лесотехнической Академии им. С.М.Кирова) или один и тот же преподаватель (как это практикуется в Лен.пе-

дагогическом институте им. А.И.Герцена). Наиболее эффективным способом реализации поставленной цели следует признать системную разработку грамматического материала, грамматические комментарии, углубляющие общие понятия об употреблении грамматических структур (например, в немецком языке тема одного занятия – сложные случаи распространенного определения, тема другого занятия – полигунициональная частица *zu* и т.д.)

Что касается развития навыков речевой деятельности, то необходимо добиваться выхода в спонтанную речь. Это в конечном счете обусловливает переход к работе аспирантов над текстами по специальности.

Для повышения коэффициента полезного действия использования аудиторного времени на занятиях с аспирантами можно рекомендовать комбинированные упражнения, обеспечивающие оптимальную активизацию материала и выработку речевых навыков и умений: высказывания в соответствии с просьбой, выступление или диалог по структурному образцу, умение выразить согласие или несогласие с точкой зрения собеседника, письменный перевод звукозаписи (дешивровка) и др.

Работая над литературой по специальности, аспиранту необходимо овладеть специфической информацией и уметь находить для нее форму высказывания. В начальной стадии работы можно предложить следующие типы упражнений:

1. составление плана или вопросов к тексту по специальности (к главе, к разделу);
2. составление аннотации по главе, по разделу или по монографии в целом;
3. перевод с русского языка на иностранный язык;
4. обратный перевод.

По мере углубления знаний аспирантов методические приемы постепенно усложняются и приобретают иной характер: теперь это могут быть краткие сообщения по прочитанным статьям или по разделам монографии, беседа с преподавателями по материалам прочитанного, сначала способом наводящего собеседования, а затем устный обзор прочитанного на иностранном языке, синхронный перевод и т.п. Такого рода упражнения значительно облегчают аспирантам **освоение специальной терминологии и сложных синтаксических конструкций**. Хорошо зарекомен-

довал себя метод проведения индивидуальных занятий: сообщения по прочитанному материалу, устная и письменная аннотация глав монографии или статей.

Несколько слов необходимо сказать о распределении учебного материала на занятиях с аспирантами. Общее количество часов, отводимое на одного аспиранта равно 28 (на группу в пять человек - 140 часов). На чтение, перевод и пересказ текста по специальности целесообразно использовать 50% учебного времени, на повторение курса грамматики - 15%, на чтение, перевод и пересказ общественно-политической литературы - 15%, на занятия по разговорной практике - 20%.

Группа аспирантов в 5 человек имеет 140 часов занятий в учебном году с тем, чтобы по окончании занятий аспиранты вышли на кандидатский экзамен. Занятия проводятся в ЛГПИ им. А.И.Герцена 2 раза в неделю, в ЛТА им. С.М.Кирова - 3 раза в неделю - с сохранением в целом того же количества часов (140). Представляется правильным и экономным проводить повторение курса грамматики по перечню грамматических моделей. Следует особо подчеркнуть необходимость посещения аспирантами лаборатории устной речи хотя бы один раз в неделю для прослушивания записей. Интересен опыт подготовки аспирантов в Лесотехнической Академии им. С.М.Кирова, где аспиранты слушают лекционный курс по страноведению. Курс лекций по страноведению в объеме 20 часов призван осуществить важные общеобразовательные и воспитательные задачи обучения аспирантов. Он знакомит аспирантов, изучающих немецкий язык, с основными историческими событиями, географией, современной политической и экономической жизнью ГДР и ФРГ. Этот курс обобщает и систематизирует знания аспирантов о стране изучаемого языка, полученные ими еще в студенческие годы.

Справедливо считается, что производными от двух основных умений аспирантов - 1) читать оригинальную литературу по своей специальности и смежным дисциплинам, 2) понимать устную иностранную речь - является умение сделать доклад или сообщение на иностранном языке и умение вести беседу в пределах изложенного или изученного материала. В ходе аудиторных аспирантских занятий на основе этих умений постепенно вырабатывается четкая и слаженная система навыков. Одним

из важных способов оптимизации учебного процесса аспирантов справедливо признается научная аспирантская конференция и другие формы самостоятельной работы аспирантов, где могут иметь место совершенствование умений и навыков, приобретенных в процессе аудиторных занятий.

Весьма положительно зарекомендовали себя и такие формы работы с аспирантами как встречи с иностранными студентами и аспирантами, молодыми зарубежными учеными, которые обеспечивают необходимую связь между различными аспектами в преподавании иностранного языка, позволяют применить полученные знания на практике, создают благоприятные условия для связи иностранного языка со специальностью. В ЛТА им. С.М.Кирова проводятся в апреле-мае научные конференции аспирантов. Этот опыт нужно приветствовать и закреплять. Подготовка к конференциям осуществляется с самого начала учебного года.

Как правило, каждая научная конференция имеет определенное направление-тематику, напр.: Das Bildungswesen in der DDR. 1) Die Demokratische Erneuerung Deutschlands. Der Kampf gegen die Reste der faschistischen Ideologie. Die erste demokratische Schul- und Hochschulreform (1945-1949). 2) Die 3. Parteikonferenz der SED (März, 1956). Der Kampf der Partei gegen die feindlichen Tendenzen an der ideologischen Front. 3) Die Schulkonferenz der SED vom April 1958 und ihre Beschlüsse. Die sozialistische Schulreform (Gesetz vom Dezember 1959), 4) Das neue Gesetz über das einheitliche Bildungssystem in der DDR (angenommen im Herbst 1965), 5) Die Technische Revolution und die Hochschule in der DDR. Die Hochschulreform vom Jahre 1968.

Другое тематическое направление научной конференции - страноведение. Можно рекомендовать такие темы по страноведению ГДР для аспирантов, изучающих немецкий язык: Der politische Aufbau des Staates; Die Außenpolitik der DDR; die SED; Massenorganisationen der DDR; Die Wirtschaft der DDR. Kulturladen; Bezirks- und einige kulturelle Zentren der DDR. Творчество писателей ГДР. Деятели Движения Сопротивления.

Положительный опыт ряда кафедр показывает, что оптимальный вариант организации научной конференции аспирантов следующий: обязательное деление по языковым секциям; регла-

мент выступления - до десяти минут; количеством докладчиков - от десяти до пятнадцати; обязательное выделение одного ведущего; предварительная подготовка, напечатание и распространение программы конференции на русском и иностранных (немецком, французском, английском) языках. Для иллюстрации можно отметить, что на конференции аспирантов в Лесотехнической Академии им. С.М.Кирова в 1972 г. с большим интересом были прослушаны такие доклады: 1) Прогрессивный характер творчества Анны Зегерс. 2) Анна Зегерс - активный борец против нацистского режима (роман "Седьмой крест"), 3) Анна Зегерс - активный строитель новой демократической культуры, неутанный борец за мир и дружбу между народами.

Темы докладов можно рекомендовать в соответствии с научными интересами аспирантов по профилю их специальности.

Желательно заранее подготовить и отпечатать к конференции тезисы докладов на русском и иностранных языках, что позволяет всем участникам конференции ознакомиться с основными вопросами, освещенными в докладах.

Большой интерес у аспирантов вызывают доклады об университетах стран изучаемого языка. Можно рекомендовать такой порядок проведения конференции по теме Университеты ГДР 1) Лекция "Образование в ГДР", 2) Просмотр диафильмов и диапозитивов по теме "Города ГДР", 3) Прослушивание докладов об университетах различных городов ГДР, 4) Прессконференция, 5) Заключительное слово заведующего кафедрой или преподавателя, ответственного за проведение конференции.

Анализируя опыт проведения аспирантских конференций, можно отметить, что слабым организационно-методическим моментом этих мероприятий является обсуждение докладов аспирантов. Представляется необходимым дальнейшее совершенствование методов и приемов работы с аспирантами, обеспечивающими возможность спонтанного участия аспирантов-докладчиков и аспирантов-слушателей в обсуждении прослушанных докладов, так как это открывает широкие возможности творческого общения молодых ученых, оказывает влияние на глубину и уровень изучения ими научных проблем, что способствует оптимизации педагогического процесса в вузе в целом.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАММАТИКИ
НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ ГРУПП ИНОЯЗЫ-
КОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Преподавание иностранного языка как в школе, так и в высшем учебном заведении, преследует прежде всего практические цели, которые состоят в том, чтоои развивать умения и навыки устной речи учащихся, научить их читать с полным пониманием несложные научно-популярные, общественно-политические и художественные тексты.

Все вышесказанное относится и к слушателям подготовительного отделения, созданного при ЛГПИ им. А.И. Герцена по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров от 20 августа 1969 года. Целью этого подготовительного отделения является повышение "... общеобразовательной подготовки рабочей и сельской молодежи и создание ей необходимых условий для поступления в высшее учебное заведение". Экзаменационные требования, предъявляемые слушателям, как и всем абитуриентам, на вступительном экзамене по иностранному языку, сводятся к следующему:

1. Слушатель должен уметь прочитать и перевести незнакомый текст средней трудности.
2. Уметь поставить несколько вопросов по содержанию текста.
3. Должен ответить тему для устного сообщения, в соответствии с разговорными темами, пройденными в школе.

Слушатели подготовительного отделения - это взрослые люди, имеющие определенный жизненный опыт. Однако, как правило, они встречают значительные трудности, вызванные большим перерывом в учебе и часто недостаточной подготовкой.

На освоение материала по иностранному языку для них отведено сравнительно небольшое количество часов (30 учебных недель, 180 часов для факультета истории, 240 часов для факультета русского языка и литературы).

факультет русского языка
и литературы

I семестр - 10 часов в неделю
II семестр - 6 часов в неделю

факультет истории

6 часов в неделю
6 часов в неделю

Овладеть за этот короткий срок иностранным языком в объеме средней школы является задачей крайне трудной. Однако решение ее все же возможно при условии хорошего планирования учебного материала, четкой организации занятий и использования эффективных методов и приемов обучения.

В соответствии с требованиями программы, составленной на межфакультетской кафедре немецкого языка, занятия ведутся по трем направлениям: обучение чтению, устной речи (говорению и аудированию) и письму. Между всеми видами речевой деятельности существует тесная взаимосвязь.

Опыт показал, что в условиях подготовительного отделения целесообразно проводить занятия по аспектам: грамматика, устная практика и домашнее чтение (с элементами аналитического чтения). Это позволяет сосредоточить все внимание в течение урока на том или ином аспекте языка, а также при распределении часов по аспектам уделить больше времени тому аспекту, изучение которого требует больших усилий и наибольшей затраты времени. Так, например, наблюдения показывают, что слушатели, занимающиеся на подготовительном отделении, имеют очень слабые знания по грамматике. Поэтому на изучение грамматики отводится большее количество часов по сравнению с другими аспектами. Аспектная организация преподавания при условии четкой координации между аспектами дает возможность повысить эффективность обучения отдельным видам речевой деятельности. Так из 6 часов в неделю, т.е. трех занятий, первое может быть уделено фонетике и грамматике, второе - устной практике, предусматривающей специальные устно-речевые грамматически направленные упражнения, третье - домашнему чтению с элементами грамматического и лексического анализа, формирующими умения преодолевать языковые трудности при чтении.

Повторение и систематизация пройденного грамматического материала является необходимым условием изучения иностранного языка. Для этого прежде всего необходимо определить грамматические трудности, усвоение которых является необходимым условием изучения иностранного языка. Решению вопроса в значительной мере может помочь национальный отбор грамматического материала с учебными целями, который и проводится на основе определения трудностей его усвоения.

В процессе отбора материала для чтения следует отбирать тексты, насыщенные трудностями грамматического характера, изучение которых предусмотрено программой и которые способствуют развитию дискурсивно-логических умений чтения.

Для слушателя, как и для студента, трудность заключается не столько в лексике, сколько в грамматическом строе языка. Целью работы над текстом, содержащим определенные трудности, является полное раскрытие содержания текста и получение информации.

Повторение грамматического материала должно проходить по четко разработанной системе. Одним из важных принципов любой системы (в том числе и системы грамматических упражнений) является преемственная связь между отдельными ее звеньями. "Само понятие преемственности, по мнению профессора А.А.Люблинской включает ... такую последовательность. .. где в каждом последующем звене продолжается закрепление, расширение, усложнение и углубление тех знаний, умений и навыков, которые составляли содержание учебной деятельности на предшествующем этапе".¹

Решая вопрос о системе упражнений, разработанных для обучения грамматике, следует учитывать "внутреннюю логику" учебного материала, т.е. ту взаимосвязь между грамматическими понятиями, которые присущи языку вообще.

Грамматический материал, изучаемый слушателями, может быть рассмотрен в двух планах: в плане репродуктивного и рецептивного усвоения грамматики. С этой точки зрения четко проявляются реальные трудности усвоения грамматического материала в различных видах речевой деятельности и его реализация, т.е. чтение и понимание текста. Рецептивное владение грамматикой возможно как при активном, так и при пассивном владении языком.

В методической литературе существуют различные точки зрения относительно развития умений чтения. Как известно, Пальмер считал, что для создания рецептивных видов деятельности следует идти от говорения к аудированию, к чтению (от экспрессии к рецепции). Уэст же утверждал, что рецептивные виды деятельности развиваются через рецепцию, чтение через чтение. Уэст считал, что для чтения важно не активное вла-

дение материалом, а его запоминание и узнавание при чтении.

В условиях подготовительного отделения это положение не может остаться без внимания. Активное чтение текстов, насыщенных трудностями как лексического, так и грамматического характера, в которых обеспечивается достаточная повторность языкового материала, необходимо для формирования умений беспереводного чтения. Беспереводное чтение подразумевает понимание содержания читаемого на основе иноязычных средств без перевода на родной язык. Такое чтение характеризуется, как указывает С.Ф.Шатилов: 1) ... интуитивностью процесса и понимания, 2) целостностью восприятия смысла читаемого, 3) направленностью внимания на содержание.²

Нами должна быть учтена и формальная (грамматическая) сторона при отборе текста по его трудностям с большой повторяемостью лексических и грамматических явлений.

Практика показала, что знание лексики без учета грамматических трудностей дает приблизительное или, что чаще всего, ошибочное понимание текста. Только сознательное, видение чтение дает возможность "видеть" грамматические трудности и не переводить текст по догадке, интуитивно. "Интуитивное схватывание общего смысла фразы или текста ведет к неточному, а иногда просто неправильному пониманию этого текста, и дурной привычке довольствоваться таким неточным пониманием."³

Научить учащихся преодолевать языковые трудности можно путем грамматического анализа. Значительное число грамматических явлений имеют сходные элементы, на которые учащиеся часто не обращают внимания. Например, конструкции, содержащие вспомогательный глагол *werden* и *Infinitiv* или *Partizip II*: *ср. Ich werde die Stunde mit dem Lesen des Textes beginnen* (*Futurum I. Aktiv*); *Die Stunde wird mit dem Lesen des Textes begonnen* (*Präsens Passiv*); *Perfekt* с глаголом *sein* и конструкция, состоящая из глагола *sein* + *Partizip II* переходного глагола.

Ср. Die Arbeit ist gut gelungen.

Die Arbeit ist gut gemacht.

Анализируя грамматические явления такого рода для точного понимания их значения в каждом конкретном случае их употреб-

ления можно установить, что "... в действие вступают чисто рецептивные, дискурсивно-логические грамматические умения чтения, которые обеспечивают правильность анализа и опровергнутого этим анализом понимания в отличие от интуитивно-целостного понимания при беспереводном чтении, основывающемся на индивидуально-речевом опыте читающего". (С.Ф.Шатилов)⁴

Таким образом, сознательный анализ позволяет правильно определить значение грамматической формы, используя формальные грамматические его употребления в контексте.

Естественно, что такие рецептивные грамматические умения могут формироваться в процессе выполнения соответствующих упражнений. В этом отношении заслуживают внимания упражнения с помощью структур. Структурный метод позволяет расположить грамматический материал в определенной последовательности, постепенно подготавливающей усвоение слушателями последующих структур. Именно такой структурный метод дает возможность формировать у слушателей умственные действия, развивает у учащихся способность воспринимать языковую форму и пользоваться ею и уже, что главное, сосредоточить сознание на содержании.

В связи с этим хотелось бы отметить, что грамматическая теория обязательно должна использоваться, так как она способствует быстрому и прочному формированию практических умений и навыков пользования грамматическим материалом. Ознакомление слушателей подготовительного отделения с грамматической теорией сопровождается комплексом тщательно подобранных упражнений, которые важны для общего усвоения иностранного языка, так как способствуют развитию навыков чтения и понимания литературного текста, и также активизируют речевую деятельность учащихся.

Ниже приводим некоторые типы упражнений, которые, на наш взгляд, помогут учащимся не только усвоить грамматический материал, но и овладеть техникой перевода.

1. Упражнения на узнавание грамматических явлений в тексте или в устной речи и перевод их на русский язык (например, упражнения на различие *Futurum I Aktiv* и *Präsenz Passiv*, на различие в употреблении глаголов *sein* и *werden* с причастием прошедшего времени, на различие употребления вспомогательного глагола *sein* при образовании Per-

fekt и Plusquamperfekt (сложных прошедших времен) и глагола-связки *sein* с причастием прошедшего времени переходных глаголов (составное именное сказуемое).

2. Вопросно-ответные упражнения на усвоенное грамматическое явление.

3. Упражнения на дописывание окончаний глаголов (в определенном лице в *Präsens*) и существительных (в определенном падеже).

4. Подстановочные упражнения (например, в таблице слева даны личные местоимения, справа — глаголы, надо употребить каждый глагол со всеми местоимениями).

5. Завершение предложений.⁵ Например, упражнения на образование степеней сравнения причастительных и употребление сравнительных союзов *wie* и *als*:

Eisen ist schwerer als Holz, folglich ist Holz...

(*Folglich ist Holz leichter als Eisen*)

Вариант

Eisen ist schwerer als Holz, folglich ist Holz nicht...

(*Folglich ist Holz nicht so schwer wie Eisen*).

6. Анализ предложений (в частности, по определению типов придаточных предложений).

7. Построение самостоятельных предложений по образцам (обычно на материале тем разговорной практики).

Указанные упражнения могут быть использованы и при самостоятельной работе слушателей подготовительного отделения в аудитории.

Примечания

¹ А.А.Люблинская. О преемственности учебной работы в школе. Учение записки ЛГПИ им. А.И.Герцена, т.372, Л., 1969.

² С.Ф.Шатилов. Некоторые теоретические вопросы методики обучения чтению на иностранном языке в школе и вузе. — В сб. «Обучение чтению на иностранном языке в школе и вузе.» Л., 1978, стр. 4.

³ Л.В.Шерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., АПН РСФСР, 1947, стр. 28.

⁴ С.Ф.Шатилов, Указ. соч., стр. 9.

⁵ Здесь мы используем типы упражнений, рекомендованные Г.Е.Пальмером в основном на материале английского языка. См. Гарольд Э.Пальмер. Учебный метод обучения иностранным языкам. М., Учпедгиз, 1961, стр. 125-127.

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ
НА МАТЕРИАЛЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
(из опыта работы на неязыковом факультете
педагогического вуза)

Согласно новой программе по иностранным языкам для неязыковых вузов¹ основной задачей обучения иностранному языку является практическое владение иностранным языком, т.е. по окончании курса обучения студент должен уметь читать оригинальную литературу по специальности, принимать участие в устном общении на иностранном языке, владеть связной монологической и диалогической речью.

Большинство представителей современной методики обучения иностранным языкам приходят к выводу, что обучение иностранному языку должно осуществляться на основе речевой деятельности. Это касается также и неязыковых вузов.

Профессор кафедры методики И МГПИ им. Мориса Тореза З.М.Цветкова справедливо высказывает мысль о том, что «учить следует тому, что связано с реальными условиями общения с иностранцами. В первую очередь надо, чтобы специалист умел вести элементарную беседу на тему по своей специальности, задать вопрос по прослушанному докладу, ответить на вопрос и т.д. Ведь при общении с зарубежными специалистами основное внимание уделяется всегда беседам на специальные темы, а не о родственниках и о режиме дня»². Другой методист, Ю.К.Кисленко, считает: «Неправы те преподаватели, которые, намереваясь сразу достичь цели, указанной в программе, начинают работу с чтения и перевода, игнорируя моменты слушания речи и устную речь»³.

На последней межвузовской научно-методической конференции по преподаванию иностранных языков в неязыковых вузах, состоявшейся в 1971 году в городе Минске, проводились результаты анкетного опроса. Среди преподавателей неязыковых вузов городов Минска, Могилева и Каунаса была распространена анкета (всего было разослано 300 анкет), содержащая вопрос о систематичности занятий устной речью. 85% преподавателей занимается выработкой навыков устной речи на

каждом занятии, 15% опрошенных посвящают этому отдельные занятия. Опрос дал подтверждение того, что работа над развитием навыков устной речи в неязыковых вузах является необходимой и возможной в пределах существующей сетки часов. Однако, как отмечают участники анкеты, недостаточная методическая разработка вопроса приводит к тому, что устная речь не является органической частью учебной работы со специальными текстами.

Поскольку ставится цель научить студентов устной речи с профессиональным уклоном, ряд методистов считает возможным развивать устную речь на материале специальности (М.К.Бородулина, Ю.К.Кисленко, С.И.Титов и др.). В настоящее время ведутся поиски методических приемов, способствующих решению задач обучения устной речи в неязыковом вузе.

В своей практической деятельности по обучению немецкому языку студентов математического факультета мы пытались использовать некоторые рекомендованные в методической литературе приемы по развитию у студентов навыков устной речи на материале специальности и поделиться опытом своей работы.

Для осуществления поставленной программой задачи преподавателю следует решить следующие вопросы:

1) определение перечня специальных тем и подбор специальных учебных текстов по этим темам;

2) отбор лексического минимума по темам специальности;

3) разработка системы упражнений по активизации отобранного лексического материала, прочное усвоение которого обеспечит понимание специального текста и позволит вести беседу на иностранном языке по темам специальности.

Занятия по немецкому языку на факультете математики ведутся по специальному учебному пособию, составленному преподавателями межфакультетской кафедры немецкого языка. Пособие включает в себя математические тексты по соответствующим специальным темам, лексический минимум и вопросно-ответные упражнения. При определении перечня тем по специальности были учтены рекомендации кафедры методики преподавания математики.

Пособие включает следующие разделы: "Арифметика" и "Геометрия" (в I части пособия) и "Алгебра" (во II части), кроме того во вторую часть пособия включены тексты по методике мате-

Тексты обладают тематической целостностью, базирующейся на логической взаимосвязи понятий, которая чрезвычайно важна в науке математике. Специальные тексты являются отправным пунктом для обучения устной речи на темы по специальности.

В настоящее время методисты, говоря об обучении устной речи, различают подготовленную и неподготовленную речь (Н.С. Обносов, С.М. Криворучко). Подготовленная речь - это заранее предопределенный речевой процесс, в котором в условиях неязыкового вуза может осуществляться очень незначительное варьирование заранее определенного содержания и языковых средств. Неподготовленную речь мы имеем тогда, когда мысль зарождается и словесно оформляется в момент высказывания. Поэтому в учебной работе овладение навыками неподготовленной речи является конечной целью обучения речевой деятельности. В условиях неязыкового вуза с ограниченной сеткой часов по иностранным языкам овладеть подлинно неподготовленной речью весьма трудно. Так, например, методист С.И. Титов считает, что речь может идти только о возможностях развития навыков "неподготовленной речи с подготовленным содержанием", т.е. речевая деятельность студентов ограничивается рамками изученной темы.

Устная речь предполагает два вида речевой деятельности: овладение монологическими и диалогическими формами речи. В основе обучения устной речи на темы по специальности лежат речевые модели, т.е. специальная лексика дается не в разрозненном виде, а в тех словосочетаниях, которые характерны для данного стиля речи. В математической литературе, как и вообще в стиле научной литературы, термины имеют весьма ограниченную сочетаемость, поэтому не представляет больших трудностей выделить определенный набор речевых моделей по каждой теме. Это могут быть не только отдельные словосочетания, но и целые предложения, которые встречаются в текстах именно в таком наборе входящих в него слов. Приведем набор речевых моделей по теме "Треугольники" (тема следует после изучения темы "Углы"):

ein Dreieck mit zwei gleichen Schenkeln;
ein gleichschenkliges Dreieck;
die Winkel an der Basis;
der Winkel am Scheitel;

vom Punkt A aus ziehen wir eine Linie (eine Strecke, eine Höhe, eine Winkelhalbierende).

Такой набор речевых моделей после активизации их путем системы упражнений обеспечивает возможность сделать краткое сообщение на немецком языке о свойствах равнобедренного треугольника.

Кроме речевых моделей, отобранных по тематическому принципу, преподаватель знакомит студентов с набором речевых моделей, который потребуется им при выполнении речевых упражнений почти по каждой теме раздела "Геометрия":

1. Gegeben ist (и ее краткая запись die Voraussetzung).
2. nach der Voraussetzung (по условию)
3. Man muß beweisen.... (die Behauptung).
4. Beweisen wir (der Beweis).
5. Betrachten wir ein Dreieck
6. Daraus folgt:
7. Was zu beweisen was (w.z.b.w.) (что и требовалось доказать).

Приведенный набор речевых моделей необходим при выполнении более сложных, коммуникативных упражнений (при решении задач, в доказательствах), требующих более сложной речевой деятельности.

Начальное обучение устной речи должно строиться на основе накопления определенного набора речевых моделей, которые реализуются первоначально в однотипных предложениях, т.е. в предложениях с одинаковыми грамматическими конструкциями. Студенты должны научиться уметь высказать определенную законченную мысль по теме.

После введения речевых моделей, например, по микротеме "Равнобедренный треугольник", преподаватель повторяет их в предложениях или в вопросах, чаще в вопросах с опорой на чертеж, которые потребуют употребления в ответе студента определенной модели. Например, приводится чертеж равнобедренного треугольника и задаются вопросы или даются инструкции:

1. Nennen Sie die Winkel an der Basis!
2. Wie sind die Winkel an der Basis?
3. Nennen Sie den Winkel am Scheitel!

4. Wie sind die Schenkel AB und BC?
5. Was für ein Dreieck ist gegeben?
(Gegeben ist ein gleichschenkliges Dreieck)
6. Warum ist das Dreieck ABC ein gleichschenkliges Dreieck?
(Das Dreieck ABC besitzt zwei gleiche Schenkel, darum ist das Dreieck ABC ein gleichschenkliges Dreieck).
7. Was heißt ein gleichschenkliges Dreieck?
(Das Dreieck mit zwei gleichen Schenkeln heißt ein gleichschenkliges Dreieck).

Такое вопросно-ответное упражнение охватило почти все речевые модели по микротеме "Равнобедренные треугольники". Для лучшего запоминания все вопросы, в которых реализуется та или иная речевая модель, должны быть связаны определенной тематикой и логически вытекать друг из друга.

По мере работы с речевыми моделями у студентов развивается умение строить речевые модели по аналогии с ранее заученными. Так, после введения словосочетаний "drei gleiche Seiten", "drei ungleiche Seiten" они могут составить словосочетания: "ein gleichseitiges Dreieck", "ein ungleichseitiges Dreieck" и дать определения этих треугольников. С опорой на чертеж равностороннего и разностороннего треугольников проводится серия вопросно-ответных упражнений, например:

1. Ist die Seite AB der Seite BC gleich?
2. Ist die Seite BC der Seite AC gleich?
3. Ist die Seite AC der Seite AB gleich?
4. Wie sind die Seiten des Dreiecks ABC?
5. Wie ist das Dreieck ABC?
6. Welches Dreieck heißt ein gleichseitiges Dreieck?

Аналогично идет работа над тренировкой речевых образцов с опорой на чертеж разностороннего треугольника. По мере нахождения речевых моделей к концу прохождения темы объем высказываний у студентов увеличивается и они могут дать описание какой-либо микротемы по общей теме "Треугольники".

Преимуществами обучения студентов устной речи на темы по специальности с помощью моделей являются следующие:

I) органическая связь изучения лексики и грамматики. Овладевая речевой моделью, студент овладевает одновременно

и лексическими, и грамматическими особенностями слов с тем, чтобы в своей речевой деятельности уже не задумываться о правилах грамматики в каждом отдельном случае, а воспроизводить готовую грамматическую форму слов и определенную синтаксическую структуру, реализованные в речевой модели;

2) конкретность языкового материала, подлежащего усвоению;

3) создание основы для выработки навыков и умений устной речи как монологической, так и диалогической;

4) речевые модели, реализованные в учебно-тренировочных и коммуникативных упражнениях, обеспечивают практическую направленность в преподавании иностранного языка.

Преподаватель, активизируя речевые модели, стремится добиться известного автоматизма в выборе и использовании студентами нужной речевой модели в различных ситуациях. Выработка автоматизированного владения речевыми моделями достигается при выполнении комплекса учебно-тренировочных упражнений, в основном вопросно-ответных упражнений с опорой на чертеж или наглядное пособие (таблицы, модели), до перехода к чтению текстов по данной теме. Вопросы предлагаются в различных комбинациях с тренируемыми речевыми моделями, но языковой материал все время должен повторяться. Можно предложить студентам составить вопросы по заданному чертежу. После активизации речевых моделей переходят к чтению текстов по данной теме.

Следующий комплекс учебно-тренировочных упражнений выполняется на основе текста. Вопросы по тексту задаются так, чтобы ответы на них как можно более охватывали содержание текста и стимулировали употребление в ответах изученных речевых моделей. После выполнения комплекса учебно-тренировочных упражнений в вопросно-ответной форме, направленных на выработку автоматизированного навыка использования в речи речевых моделей, начинается следующий этап работы по развитию навыков устной речи в более сложных коммуникативных упражнениях.

Как мы уже отмечали выше, устная речь предполагает развитие как монологической, так и диалогической речи. Можно предложить следующие виды коммуникативных упражнений для развития

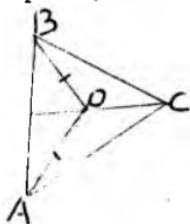
монологической речи: 1) заучивание наизусть и воспроизведение выученной микроситуации. Это могут быть определения, например, заучиваются наизусть определения трех признаков равенства треугольников. Их воспроизведение потребуется при решении задач по теме "Треугольники", где нужно будет сослаться на тот или иной признак равенства треугольников; 2) неподготовленный рассказ на одну из микротем общей темы на основе пройденного текста; 3) составление краткого сообщения по ключевым слово-сочетаниям, которые записаны на карточки. Карточки раздаются студентам. Этот вид упражнения позволяет охватить работой большую группу студентов. Например, карточка а) *ein gleichschenkliges Dreieck; eine Winkelhalbierende halbiert; vom Punkt B aus; eine Höhe.* Такая карточка предполагает сообщение о равнобедренном треугольнике (о его свойствах, о линиях в треугольнике и их свойствах); 4) краткое монологическое сообщение у доски по заданному чертежу. Например, дается чертеж равнобедренного треугольника ABC с проведенными в нем линиями. Студент получает задание описать чертеж и рассказать о данном треугольнике и о вновь образовавшихся треугольниках (после проведения в треугольнике ABC высот) все, что ему известно. В этом задании чертеж является единственным источником информации, и упражнение такого типа носит творческий характер; 5) изложение на немецком языке содержания текста, с которым студенты познакомились на русском языке. Текст читает вслух преподаватель. Можно использовать тексты учебника по геометрии для 6-8 классов. Так, например по теме "Треугольники", был прочитан соответствующий раздел из учебника; 6) работа по аудированию незнакомого текста на немецком языке по изученной теме. В качестве текстов рекомендуются методические статьи по соответствующей теме из журнала "Mathematik in der Schule." Это могут быть статьи о работе учителя на уроке по данной теме. Тексты следует предварительно адаптировать: сократить, исключить лексические и грамматические трудности, студенты дают краткое изложение на немецком языке содержания статьи по плану: а) тема сообщения, б) что излагается в статье, в) как работает учитель на уроке по данной теме; 7) монологические высказывания на заданные ситуации. Основная проблема, которая возникает в процессе работы - это создание на уроке речевой ситуации, побуждающей

к говорению. Ситуации должны быть целенаправленными. Такими ситуациями служат различные математические задачи по изученной теме и проведение доказательств. Суть такой работы состоит в следующем.

Преподаватель читает на немецком языке условие задачи. Все слушают.

Aufgabe N I. Im Dreieck ABC ist die Seitenhalbierende CD vom Scheitel aus C gezogen. Man muß beweisen: die Höhen der Dreiecke DBC und DAC, die vom Scheitel B und A gezogen sind, sind gleich.

Для проверки понимания условия задачи один из студентов выполняет чертеж с объяснением на немецком языке. Приведем образец такого объяснения (черт. № I):

Gegeben ist ein Dreieck ABC. Vom Scheitel C aus ziehen wir die Seitenhalbierende CD. Vom Scheitel A aus ziehen wir die Höhe AO. Vom Scheitel B ziehen wir die Höhe BO. Man muß beweisen, daß die Höhen gleich sind.

Следующий студент должен сделать математическую запись условия задачи на доске, при этом все действия по записи проговариваются на немецком языке: **Voraussetzung:** ΔABC , D - die Seitenhalbierende, BO und AO - die Höhen.

Behauptung: $BO = AO$

Beweis:

Дается время на обдумывание хода решения. Затем один студент вызывается к доске для объяснения хода доказательства. Для развития монологической речи можно дать возможность отвечающим провести доказательство от начала до конца. Доказательство обычно завершается речевой моделью "was zu beweisen war".

Ситуации (задачи, теоремы и т.д.) могут варьироваться, но языковой материал должен все время повторяться. Так, при решении задач сначала всегда должна следовать краткая запись условия с проговариванием его на немецком языке: **Gegeben ist** (с записью на доске - **Voraussetzung**), **man muß beweisen** (на доске - **Behauptung**), **beweisen wir** (на доске - **Beweis**). Преподаватель может направлять (с помощью вопросов, замечаний) объяснение отвечающего так, чтобы он употреблял как м.-

но больше затренированные ранее речевые модели.

Например: A. Warum ist CD eine Seitenhalbierende?

Б. Nach der Voraussetzung.

А. Warum behaupten Sie, daß die Dreiecke DAC
und DBC gleich sind?

В. Nach dem I. Kongruenzsatz?

А. Wie lautet der I. Kongruenzsatz? Чтобы ответить на этот вопрос, студент должен воспроизвести ранее выученную наизусть микроситуацию – определение I-го признака равенства треугольников: Dreiecke sind gleich, wenn sie in zwei Seiten und dem eingeschlossenen Winkel übereinstimmen.

Так, в ходе доказательства возникают новые речевые ситуации, которые требуют продолжения речевой деятельности.

Коммуникативные упражнения по развитию навыков устной речи с помощью ситуаций в виде задач, доказательств, описаний носят творческий характер. Они заставляют мыслить и побуждают к высказыванию своих мыслей в речи и тем самым ставят студента перед необходимостью использовать полученные навыки в новых условиях.

Опыт работы показал, что такие целенаправленные ситуации являются самым эффективным средством и для развития диалогической речи. При выполнении таких речевых упражнений, как решения задач, доказательства, учитель направляет работу на занятиях так, чтобы она способствовала развитию диалогической речи. По ходу объяснения решения или доказательства у студентов, как правило, возникают вопросы, дополнения, уточнения. Тогда можно направить работу по двум путям: или 1) дать возможность отвечающему высказаться до конца, а остальным предложить записать свои вопросы, а потом уже задать их отвечающему, или 2) дать возможность студентам задавать вопросы, если они не согласны с каким-либо утверждением отвечающего, по ходу объяснения. Они могут также высказать свое мнение, предложить другой способ решения. Учитель может искусственно создать ситуацию, способствующую развитию диалогической речи, когда он высказывает сознательно направленное утверждение. Например, учитель заявляет, что треугольник АСД не равен треугольнику ДВС. Такое утверждение сразу же порождает дискуссию между учителем и студентами. Учитель, чтобы поддержать

дискуссию, играет роль непонимающего, недоумевающего, почему линия СД медиана, почему отрезок АД равен отрезку ДВ (черт. № I, стр. 158), а углы ВДС и СДА - прямые, откуда это следует и т.д. Таким путем учитель стремится поддержать разговор и направить его так, чтобы студенты использовали в своей речи выработанные ранее навыки и умения.

Для развития диалогической речи могут быть использованы вопросно-ответные упражнения на основе незнакомого текста, содержащего знакомый лексический и грамматический материал. В этой работе можно снова рекомендовать адаптированные учительской статьи из журнала "Mathematik in der Schule". Это могут быть статьи о программах по математике в школах ГДР, о математических кружках, о внеклассной работе по математике. Работа организована так:

- 1) преподаватель читает два раза статью, затем задает вопросы по содержанию статьи, студенты отвечают;
- 2) вопросы задают студенты одному. Отвечающий на вопросы должен быть сильный студент.

После такого вида работы можно организовать беседу на основе статьи. Преподаватель интересуется, как вводится данная тема (если статья была об уроке математики) в наших школах, как работают над темой наши учителя. Если кто-либо из студентов присутствовал на уроках в школе, их можно попросить рассказать о ходе урока - какая тема урока, объяснял ли тему учитель сам от начала до конца или работал вместе с классом, как закреплял тему, как проверял понимание и т.д.). Следует еще раз подчеркнуть, что незнакомый текст на немецком языке, который аудируется, должен быть небольшим по объему (1500-1800 печатных знаков), содержать в большей своей части знакомый языковой материал и конкретную тему, по которой можно развернуть несложную беседу.

Контрольным упражнением по развитию диалогической, а также монологической речи является инсценированный урок математики. Условный учитель дает урок в "школе". Урок должен включать следующие моменты: организационный, повторение проходившей темы, работа над новой темой, закрепление темы.

Сначала вместе с группой определяется план урока:

- I) Organisationsmoment: Wer ist heute Ordner? Der wievielte ist heute? Wer fehlt heute?

Организационный момент студенты копируют обычно с преподавателя немецкого языка, начинаящего урок с этих вопросов.

2) Was sollen wir wiederholen vor der Erklärung des neuen Themas? (тема урока - Die Linien in einem Dreieck).

3) Die Erklärung (die Einführung) des neuen Themas.

а) mit Hilfe des Bildes.

б) zusammen mit der Klasse

в) welche Fragen kann man den Schülern stellen, um ihre schon erworbenen(alten) Kenntnisse zu benutzen.

г) Wie trainieren Sie das Thema? (die Fragen an die Klasse, die Aufgaben).

Дается время на подготовку. Затем выбирается "учитель", остальные студенты - "ученики". Задача преподавателя при выполнении данного упражнения направлять работу и в отдельных случаях активизировать ее с тем, чтобы все студенты принимали в ней участие.

Коммуникативные упражнения типа решения задач, доказательств, инсценирования урока могут максимально приблизить изучение студентами иностранного языка к их непосредственной специальности и тем самым повысить интерес студентов к иностранному языку.

Таким образом, работая над развитием навыков устной речи на темы по специальности на основе выполнения описанного выше комплекса учебно-тренировочных и коммуникативных упражнений, преподаватель решает следующие задачи:

1) осуществляет выбор определенных тем и подбирает соответствующие специальные тексты, включающие необходимую лексику и грамматический минимум. Специальные тексты объединяются при этом одной или рядом тем;

2) производит отбор речевых моделей по каждой отдельной теме, а, если тему можно разбить на микротемы, то по каждой микротеме и включает их в систему упражнений (учебно-тренировочных и коммуникативных);

3) выполняет со студентами следующие виды упражнений:

а) учебно-тренировочные с помощью чертежей, моделей, а затем на основе учебного специального текста. Учебно-тренировочные упражнения направлены на выработку автоматического навыка использования тех или иных речевых моделей; б) коммуникатив-

ных упражнений по теме, но в новых ситуативных условиях и с другой целевой установкой. Этот вид упражнений направлен на выработку умений переносить уже имеющийся навык в новые, более сложные речевые ситуации.

Опыт работы по развитию навыков устной речи на темы по специальности на математическом факультете педагогического института показал, что организация учебного процесса по овладению устной речью на материале специальности превращает иностранный язык в предмет, тесно связанный со специальностью и способствует решению поставленной программой задачи.

Примечания

1. Проект программы по иностранным языкам для вузов неязыковых специальностей. Министерство высшего и среднего специального образования СССР, М., 1974г.

2. Новое в методике преподавания иностранных языков. Сборник "Методические записки по вопросам преподавания иностранного языка в неязыковом вузе". I МПИЯ, выпуск 2, М., 1966.

3. Ю.К.Кисленко. Элементы речевых навыков при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Автореферат канд. дисс. Л., 1955, стр. 2.

4. Сборник "Преподавание иностранных языков в вузах неязыковых специальностей". Материалы междувузовской научно-методической конференции. Минск, 1971, стр. II4.

Г Р А М М А Т И К А

Л.Г. М у с а т о в а

КОСТРУКЦИИ С ПРИГЛАГОЛЬНЫМ als-КОМПОНЕНТОМ В ЭЛЕМЕНТАРНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Служебное слово als вместе с некоторыми другими разрядами слов (например, подчинительными союзами и модальными словами) составляют группу, характеризующуюся наименьшей относительной вероятностью употребления¹. Однако в абсолютном отношении употребление als достаточно широко, а функции этого служебного слова в элементарном предложении² чрезвычайно разнообразны, на что, в частности, указывает Е.И.Филичева³. Этот факт косвенно отражает и разнообразие функций компонента предложения, маркированного служебным словом als⁴. Некоторые случаи функционирования такого компонента послужили объектом специальных исследований⁵. Наша наблюдения касаются функционирования als-компонента, типичные случаи которого могут быть проиллюстрированы следующими примерами (извлеченными как из произведений современной художественной прозы, так и словаря⁶:

1. Von diesem Augenblick an fühlte er sich als freier Mann. (B.Kellermann-487).
2. Stadelbauer arbeitete als Schrifteetzer bei "Endolin & Co". (W.Gnichtel-76)
3. Wie oft hatte er als Junge beim Küheln den Wolken nachgeträumt, die über dem Berg dahinzogen. (M.W.Schulz-275)
4. Im oberen Stock des Hauses waren zahlreiche Räume, die sich als brauchbar erwiesen. (H.v.Oettingen-63)
5. Dünkten sie am Anfang diese Tage wie eine wundersame Ewigkeit, erinnerte sie sich ihrer nun als eines Momentes, der, kaum angebrochen, schon wieder zu Ende war. (W.Rineker-72)
6. Sie kannte ihn von der Jugendschule her, und als seiner Vertrauten, auf deren Armen Kalle über die Grenze ge-

langt war, hatte Walter ihr seine Namensänderung mitgeteilt.
(K.Veken-148)

7. Aber gerade sein Mitleid empfand sie als größten
Schimpf. (W.Cnüchtel-489)

8. Nicht zufällig Übrigens hatte er auch Katrin Klee
als Bürger gewählt. (E.Neutsch-761)

9. Der Grünefeld hat deine Mündigung als Eilverfahren
heute vor das Arbeitsgericht gebracht. (L.v.der Grün-158)

10. Nielsen durfte einen seiner Aufträge als erfüllt
ansehen. (H.Grabner-131)

11. Er kennzeichnet das Schwimmen als nützlich. (C.Helbig, W.Schenkel-415)

12. Wir konnten sie als belanglos aufgesehen. (F.Erpenbeck-175)

Встречающийся в приведенных предложениях als-компонент мы определяем как прилагольный обязательный, факультативный или свободный⁷. Анализ примеров позволяет выявить наличие постоянных компонентов предложения, которые вместе с als-компонентом образуют некоторое смысловое и грамматическое единство, называемое нами конструкцией с прилагольным als-компонентом, а также построить модели обнаруженных конструкций. Описание моделей конструкций с прилагольным als-компонентом в элементарном предложении современного немецкого языка является задачей данной статьи. При построении моделей считаем финитный глагол исходной глагольной формой, а инфинитив и оба причастия – производными. Соответственно этому различаем исходные и производные конструкции. Построение моделей исходных конструкций с als-компонентом производится по ступеням с учетом на каждой ступени каких-либо сторон компонентов конструкции, в результате чего выстраивается иерархическая система моделей.

I ступень. Минимальное число членов конструкции с als-компонентом равно трем, что может быть отражено в виде трехчленного ряда каких-либо произвольных знаков, например:

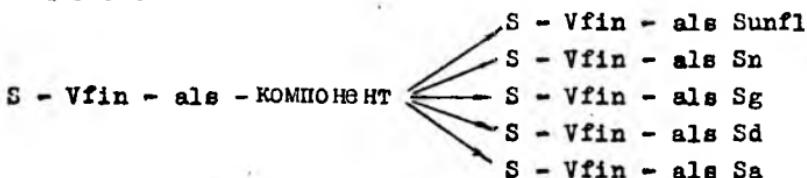
I - 2 - 3

2 ступень. Конструкция включает als-компонент и два

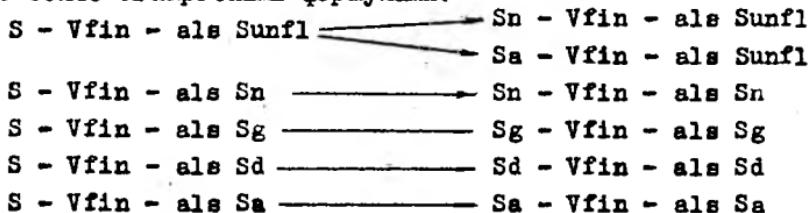
других морфологически различных компонента - именной и глагольный; введение соответствующих символов придает ряду 1-2-3 вид самой общей формулы 8:

S - Vfin - als- компонент:

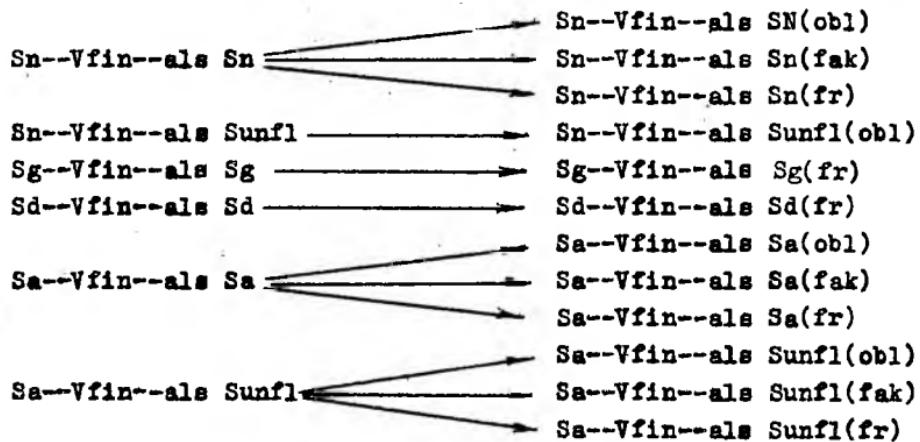
3 ступень. Учитывая оформление als-компонента несклоняемым именем или каким-либо падежом склоняемого имени, конкретизируем формулу S - Vfin - als- компонент

4 ступень. Соответствие падежа склоняемого als-компонента падежу именного компонента и возможность употребления несклоняемого als-компонента при любом падеже именного члена отражено более конкретными формулами:

5 ступень. Разбиение als-компонента на обязательный, факультативный и свободный обнаруживает следующие модели последней степени конкретизации (8), которые мы назовем частными моделями:

Результат проделанных операций предстает в виде списка формул, отражающего полный набор частных моделей исходных конструкций с прилагольным als-компонентом (обязательным, факультативным, свободным) в количестве 12 единиц:

- I. Sn - Vfin - als Sn (obl)
2. Sn - Vfin - als Sn (fak)
3. Sn - Vfin - als Sn (fr)
4. Sn - Vfin - als Sunfl (obl)
5. Sg - Vfin - als Sg (fr)
6. Sd - Vfin - als Sd (fr)
7. Sa - Vfin - als Sa (obl)
8. Sa - Vfin - als Sa (fak)
9. Sa - Vfin - als Sa (fr)
10. Sa - Vfin - als Sunfl (obl)
- II. Sa - Vfin - als Sunfl (fak)
- I2. Sa - Vfin - als Sunfl (fr)

Этот набор может быть отражен в схеме, в которой числа, заполняющие то или иное поле, свидетельствуют о возможности семантической реализации данной модели и указывают на ее место в списке и на соответствующий пример.

Вид модели	als-компонент		
	обязат.	факульт.	свободный
Sn - Vfin - als Sn	I	2	3
Sn - Vfin - als Sunfl	4		
Sg - Vfin - als Sg			5
Sd - Vfin - als Sd			6
Sa - Vfin - als Sa	7	8	9
Sa - Vfin - als Sunfl	I0	II	I2

Упорядочивание исследуемого материала в виде формул и схемы позволяет обнаружить определенную связь между морфологическим оформлением als-компонента и разновидностью его функционирования, проявляющуюся в следующем:

а) als-компонент - склоняемое имя представлен в позиции обязательного, факультативного и свободного компонента конструкции;

б) *als*-компонент – несклоняемое имя при именном компоненте в номинативе зафиксирован только в позиции обязательного компонента конструкции;

в) при именном компоненте в генитиве и дативе обнаружен только свободный *als*-компонент – склоняемое имя (факт, объясняемый отсутствием в немецком языке глаголов, характеризующихся одновременной сочетаемостью с именным членом в генитиве и дативе и обязательным или факультативным *als*-компонентом⁹;

Отмеченные особенности свидетельствуют о различной степени проникновения служебного слова *als* в сферу склоняемых имен и в сферу несклоняемых имен: если маркирование склоняемого имени служебным словом *als* в современном немецком языке обязательно, то относительно несклоняемого имени это явление ограничено и имеет место лишь в определенных случаях.

Таков набор и компонентный состав частных моделей типичных исходных конструкций с прилагольным *als*-компонентом. Каждая из них является основным представителем соответствующей внутримодельной парадигмы, представляющей собой совокупность вариантов одной модели, тождественных по количеству и позиции членов, но различных по их оформлению¹⁰. Источником вариативности в рамках данных моделей является возможность замещения всех позиций в модели (кроме позиции финитного глагола) словами различных морфологических классов, словесными группами или целыми предложениями¹¹.

Проиллюстрируем данное положение примерами:

Модели I,2,3 (Sn – Vfin – *als* Sn(obl), Sn – Vfin – *als* Sn(fak), Sn – Vfin – *als* Sn(fr)) могут реализоваться в следующих вариантах:

а) в позиции именного компонента – имя существительное какого-либо разряда, в позиции *als*-компонента – имя существительное какого-либо разряда:

Als Kutscher hatte sich Krüger oft so ein Pferd gewünscht,
Doch es ging damals nicht nach seinen Wünschen. (E.Strittmatter-254)

Die Liebe zueinander hatte sich als schwere Last auf ihre Herzen gewälzt. (W.Gnüchtel-20)

Eine wacklige Hütte diente als Küche, Keller, Bar, Anrichte, Vorratskammer, Büro und Villa für die Besitzer. (H.v.Oettigen-165)

б) в позиции именного компонента - субстантивное местоимение, в позиции als-компонента имя существительное какого-либо разряда:

Jetzt sass er als Attrappe hier. (W.Gnüchtel-316)

Was in Moskau als Seltenheit galt, hier prägte es noch das Stadtbild. (E.Neutsch-850)

Nach einer halben Stunde kroch das Tier, das einmal als geschniegelter deutscher Soldat zum Brandenburger Tor hinausmarschiert war, ins Schneeloch zurück. (E.Strittmatter-321)

в) в позиции именного компонента - имя существительное или субстантивное местоимение, в позиции als-компонента - относительное местоимение:

Er sprach ohne jede Erregung, dieser alte Werkmeister, als der er sich auswies. (H.Fallada-321)

г) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда или субстантивное местоимение, в позиции als-компонента - какая-либо субстантивированная часть речи: Auch Martin Marreck plagte sich jetzt als Verheirateter ab. (H.Marchwitz-272)

Lehmann Paul stellt als der Stärkste den Schlachtplan auf. (H.Jobst-236)

Denkst du noch an unsere Dispute? Glaubst du, immer noch, sie werden als das grosse Aufatmen der Menschheit in die Geschichte eingehen? (Chr.Wolf-194)

д) в позиции именного компонента - какая-либо субстантивированная часть речи, в позиции als-компонента - имя существительное какого-либо разряда:

Dieses Ablegen, das ihnen zuerst so gefährlich erschienen war, hatte sich mit der Zeit als der leichteste Teil der Aufgabe erwiesen. (H.Fallada-160)

Der Einarmige galt als Draufgänger, als einer, der den letzten Mann hinopferte. (D.Noll-503)

е) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда, в позиции als-компонента - порядковое

числительное или прилагательное einzig-, letzt-:

Erwin Steinwald sah den Boy mit den Briefen als erster.
(H.Thürk-286)

Holt erhielt als letzter einen Brief. (D.Noll-133)

Plötzlich wurde den drei Männern bewusst, dass Rita als einzige überhaupt nichts wusste. (Chr. Wolf-98)

Ich habe diese Männer nicht gewählt, aber als einzelner bin ich auch nicht imstande, mich ihrer Gewalt zu widersetzen...
(W.Joho-27)

ж) в позиции именного компонента - инфинитивная группа, в позиции als-компонента - имя существительное какого-либо разряда:

Es war üblich, beim Essen ekel erregende Dinge zu erzählen, und es galt als Zeichen soldatischer Tugend, dessenungeachtet weiterzusehen. (D.Noll-356)

з) в позиции именного компонента инфинитивный оборот, в позиции als-компонента какая-либо субстантивированная часть речи:

Im Labor zu sitzen und zu forschen, mich auf den Bericht eindeutiger Formeln und gesicherter, weil beweisbarer Ergebnisse zu beschränken, erschien mir als das Schlechteste nicht. (W.Joho-89)

и) в позиции именного компонента - элементарное предложение, в позиции als-компонента - имя существительное какого-либо разряда:

Wer mehr als vierzig Jahre Aktenstaub geschluckt hat, eignet sich nicht als Heldentenor. (H.Jobst-228)

Was am Anfang wie hektisches Durcheinander aussah, offenbarte sich schnell als sinnvolles Zusammenspiel zielstrebiger kollektiven und individuellen Handelns. (W.Held-98)

к) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда или субстантивное местоимение, в позиции als-компонента отсутствует имя существительное, оно представлено определительной группой:

Uns interessiert der Begriff als ein politischer. (H.Kant-162)
Wenn er sich diese Stunde endgültigen Abschieds in den vergangenen Wochen vorgestellt hatte, war sie ihm als die

schwerste seines Nachkriegslebens erschienen. (G.de Bruyn-147)

л) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда или субстантивное местоимение, в позиции als - компонента - указательное местоимение solch- или dies- :

Aber Jean-Frederic de Maurepas war nun einmal keine Privatperson, er blieb auch im Hotel Phelypeau der Erste Minister des Allerchristlichsten Königs, und als solcher sollte er sich's versagen, aus purem Snobismus mitzusäen an dem bedenklichen Westwind. (L.Feuchtwanger-134)

м) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда, в позиции als-компонента - наречие da: Sie fressen den Kulturpflanzen, als da sind Kartoffeln, Rüben oder sonstiges, die Nahrung weg. (E.Strittmatter-297)

Примеры распространения компонентов конструкции:

Die erdfarbenen Gestalten, die mühsam mit Schaufeln und Spaten die Erdschollen in den Krater warfen, erwiesen sich aus wenigen Metern Entfernung als kaum noch menschenähnliche, ausgemergelte und hohlwangige Wesen, mit überdimensionalen Schädeln und eingefallenen Gesichtern, grau wie die Mäntel, die viel zu weit um die stakigen Körper schlotterten.

(D.Noll-226)

So, nur so, nur als für Heimat und Menschheit liebend Entflammte dürft ihr töten, ja, ihr müßt töten, wenn anders euer Auftrag für Heimat und Menschheit unerfüllbar bleibt. (H.Grabner-199)

Модель 4 Sn - Vfin - als Sunfl(obl) может реализоваться в следующих вариантах:

а) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда, в позиции als-компонента - имя прилагательное:

Der Bart des ziemlich dicken Mannes stellte sich beim wütenden Zerren als echt heraus. (H.Marchwitza-279)

Die Herren von Kaiser bis Kaltenbrunner hatten sich einmal als schlauer erwiesen. (H.Grauner-346)

б) в позиции именного компонента - местоимение субстантивное, в позиции als-компонента - имя прилагательное:

An Soldatwerden war bei mir ja nicht mehr zu de.ken, da ich

aus allen Musterungen als untauglich herausgekommen war.
(H. Marchwitza-266)

Wir müssen ihn nachher nach etwas fragen, was sich später als nicht unwichtig herausstellen kann. (F. Erpenbeck-27)

в) в позиции именного компонента - элементарное предложение, в позиции als-компонента - имя прилагательное:
Wer von euch den Faden verloren hat, gilt als tot. (H. Jobst-269)

Weishalb eigentlich gilt als normal, wenn Männer Frauen ansprechen, und weshalb als unnormal, wenn Frauen gleiches bei Männern tun? (J. Walther-157)

Was er zu tun im Begriff war - darüber war Holt sich klar -, war verboten und galt als strafbar. (D. Noll-227)

г) в позиции именного компонента - инфинитивный оборот, в позиции als-компонента - имя прилагательное:

Seltsam, daß auf diesem Gebiet als edler immer gilt, sich von Gefühlen treiben zu lassen! (G. de Bruyn-62)

д) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда или его эквивалент, в позиции als-компонента - причастие первое:

Benjamin Franklin war, Rebellen hin, Rebell her, einer der führenden Wissenschaftler der Epoche, ein Philosoph von Rang, seine Unterhaltung galt als besonders anregend. (L. Feuchtwanger-196)

е) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда или его эквивалент, в позиции als-компонента - причастие второе.

Wo immer sie die Linden hinunter bis zum Brandenburger Tor einen dunklen Winkel fanden, erwies sich der als schon besetzt. (H. Kant-192)

ж) в позиции именного компонента - элементарное предложение, в позиции als-компонента - причастие второе:

Ihm galt schon als bewiesen: Sie brauchten ihn nicht. (Chr. Wolf-160)

Пример распространения краткой формы имени прилагательного в позиции als-компонента:

Zwei Eisenwerker zeigten sich als gar nicht neugierig, woher der neue Kollege Transportarbeiter kam. (H. Grabner-305)

Модель 5 Sg Vfin als Sg(fr) обнаружена в следующем варианте: в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда или субстантивное местоимение, в позиции als-компоненты - имя существительное какого-либо разряда:

Dünkten sie am Anfang diese Tage wie eine wundersame Ewigkeit, erinnerte sie sich ihrer nun als eines Momentes, der, kaum angebrochen, schon wieder zu Ende war. (W.Rinrcker-72)

Модель 6 Sd Vfin als Sd(fr) может реализоваться в следующих вариантах:

а) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда или субстантивное местоимение, в позиции als-компоненты - имя существительное какого-либо разряда, причем оно в некоторых случаях не имеет показателей падежа и/или числа или обнаруживает признаки именительного падежа:

Wie recht hatte doch Harteneck, der von Bayriedl immer nur als von dem "Proleten" sprach. (B.Uhse-294)

Als Mann fehlen mir die erforderlichen Ausdrücke, um sie genauer zu kennzeichnen. (F.Erpenbeck-147)

Als Kind hatte man ihm oft die Geschichte von der Prinzessin und dem armen Schweinehirten erzählt. (H.v.Oettingen-7)

Als Ausländer wird man Ihnen keine Lizenz erteilen. (H.v.Oettingen-62)

Das sagte Ihnen doch als Hitlerjunge etwas. (W.Gnüchtel-87)

б) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда или субстантивное местоимение, в позиции als-компоненты - порядковое числительное или прилагательное *letzt-*, *nächst-*:

Als letztem händigte er Fastal den für ihn bestimmten Umsch lag aus. (H.Thürk-286)

Als erstem erteilte er dem Direktor das Wort. (H.G.Krack-182)

Als nächstem gelang es Berger, sich auf die neue Situation einzustellen. (R.Harnisch-254)

Модели 7,8,9 Sa Vfin als Sa(obl), Sa Vfin als Sa(fak),
Sa Vfin als Sa(fr) могут реализоваться

в следующих вариантах:

а) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда, в позиции als - компонента - имя существительное какого-либо разряда:

Der Irgendjemand hat damit gerechnet, daß Inge an den Apparat gerufen würde, und der Irgendjemand hat auch gewußt, daß du Henri als Ausrede angegeben hast. (H.v.Oettingen-155)
Er legt eine Hosenklammer als Lesezeichen zwischen die Seiten, steckt das Buch in seine kunstlederne Aktenmappe und sucht in seinen Rocktaschen nach dem Schlüsselchen.
(E.Strittmatter-279)

Das Geld nahm er als eine Selbstverständlichkeit und murkte, daß es noch viel zuwenig sei. (H.v.Oettingen-130)

Er spürte die Traurigkeit der Eltern als eigenen Schmerz.
(W.Gnüchtel-20)

б) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда или субстантивное местоимение, в позиции als - компонента - какое-либо субстантивное местоимение:

Selbst dann, wenn Mummel ihn in ihr Spiel einbezog, ihm aus dem Kaufladen, den er ihr geschenkt hatte, geköpfte Streichhölzer als Zigaretten, Buntpapierschnitzel als Früchte und Näschereien von ihrem Teller als das, was sie waren, verkaufte, sann er darüber hinweg, konnte nicht loskommen von seinen quälenden Gedanken. (E.Neutsch-299)

в) в позиции именного компонента - существительное какого-либо разряда или субстантивное местоимение, в позиции als - компонента - какая-либо субстантивированная часть речи: Mit dem Bus zu fahren wäre gefährlich gewesen, die Dorfbevölkerung hätte sie als Fremde bemerkt, und mit Verrat mußte leider gerechnet werden. (F.Meyer-Scharffenberg-18)

г) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда или субстантивное местоимение, в позиции als - компонента - имя числительное порядковое или одно из прилагательных gleich-, einzig-, letzt- :

..., eine Kaiserin und ein großer König behandelten ihn als gleichen... (L.Feuchtwanger-534)

Im Speisezimmer sah er als erstes das Hakenkreuz. (W.Gnüchtel-294)

д) в позиции именного компонента - какая-либо субстантивированная часть речи, в позиции *als*-компонента - имя существительное какого-либо разряда:

Gleich Tausenden und aber Tausenden hatte auch Bert das Heiraten als Grund benutzt, nachdrücklich Urlaub zu fordern.

(W.Reinowski-154)

е) в позиции именного компонента - какое-либо субстантивное местоимение, в позиции *als*-компонента - имя существительное:

Mimi faßte das als Vorwurf auf. (M.Zimmering-280)

Dies alles hatte er als das Gebot der Stunde verstanden.
(W.Gnüchtel-94)

Mit achtzehn achtet man auf den leisesten Wink dessen, was man als sein Schicksal ansieht. (W.Gnüchtel-205)

Knipping war bis 1937 in Halle Chemiestudent gewesen und kurz vor dem Staatsexamen exmatrikuliert worden, weil er einem Kommilitonen die schriftliche Abschlußarbeit gestohlen, diese geringfügig stilistisch abgeändert und als sein eigenes Produkt der Fakultät vorgelegt hatte. (H.Grabner-33)

Eigentlich geht mich das nichts an, aber als alten Rennstallbesitzer interessiert einen so was doch. (F.Erpenbeck-8)
Eines Tages lernte sie einen freundlichen Herrn kennen, der einen Im- und Exporthandel betrieb, den kleinliche Leute als Schmuggel bezeichnen. (H.v.Oettingen-175)

ж) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда или его эквивалент, в позиции *als*-компонента имя существительное отсутствует:

Die entsprechenden Unterlagen habe Herr Professor als seine privaten betrachtet, über sie sei im Hause nichts bekannt.
(H.Grabner-63)

Zu früh - ein Flieger stört. Man erkennt ihn nach kurzer Atemlosigkeit als einen eigenen. (H.Marchwitz-413)

з) в позиции именного компонента имя существительное какого-либо разряда или его эквивалент, в позиции *als*-компонента указательное местоимение *solch-*, *dies-*:

Für mich sind Sie ein Papillarlinienträger, und als diesen bitte ich Sie, sich jetzt sorgfältig die Hände zu waschen und sie zu trocknen, damit ich Sie nicht zweimal behelligen

muß. (H.Mager-79)

Als er es tat, kam er sich wie ein Spion vor, und als solchen betrachtete ihn Prorektor Lange auch. (H.Grabner-62)

и) в позиции именного компонента инфинитивная группа (с коррелатом *es* в основной части предложения или без него), в позиции *als*-компонента имя существительное:

Es fiel das heikle Wort "zerstend", und Christine sah es als ihre Pflicht an, sich schtzend vor den Freund zu stellen. (I.v.Wangenheim-563)

к) в позиции именного компонента элементарное предложение, в позиции *als*-компонента - имя существительное:

Er betrachtete, was geschehen war, als persnliche Krnkung. (B.Kellermann-403)

DaB du nun dazugekommen bist, Frank, betrachte ich als ein gnstiges Zeichen des Himmels! (B.Kellermann-35)

л) в позиции именного компонента имя существительное или его эквивалент, в позиции *als*-компонента - предложная группа: Bisher hat er so etwas immer als unter seinem Niveau abgelehnt. (G.Prokop-143)

Модели I0, II, I2 (Sa - Vfin - als Sunfl(Obl), Sa - Vfin - als Sunfl(fak), Sa - Vfin - als Sunfl(fr)

могут быть представлены следующими вариантами:

а) в позиции именного компонента - имя существительное какого-либо разряда, в позиции *als*-компонента - краткая форма имени прилагательного или обоих причастий:

Er stellte den Brief dem Kahlwicht als "unbestellbar" zu. (E.Strittmatter Ole-165)

Ihren Zorn empfand sie bald als beschmend. (W.Gnchtel-131)
Weil ich die Sache als erledigt angesehen habe. (M.Zimmering-187)

Sie hatte ihn seinen Freunden entfremdet, das empfand er als viel schlimmer. (H.Grabner-306)

б) в позиции именного компонента - инфинитивный оборот, в позиции *als*-компонента - нефлектируемая форма прилагательного или одного из причастий:

Christofs Blick fiel auf den StoB von Bibeln, die den Gsten anzubieten Bruder Hermann schon geraume Zeit als fruchtlos unterlieB. (W.Gnchtel-37)

Als durchaus wohlgelungen empfand er, nun zu wissen, wieviel Motorenöl in einem Liter schwerem Wasser einem einfachen Prüfverfahren verborgen bleibt. (H.Grabner-88)

..; das war, wie die zwölf Jahre der nun gestürzten Machthaber, ein Spuk, aus dem man erwacht ist und über den zu sprechen er als störend und peinlich empfunden hätte. (W.Joho-175)

в) в позиции именного компонента – элементарное предложение, в позиции als - компонента – краткая форма прилагательного или одного из причастий:

Ich nehme im Gegentell als sicher an, daß ihre Augen auf andere Lichtfrequenzen als die unseren reagieren. (E.Fröhlauf-149)

Während des Gesprächs empfand es Bunde als beglückend, daß er das alles nicht träumte, sondern in Wirklichkeit erlebte. (R.Harnisch-308)

Примеры распространения краткой формы имени прилагательного и обоих причастий в позиции als-компонента:
Befreiung von Moral, von gesellschaftlichen Normen also, kann doch nicht gemeint sein, wenn man die befreite Sinnlichkeit als der neuen Gesellschaft adäquat preist!

(G.de Bruyn-95)

"Ich habe da eine Tabelle", antwortete der Kriminalrat und ließ sich nicht anmerken, wie schwer Prall ihn eben gekränkt hatte, als er alle scharfsinnigen Deduktionen Zottis als schon von Escherich vorgebragen bezeichnet hatte, "ich habe da alle Fundzeiten der Karten aufgezeichnet. (H.Fallada-325)

Die Post hat ihm auf seinen Nachsendungsantrag hin mitgeteilt, daß die Gestapo das Geld für sich, als aus einem Verbrechen stammend, angefordert habe, er möge sich mit der Gestapo in Verbindung setzen. (H.Fallada-340)

Приведенные примеры позволяют сделать следующие выводы о различных средствах выражения именного компонента и als-компонента.

Позиция именного члена конструкции обычно бывает занята – соответственно модели – каким-либо падежом имени существительного различных разрядов (имени собственного, нари-

цательного, одушевленного, неодушевленного, конкретного, абстрактного); в этой позиции возможны также какая-либо субстантивированная часть речи, субстантивное местоимение (личное, вопросительное, неопределенное-личное, указательное, относительное, отрицательное), элементарное предложение, инфинитивная группа (последние оба как с коррелатом *es* в основной части предложения, так и без него).

Als-компонент – склоняемое имя – часто бывает представлено именем существительным (или рядом имен существительных) различных разрядов в соответствующем модели падеже. Часто формальный показатель падежа отсутствует; в редких случаях падежное согласование с именным членом отсутствует: при именном члене в дативе, напр., *als*-компонент обнаруживает признаки номинатива. Эквивалентами имени существительного выступают субстантивированные части речи, субстантивные местоимения, имена числительные порядковые, прилагательные *einzig*- и *letzt*- . Все имена могут быть со своей стороны различным образом распространены. Имя существительное в *als*-компоненте может отсутствовать, если оно *д*блирует слово, представленное ранее либо в именном компоненте конструкции, либо в предыдущем *als*-компоненте, либо в более широком контексте; обязательным условием этого является, *по-видимому*¹, наличие добавочных определений к отсутствующему существительному. Если добавочных определений к существительному нет, то в *als*-компоненте оно может быть представлено указательным местоимением *solch*-, *dies*-.

Als-компонент – несклоняемое имя – обычно представлен краткой формой имени прилагательного, реже – одного из причастий, или рядом таких форм. Эти имена могут быть распространены. Имя прилагательное выступает как в положительной, так и в сравнительной степени.

Возможность сочетания различных вариантов именного компонента с вариантами *als*-компонента определяет многообразие исследуемых конструкций.

Примечания

¹ См. об этом: Р. В. Максимова. Вероятностные дифференциальные признаки функциональных классов немецкого сказуемого.

Канд. дисс. Горький, 1971, стр. II8.

2. Термин "элементарное предложение" употребляется в том значении, какое ему приписывает профессор В.Г.Адмони. См.: В.Г.Адмони. Исторический синтаксис немецкого языка. М., "Высшая школа", 1963.

3. Н.И.Филичева. О словосочетаниях в современном немецком языке. М., "Высшая школа". 1969, стр. I9.

4. Компонент предложения, маркированный служебным словом *als*, далее будем называть *als*-компонентом.

5. С.В.Постникова. Сравнительные конструкции в составе простого предложения современного немецкого языка. Канд.дисс. 1972; М.А.Бушмане. Структурная характеристика глагольных словосочетаний с *als*. Ученые записки Латвийского гос.ун-та.

T.I20. Рига, 1969: M.Buschmane. Strukturell-semantische Analyse der erweiterten Wortgruppen mit "als".

Ученые записки Латвийского гос. ун-та. T.I57. Рига, 1972.

6. G.Helbig, W. Schenkel. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. 2.Auflage. Leipzig, 1973.

7. На данной стадии исследования квалификация *als*-компонента как обязательного, факультативного или свободного производится по словарю: G.Helbig, W. Schenkel. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. 2.Auflage. Leipzig, 1973.

8. Принята нотация: *Vfin* - финитный глагол, *S* - имп., *Sn,g,d,a* - имя склоняемое соответственно в номинативе, генитиве, дативе, аккузативе; *Sunfl* - имя несклоняемое, *obl* - обязательный, *fak* - факультативный, *fr* - свободный.

9. См., напр.: E.Mater. Deutsche Verben. 6. Rektionsarten. Leipzig, 1971.

10. С.Г.Шур. О парадигме и поле в синтаксисе. - В сб.: "Вопросы лингвистики." Вып. II6. Ярославль, 1947, стр. 69.

11. О.И.Москальская. Проблемы системного описания синтаксиса. М., "Высшая школа", 1974, стр. 28, 30.

КОНФИГУРАЦИЯ СМЫСЛОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ГРУППЫ НЕМЕЦКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБЪЕДИНЕННЫХ ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ "ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ" (ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Семантическая семантическая структура слова тесно связана с особенностями его сочетаемости и функциональным потенциалом. Под влиянием узуса модифицируется значение слов, так, например, прилагательное *schnell*, употреблявшееся атрибутивно, означало "tapfer, stark", выступая затем преимущественно в обстоятельственной функции *schnell* меняет свое значение на "rasch, eilig", тогда как наречие *froh*, имевшее значение "flink, eilig", употребляясь в атрибутивной функции, получает со временем значение "zufrieden, vergnügt" и т.д. Изменение круга сочетаемости обуславливает корреляции внутриструктурных элементов, изменяя предметно-логическое содержание прилагательного, тем самым его семантический объем. Так например, в рамках исследуемой группы прилагательных ут-рата сочетаемости с группой существительных, обозначающих "растительный мир, участок земли и т.д.", ведет к утрате компонента "*gedeihend, nichts mangelhaft*" и приобретению его другим прилагательным этой группы - *heiter*.

В то же время семантический статус слова обуславливает во многом его функционально-позиционный потенциал. Именно в специфике семантики, совместности семантических структур сочетающихся значений ищут сейчас ученые причину возможностей, ограничений и дифференциации сочетаемости слов.

В связи с этим особое значение приобретает установление элементов, конституирующих семантическую структуру, их конфигурации и специфики, что является задачей данной работы.

На основе данных 32 словарей с помощью методики компонентного анализа были выделены семы, при выявлении которых были использованы новые исследования² в области эмоций и введены необходимые психологические термины.

Такими семами явились:

I. Семы, отражающие эмоциональную сферу, соотносящиеся непосредственно с понятиями "радости, веселья":

1) сема положительного эмоционального состояния. Психологическая основа - превышение прогностической необходимости - испытывающий радость (блаженство) (компонент erfreut, символ Е);

2) сема эмоционального самочувствия (с положительным знаком умонастроения, волеустремлений и интересов). Психологическая основа - соответствие прогностической необходимости. Состояние душевного равновесия, гармонии (компонент verklärt, символ У);

3) сема эмоционального отношения (с преобладанием моральных и эстетических эмоций, компонент begeistert, символ В);

4) сема интенсивного распространения эмоций, высокая степень охваченности эмоцией (восторгом, радостью), компонент hingerissen, символ И;

5) сема активного проявления положительного эмоционального настроения, отмеченного высокой степенью динаминости (компонент fidel, символ F);

6) сема положительной эмоциональной реакции (оценки) в период старого стереотипа (компонент zufrieden, символ Z);

7) сема вторично-мотивированного эмоционального состояния (состояние следующее сразу же после окончания другого, как правило отрицательного, как антитеза напряженного состояния) компонент frei, символ F₁);

8) сема + качества и свойства предметов и явлений, вызывающих активную реакцию - смех (компонент amüsant, символ А);

9) сема качества предметов и явлений, вызывающих пассивную реакцию, доставляющих удовольствие (компонент angenehm, символ A₁).

II. Семы, несущие информацию о других понятиях (рациональная сфера, характерологические свойства личности и др.).

1) сема - интеллектуальные качества личности (скорость реакции, способность творчески мыслить - находчивый, остромыслый, компонент geweckt, символ G);

2) комплексная сема положительного физиологического (gesund) и эмоционального самочувствия (добрый, живой), компонент zunter, символ М;

3) сема - характерологические свойства личности, активная, динамическая реакция на окружающую среду (подвижность, предприимчивость, смелость и т.д.), компонент *couragiert*, символ С;

4) сема - отрицательная черта характера, характеризующаяся хроническим дефицитом внимания, проявляющаяся в поступках, образе мыслей, отношениях окружающей действительности, во всей сфере коммуникации (компонент *leichtsinnig*, символ L);

5) сема - форма активного поведения, провоцирующего окружающих на определенные действия, основанная на переоценке собственных качеств (компонент *keck*, символ K);

6) сема оппозиции к привычному, несоответствие традиционным представлениям (компонент *originell*, символ O);

7) сема пограничного состояния между ожиданием и наступлением. Психологическая основа - дефицит информации в период образования нового стереотипа с преобладанием положительного эмоционального тона (компонент *spontan*, символ S);

8) сема - оппозиция к трезвому состоянию (компонент *betrunk*, символ B_I).

Какова же конфигурация семантических элементов, являются ли все признаки равноправными или среди них есть доминирующие и подчиненные?

Для ответа на этот вопрос обратимся к данным другого, сравнительного нового метода - психо-лингвистического эксперимента⁴. Для решения поставленной задачи рассмотрим данные двух начальных заданий.

Первое задание заключалось в том, что информантам был предъявлен набор прилагательных (66). Задача "на входе" состояла в том, что необходимо было соотнести их с прилагательными исследуемой группы, подобрать для каждого прилагательные, наиболее характеризующие его.

В результате каждое прилагательное получило более частотное, а значит и более релевантные и менее частотные, менее релевантные компоненты. Таким образом, выделились ведущие наиболее частотные признаки для каждого прилагательного: для *lustig* - A₁ (*amusant*) и O (*originell*), для *heiter* -

V (verklärt) и F (frei) и A (angenehm), для fröhlich - M(munter) и C (couragiert), для froh - Z (zufrieden), V (verklärt и F (frei) и для freudig - B (begeistert).

После тщательного анализа и обобщения данных этого задания были установлены релевантные семы для каждого прилагательного:

- PC *lustig* I) несоответствие стандартным представлениям (originell)
2) качества и свойства предметов и явлений, вызывающие смех - *amüsant*
3) творческие способности, высокая интеллектуальная и энергетическая активность *geweckt*, *unternehmungslustig*.
- PC *heiter* I) положительный эмоциональный настрой, восприятие действительности - *optimistisch*
2) активное проявление этого настроя с различной степенью градации, признака *fidel* (часто с оттенком *angeheiterter*)
3) свойства предметов и явлений, вызывающих смех *amüsant* - антитеза *ernst*
- PC *fröhlich* I) положительное физиологическое *gesund* и эмоциональное самочувствие - *munter*
2) подвижность, высокая степень активности признака - *couragiert*
3) манера поведения - конфронтация с окружающей средой, коллективом, отдельными лицами - *keck*
- PC *froh* I) положительный знак оценочности - *zufrieden*
2) антитеза напряженного состояния - *frei*, *erleichtert*
3) душевное равновесие, гармония - *verklärt*
- PC I) положительное эмоциональное отношение (с преобладанием моральных эмоций) - *stolz*
2) состояние душевного подъема - *begeistert*
3) положительное эмоциональное состояние *verklärt*
3) пограничное состояние, внезапное наступление нового - *spontan*

Мы видим, что некоторые из ведущих сем совпадают у разных прилагательных, так например, *lustig* PC₂ ↔ heiter PC₃, *froh* PC₃ ↔ freudig PC₂

Совпадение наблюдается по некоторым второстепенным семам. Это значит, что данные прилагательные могут быть употреблены в аналогичных ситуациях. Однако встает вопрос, идентичные ли признаки реализуются у всех прилагательных в пределах одной семы и если нет, то что обуславливает это различие.

Рассмотрим результаты ассоциативного эксперимента. Информантам было предложено задекларировать всевозможные ассоциации, возникающие в связи со словами – стимулами (исследуемыми прилагательными). В результате прилагательные получили набор ассоциатов, проанализировав которые, и сравнив их с данными литературных источников, стало возможным выявить основной, обобщенный признак⁵ каждого прилагательного, специфику его семантики.

Так прилагательное *lustig* выражает прежде всего отношение субъекта к окружающему миру трех видов:

а) при условии дефицита информации (*originell*, *seltsam*) *Kinderzeichnung*, *Gestalt*, *Spielzeug*

б) при условии превышения ожиданий, с элементами новой информации (*interessant*, *unerhalsam*) *Film*, *Erzählung*, *Karussell*, *Urlaub*,

в) при условии несоответствия стандартной и новой информации (*komisch*): *Clown*, *Stupznase*.

Прилагательное *fröhlich* сообщает информацию о различных сторонах человеческого общения, взаимодействия человека с коллективом, коллективную деятельность, так что переносится на отдельного человека и характеризует имманентно присущие ему качества, психические свойства и состояния личности. Так как это взаимодействие динамично, то названное свойство ассоциируется со свойствами детей (наиболее частотный ассоциат *Kinder*) или с каким-нибудь видом коллективной встречи (*Runde*, *Beisammensein* и т.д.).

Прилагательное *heiter* обозначает признаки предметов и явлений, т.е. признак факта включается в класс вещей. Таким образом, *heitere Oper* – это жанр. Этот признак становится неотъемлемым и постоянным, например, *heitere Muse*,

Heitere Musik, т.е. *heiter* как антитеза *ernst, klassisch*. Другой признак – утверждение положительной перспективы, приближается к признаку *gut-Optimist, Aussichten*.

Семантика прилагательного *freudig* исчерпывается сферой положительных эмоций, радостных чувств, вызываемых преимущественно событиями (поэтому ассоциаты либо глаголы, либо отлагольные существительные) социального плана (*strahlen, berichten, Empfang, Begrüßung, Entschluß*). Часто это событие личной жизни человека (*Geburt* и т.д.)

Характерной особенностью семантики прилагательного *froh* является не преобладание какого-то одного признака, а их равновесие, гармония как явление вторичное, т.е. *froh* ассоциируется преимущественно с завершением определенной деятельности, требующей напряжения и психических затрат (... *die Lösung endlich gefunden zu haben, eine schwere Prüfung bestanden zu haben*).

Таким образом, основной, обобщенный признак, проецируемый на отдельные семьи, создает вокруг них определенный "семантический климат", что и лежит в основе различия ассоциируемых образов и, в конечном итоге, дифференциации сочетаемости (хотя это не единственная причина). Зная этот признак, легко понять, почему прилагательное *fröhlich* сочетается в пожеланиях и других ситуациях с существительными *Erntefest, Fasching, Pfingsten, Winterfeste* и т.д., а прилагательные *lustig, heiter, freudig* и *froh* – не сочетаются, а именно, *fröhlich* имеет в своей семантике динамичный признак, характеризующий коллективную деятельность, *lustig* только оценивает события, а не называет их признаки, *heiter* обозначает признаки, преимущественно противопоставляющиеся *ernst* и *freudig* признак обращен, как правило, на одно лицо и связан с событиями частной жизни отдельных лиц, у прилагательного *froh* – признак статичен, обозначает завершение одного и начало другого действия (ассоциант *Entschlossenheit, Ruhe, Mut*). Поэтому из тематической группы "праздники" *froh* встречается лишь с существительными "Fest, Neujahr".

Итак, зная этот основной признак, можно более точно дифференцировать сочетаемость, выявлять степень идентичности сочетаемости прилагательных лексико-семантических групп, что

дает возможность отчасти решить некоторые вопросы семантической комбинации, т.е. совместимости структур сочетающихся значений.

Примечания

1. И.В.Никитин. Логическое значение в слове и словосочетании. Автореферат докт. дисс. Л., 1974.
2. М.Д.Степанова. Методы синхронного анализа лексики. М., "Высшая школа", 1968, стр. 140-141.
3. А.В.Затворницкая. "Чувства". Кишинев, 1967.
- П.В.Симонов. Что такое эмоция? (информационная теория эмоций). М., 1966.
4. А.А.Леонтьев. Психологическая структура значения. В сб.: Материалы Второго Симпозиума по психолингвистике. М., 1968, стр. 53.
5. В.В.Левицкий. Экспериментальные данные к проблеме смысловой структуры слова. - В сб.: Материалы Второго Симпозиума по психолингвистике. М., 1968, стр. 168. См. также Г.В.Колшанский. Проблемы логического анализа структуры языка. Автореферат докт. дисс. М., 1964.

Л.И. Панюшкина

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ЧАСТЕЙ МНОГОЗВЕННОГО СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале деловой прозы ранне- нововерхненемецкого периода)

Порядок следования главных и придаточных частей является одним из средств организации структуры многозвенного сложноподчиненного предложения. Говоря о фиксации места частей в сложноподчиненном предложении и связи этого момента с развитием сложноподчиненного предложения, В.В.Щеулин отмечает: "Развитие сложноподчиненных предложений обычно сопровождается закреплением в предложении определенного места главной и придаточной частей".

С другой стороны, особенность структуры многозвенных сложноподчинённых предложений оказывает своё воздействие на размещение частей внутри многозвенного сложноподчинённого предложения. Наряду с общими синтаксическими свойствами моделей в порядке следования выявляется и различная степень зависимости придаточных частей: расположение частей на равной и неравной ступени (разные уровни подчинения). При одночленном (однородном и неоднородном) соединении и разночленном соподчинении – это один синтаксический уровень, тождественные и различные отношения, что подчёркивается употреблением соответствующих союзов, происходит разветвление придаточных частей. При последовательном подчинении – разные синтаксические уровни: все части оказываются в постпозиции, а порядок следования по ступеням обуславливает различную степень зависимости частей.

Различные типы придаточных частей могут выступать в трёх позициях: в препозиции (условные, дополнительные), в постпозиции (обстоятельственные, дополнительные, определительные) и в интерпозиции (определительные придаточные части). Отдельные типы обстоятельственных предложений, в частности – условные, могут занимать как препозитивное, так и постпозитивное положение. Кроме условных придаточных частей с бессоюзной и союзной связью, выступающих как правило в препозиции, препозицию занимают также и другие придаточные части, например, временные и подлежащие. Различие в порядке следования частей вызывает структурные различия.

Остановимся на специфических средствах, влияющих на структуру предложения. К ним, в частности, относятся параллелизм придаточных частей, анафорический повтор. Параллелизм в синтаксическом построении обеспечивает тесную связь отдельных частей при их объединении в многозвенное сложноподчиненное предложение и проявляется в употреблении синтаксических, морфологических и лексических средств. Приведем пример:² 1) wil aber der mit kouffen, 2) so sol er die bittten den huessgnossen, 3) welten den dero auch deheiner kouffen, 4) den sol man die veilbitten einem herren ze Gryfensee. (Gr./W. I, Nossikon, S. 25).

При синтаксическом параллелизме возможно отсутствие в одной из частей членов предложения, являющихся общими и для другой, (например, сказуемого или части составного сказуемого: вспомогательного глагола, модальных глаголов), опущение в однородных частях союза или союзного слова. Наличие общих членов в первой части однако обуславливает зависимость последующих частей (взаимозависимость), создаёт структурно-семантическое единство этих частей.

Широко используются местоимения и местоименные наречия (а на ф о р и ч е с к и й п о в т о р). Местоименные указательные слова придаточной части, расположенной на более высоком уровне, реализуются в последующих придаточных частях. Например: 33. *So ist die graffschafft Kiburg von alter her also kommen vnd herbracht worden, daz alle die, so in iren hochen vnd kleinen gerichten gesessen sind, die gen Kiburg gehörent vnd wunn und weid da niessent, das die auch mit stüren, bruchen, reissen vnd diensten gen Kiburg dienen sollent, mit denen so auch dahin gehörent, bey denen sy denn gesessen sind vnd wunn vnd weid mit ihnen niessent, sy syent yementz eigen oder nit. (Gr./W. I, Kyburg, S. 22).*

В текстах деловой прозы, в частности – в деловой переписке, характерно употребление в зажне, середине и концовке многозвенного сложноподчиненного предложения напоминающих ссылок, вводных предложений, вставок. Потенциально возможна их устраниемость. Это предложения типа: *nl* (или also) lassen wir euch wissen; wir thun kunt; also warnen wir euch. Или: wir haben vormals geschrieben und verkündigt (vernommen); wir sind (eygentlich) unterweist (unterweist worden); darumb so begern wir и т.п.

Также распространено употребление предложений с вводными словами *als, wie, wann*. К примеру: *als wir uch vormals verkündigt und geschrieben haben; wann ir sy ermanen und erfordern werdet* и т.д.

Эти предложения могут также следовать за обращением. На предваряющий характер подобных предложений указывает В.Г.Адмони.³ За такими предложениями следует серия подчиненных предложений, перечисляющих ряд фактов, в частности –

дополнительных, вводимых союзами *das, wie, ob*. Приведем примеры: und als ir in uwerm briefe ruret, daz wir mit uwerm isen greber und wardiner reden wullen etc., daruf tun wir uwerr edelkeit zu wissen, das wir mit uwern isengreber und wardiner im besten han lassen reden, das sie die nuwen isen zu graben zu diser zit wullen lassen ansteen und bliiben, biß uwer edelkeit wider schribe, was uwerr meinunge forter darinne werde nach gelegenheid diser sache (Rak., 10/2, S. 870 - 1432 Nov. 16).

Gnediger herre, als ewr durchleuhtikeit von uns begert hat, ob wir icht newer mer von unserm gnedigisten herren... dem Romischen etc. künig erfären, daz wir das ewern fürstlichen gnaden auch zu wissen thun wolten, also lassen wir dieselben ewr gnade wissen, daz etlichen unsern kaufleuten ieczo von Venedig herauß brief kumen sein, darinne in nemlich verschriben und verkundet worden ist, wie daz derselb. ... unser gnedigister herre ... der künig zu Römischem keiser an dem heiligen pfingstag nebst vergangen gar 18lich gekrönet worden sei und daz ez im auch in andern seinen sachen glücklich und seliklichen gee. (Rak., 10/2, S. 843, (1433)).

Часто дополнительные придаточные части следуют за бессоюзными условными: *wer aber; fugbe sich auch, das ...* и т.д. Например: 6. Auch beschee daz, daz iemand dehein stät der ganzen vereinunge bi einer andern stat so nahe angriffe oder beschedigte, daz dieselbe stat daz zu frischer getad beheben mochte, des sollte ein igliche stat gepunden sin uf reht zu thün, doch daz in derselben stat, die die habe behept hett, darumb beschee, was reht were. (Rak., 12, S. 280).

Следует отметить, что дополнительные придаточные части в постпозиции, находящиеся на той же ступени в отношениях соподчинения друг к другу, полнее раскрывают содержание всего предложения в целом, однако не изменяют его позиционную структуру. Момент последовательности при перечислении необходимых действий, выраженной в соподчиненных предложениях, подчеркивается числительными: *zum ersten, zum andern, zum dritten, zum vierten, zum fünften* и т.д. Например: (3) *wann nach gelegenheit der sach. so ist dem concilio 'einahe sein-*

wille erfollet und si haben behalden: zum ersten daz der babst das concilium zu Basel approbirt und zulesset non obstante dissolucione prius facta; zum andern daz er sein concilium zu Bononi abtut; zum dritten das er allen prelaten gebeut, in dreien manenden zu Basel zu sein; zum vierden das er erlaubt, in der zeit keczerei ußzureuten; zum funften fried und einung zu machen. und bleibt nichts hinderstellig dann die reformacio, biß des babsts legaten gen Basel komen. (Rak., 10/2, S. 688).

Бессоюзные дополнительные придаточные части встречаются как правило, в постпозиции и имеют прямой порядок слов (как в неподчиненных частях). Приведём пример:

wiewol wir nu sarg haben, das im solich hilf auf den winter enzeiten nicht ze staten komen mag, so hoffen wir doch, es
werd im dannnoch auf die langzeit und wetertag wol zu furdung sten. (Rak., 10/2, S. 545).

Препозиция придаточных частей, дистантное расположение компонентов внутри главной и придаточной, насыщение последней определительными и другими типами частей, создаёт сложный комплекс. При широко развитой препозиции придаточных главная часть 1) либо отодвигается на середину многозвенного сложно-подчиненного предложения, являясь обобщением, после которого размещаются остальные компоненты сложного целого, 2) либо приближается к концу его, 3) либо стоит в конце мнс.озвено-го сложноподчиненного предложения, когда уже раскрыто все содержание, и завершает всю сложную структуру, являясь как бы заключительным аккордом. В подтверждение данного положения приведем следующие предложения: als uwere liebe uns nu geschreben hait, das der ritterschaff ind lantschaff uis Behem ind Merheren boeden zü Basel geweist sin und dem hilgen concilio lauter angesaget haben, das dieselbe ritterschaff ind lantschaft ire trefliche lude erwelt haben in das heilige concili zü schicken noch vur dem heiligen cristage, darumb ir an stat unss gnedigsten liebsten herren des Romischen etc kunings heisschen ind vorderen, das wir in eigener persone geen Basel komen ind, of wir des van lifs of ehafter noit wegen nit gedoin moechten, das wir dan unse trefliche geleerte

reade dar schicken etc.: han wir verstanden und begeren uwer liebe zu wissen. das wir die eirberen unse liebe reete und andechtigen Cristian van Erpel zo sente Marien greden in Colne ind Tilmannum van Lijness zo sente Florine in Coevelentze proeste zo dem hilligen concilium ind uwere liefden schicken, uch unsere und unsers stiftz anligende noede ind gelegenheit zu sagen und uns zu entschuldigen. (Rak., 10/2, S. 600/1432/).

als ewer kunglich gnad ewern brief dem heiligen concili geben und geschickt habt und wie er mir bei pruder Petern von Understorff etlich artikl zugesandt und empfolhen, daruf mit dem concili ze reden und in aigenlich zu erzeln, was ewer gnad von dez concilii wegen getan galiden und ausgeslagen hab etc., das hab ich alles nach dem allerpesten gehandelt und in die und ander ewer notdurft gar vleisbiglich furbracht (Rak., 10/2, S. 680).

Итак, являясь одним из средств организации структуры предложения, порядок следования частей (как главной, так и придаточных) способствует развитию многозвенного сложноподчиненного предложения в ранненововерхненемецкий период, что находит также своё отражение и в структуре современного немецкого литературного языка.

В свою очередь специфика структуры многозвенного сложноподчиненного предложения влияет на местоположение частей в многозвенном сложноподчиненном предложении.

Примечания

1. В.В. Щеулин. Замечания о местоположении частей сложноподчиненных предложений. Ученые записки. Махтинского гос. пед. ин-та, Т.Ш. вып. 4, 1962, стр. 118.

2. Для лучшей обозримости примеров в них подчеркнуты союзы и союзные слова, вводящие придаточные части, также главная часть. Выделяются отдельные компоненты и начало бессоюзной придаточной части. С этой же целью мы прибегаем, где это необходимо, к нумерации предложений, предложенной В.Г. Адмони в его "Историческом синтаксисе немецкого языка". В случае прерывания предложений, его части приводятся под тем же номером с указанием букв по алфавиту. (В.Г.Адмони. Историче-

ский синтаксис немецкого языка. И., "Высшая школа", 1963, стр. 133-135).

³ В.Г.Адмони. Указ. соч., стр. 140-143.

Сокращения

- Gr./W. I - Weisthümer, erster Theil, gesammelt von J.Grimm, Göttingen, Dieterichsche Buchhandlung, 1840.
Nossikon - Öffnung von Nossikon - 143I. 22 oct.
Kyburg - Zürich, Kyburger Öffnung - aus einer vor 1509 gefertigten niederschrift, der aber Ältere zum grund liegen.
Rak., 10/2 - Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund, herausgegeben von H.Herre, zehnter Band, zweite Hälfte, Gotha, 1906.
Rak., 12 - Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund, herausgegeben von G.Beckmann, zwölfter Band, Gotha, 1901.

Л.И. Панюшина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОЗВЕННОГО СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале немецкого языка)

Из всей совокупности теоретических вопросов, связанных с исследованием многозвенного сложноподчинённого предложения, представляется важным рассмотреть некоторые центральные аспекты, остановившись на некоторых исходных теоретических положениях. Это - понятие "части" сложноподчинённого предложения, понятие "центра подчинения", а также вопросы, участвующие в характеристике структуры многозвенного сложноподчинённого предложения (бессоюзная связь, рамка, контактность и дистантность размещения компонентов сказуемого). Помимо синтаксических средств связи мы останавливаемся на роли и функции контекста (понятие "микроконтекста" и "макроконтекста"), а также на роли пунктуации при подходе к определению границы предложения. Рассмотрение данных вопросов представ-

ляет также определенный интерес в плане структурного анализа многозвенного сложноподчиненного предложения.

I. Структурные характеристики многозвенного сложноподчинённого предложения

При рассмотрении сложного предложения мы присоединяемся к авторам, считающим, что сложное предложение не является суммой простых предложений и что также нельзя отождествлять придаточные предложения с членами предложения. По отношению к составляющим сложное предложение, обеспечивающим его целостность, мы употребляем термин "часть" (главная и придаточная), который в большей степени отражает состав сложного предложения. Ряд авторов пользуется применительно к части сложного целого терминами "предикативная единица", "предикативное звено" или просто "звено", "структурный компонент", "синтаксическая величина", "элемент единого синтаксического целого" и некоторыми другими. Касаясь природы частей, Н.С.Поспелов говорит: "Составные части сложного предложения нельзя рассматривать как отдельные предложения, а только как взаимосвязанные и поэтому несамостоятельные элементы единого синтаксического предложения".²

Структуру сложноподчинённого предложения организует центр подчинения. Действительно, к центрам подчинения в зависимости от морфологической природы последних тяготеют различные части сложного предложения: к глагольным центрам подчинения – дополнительные, обстоятельственные части, к именным центрам подчинения – определительные. В.И.Кодухов говорит о "присубстантивности" придаточных определительных. Подлежащие и предикативные придаточные части в этом плане составляют исключение и их нельзя связывать с центром подчинения, ибо обе они находятся на одном синтаксическом уровне. Центры подчинения объединяют названные части в единое сложное целое. И в зависимости от их морфологической и синтаксической природы можно говорить также об обязательной и факультативной сочленности звеньев, большей или меньшей взаимосвязанности придаточных с главным. Ряд авторов, отмечая организующую роль центра подчинения, применяет при этом различные термины, подчёркивающие ту или иную характеристику центра подчинения. Так,

В.К.Покусаенко говорит о "подчиняющем члене", о "грамматическом центре", у С.Г.Ильенко это - "организующий центр связи", "опорные слова". Центры подчинения в определении А.Д.Толкачёва - "опорные слова", "контактные единицы". Ю.В.Коваленко говорит о "подчиняющей единице". При всём многообразии терминов мы останавливаемся на термине "центр подчинения", как наиболее ярко отражающем выполняемую им морфологическую и синтаксическую функции. В пределах многочастного комплекса встречается несколько центров подчинения. Центр подчинения может подчинять более одной придаточной части и находится как в главной, так и в придаточной части. Он организует структуру как при соподчинении, так и при последовательном подчинении частей.

В оформлении многозвенного сложноподчинённого предложения наряду с союзной связью частей участвует бессоюзная связь. Ряд авторов считает бессоюзное соединение предложений особым структурным типом связи в силу его семантических, структурных и, в частности, синтаксических особенностей. Так, А.А.Потебня и А.М.Пешковский считают бессоюзное предложение самостоятельной конструкцией сложного предложения. Однако мы не склонны рассматривать бессоюзие как особый тип связи, придерживаясь в данном случае точки зрения А.Г.Руднева, Е.В.Гулыги и других авторов, считающих бессоюзную связь, как и другие средства связи, средством оформления сочинительной и подчинительной связи сложного предложения. Употребление бессоюзной связи наиболее распространено в условных придаточных частях. Бессоюзная связь наблюдается также в следующих придаточных частях: временной, причинной, дополнительной, уступительной, определительной и сравнительной.

Порядок слов и рамка в целом участвуют в структурном оформлении как главной, так и придаточной части. В вопросе о конструкциях с полной и неполной рамкой мы разделяем точку зрения исследователей, считающих исконным употребление как полной, так и неполной рамки: советских учёных В.Г.Адмони, Г.Е.Каменца, М.Д.Боголюбова, немецких учёных Г.Мёллера, М.Пфютца и др. При выявлении и членении структуры предложения важно учитывать размещение составного глагола-ска-

Рассмотрение вопроса о дистантности и контактности проходится нами в связи с анализом расположения компонентов, также в связи с вынесением за рамку отдельных элементов предложения. Приведём определение "дистантности", данное Н.Ф.Смирновой: "Под дистантностью синтаксически связанных элементов понимается такое положение, при котором они отделены друг от друга не связанными с ними (или с одним из них) элементами".³ Я.Вакернагель выражает предположение, что известные тенденции к дистантному порядку слов, а именно к постановке спрягаемого глагола в конце предложения, вообще, характерны для древних индоевропейских языков. Особую тенденцию к ударности спрягаемого глагола Я.Вакернагель усматривает в подчинённом предложении так же, как и традицию ставить неударный спрягаемый глагол на второе место в предложении.⁴ Контактность является в сравнении с дистантностью одной из разновидностей расположения компонентов сказуемого.

II. Формы связи многозвенного сложноподчиненного предложения

Наряду с синтаксическими средствами связи нами также рассматриваются лексические единицы, участвующие в оформлении многозвенного сложноподчинённого предложения. Необходимым при этом является установить, что нами понимается под "контекстом". Г.В.Колшанский отмечает распространённость способа определения правильного значения слова по "микроконтексту" (по признаку смысла предложения). В противоположность микроконтексту под "макроконтекстом" понимается "отрезок больший, чем одно предложение (простое или сложное)".⁵ Но формулировка Г.В.Колшанского нам кажется неполной. Мы считаем уместным учитывать также уточнение, внесённое Н.Н.Амосовой, которая под контекстом понимает "речевое целое".⁶ Она различает лексический и синтаксический контекст. "Словесное" построение в понимании Н.Н.Амосовой – это такое построение, в котором учитывается и синтаксическая функция составляющих его слов. Автор выделяет и "синтаксическое" построение, отмечая, однако, что "наиболее

тическим видом конструктивного контекста является смешанный лексико-синтаксический контекст". Именно в контексте (в текстовом окружении, словесной обстановке) в совокупности с синтаксической структурой и семантико-стилистическими моментами создаются условия реализации значения слова и любой другой лексической единицы.

Нам представляется, что при определении контекста правильнее исходить из семантико-синтаксической и стилистической функций лексического состава, наполняющего контекст.

Ш. Виды оформления многозвенного сложно-подчиненного предложения

В оформлении многозвенного сложноподчинённого предложения участвует пунктуация. Основным однако при определении границ предложения являются анализ структуры многозвенного сложноподчинённого предложения и её синтаксические средства связи, которые способствуют выявлению пунктуационных единиц. Нами предлагается следующая формулировка пунктуационного единства: Пунктуационное единство – это одно многозвенное или несколько многозвенных сложноподчинённых предложений, включающих в себя различное количество частей, соединённых подчинительной связью. Пунктуационное единство – цепочка предложений, обеспечивающая одно или большее количество сложноподчинённых предложений. Одно пунктуационное единство может содержать различное количество сложноподчинённых предложений и частей, например, в текстах раннего развития языка, может быть оформлена или не оформлена пунктуационно. На момент случайности в постановке знаков препинания справедливо указывает Г.А.Лессис: "... нужно иметь в виду и то обстоятельство, что постановка точки или запятой (точки с запятой) часто имеет случайный характер, и при конкретном анализе какого-либо произведения всегда следует учитывать и синтаксические особенности самой конструкции, а не только её формальные (от точки до точки) размеры".⁷ Нельзя также не согласиться с утверждением В.В.Бурлакова⁸ о многообразии структурных моделей и варианности в построении предложения в связи с использованием различных знаков препинания в идентичном контексте.

тических построениях, а также с фактом субъективности авторов в подходе к постановке точки в письменных памятниках: В целом мы присоединяемся к утверждению Л.Л.Иофик⁹ в том, что точка не является критерием в определении границы предложения. Рассмотрение вопроса о пунктуации представляется важным для установления критерия при подходе к членению, являющемуся существенным моментом при раскрытии структуры многослойного сложноподчиненного предложения.

Примечания

1. Под "многослойным" ("многочастным") сложноподчиненным предложением мы понимаем сложноподчиненное предложение, состоящее из трех и более звеньев или частей (главного и придаточных), являющихся содержанием соответствующего традиционного понятия предложения.

2. Н.С. Поступов. О грамматической природе сложного предложения. - В сб.: "Вопросы синтаксиса современного русского языка." М., "Просвещение", 1950, стр. 336.

3. Н.Ф. Смирнова. Дистантное положение синтаксически связанных элементов предложения в современном английском языке. Канд. дисс., Л., 1966.

4. J. Wackernagel. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung. Indogermanische Forschungen, Bd. I, Basel, 1892, §. 425.

5. Г.В. Колшанский. О природе контекста. - "Вопросы языкоznания". 1959, № 4, стр. 47, 49.

6. Н.Н. Амосова: Слово и контекст. Ученые записки ЛГУ, 1958, № 243, вып. 42, стр. 5. Ее же: О синтаксическом контексте. - Лексикографический сборник. МИ ССР, отделение литературы и языка, вып. 1, М., 1962, стр. 36, 45.

7. Г.А. Лесский. О размерах предложений в научной и художественной прозе 60-х годов XIX в. - "Вопросы языкоznания." 1962, № 2, стр. 95.

8. В.В. Бурлакова. Статистическая характеристика предложений подлежащее и предикативный член в современном англий-

1) Л.Л.Нодик: 1) Основах английской пунктуации в связи с проблемой сложносочиненного предложения. „Вопросы языко-знания”, 1961, № 4, стр. 104. 2) Проблема структуры сложного предложения в новоанглийском языке. Автореферат докт. дисс., Л., 1965, стр. 16.

Г.И. Переельман

К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В отечественной и зарубежной германистике нет обобщающих работ, исследующих систему немичных форм глагола в целом; имеются лишь работы, посвященные изучению одной из немичных форм глагола – инфинитива, причастия (I или II) или герундива. Между тем рассмотрение немичных форм глагола как элементов единой системы, анализ отношений (парадигматических противопоставлений), существующих между ними, позволили бы вскрыть специфику каждой из этих форм в отдельности.

Известный датский лингвист Гуннар Бек, посвятивший специальную работу инфинитиву¹, предпринял попытку систематизировать немичные формы глагола. Он дает несколько необычную схему этих форм.

	1 ступень	2 ступень
	супин	причастие
1-й статус	lieben	liebend (=er)
2-й статус	zu lieben	zu lieben (-der)
3-й статус	geliebt	geliebt (-er)

О "статусах" он пишет следующее: "Первый статус мы находим у "чистого" инфинитива (lieben) и у причастия (liebend), второй статус – у инфинитива с zu (zu lieben) и у герундива (zu liebend-); третий статус – у так называемого причастия прошедшего времени (geliebt)."²

В схеме Бека наблюдается ряд противоречий. Остановимся

1. Бек помещает в первую ступень «упинов» инфинитив - причастие I в несклоняемой форме, и делает он это не только на основе признака неизменяемости этих форм, но и на основе сходства их синтаксических функций. Бек ошибочно полагает, что положение неизменяемого причастия (*geliebt*) в сложной глагольной форме совершенно идентично неизменяемым формам *lieben* и *zu lieben* в роли части сказуемого. Для доказательства он приводит ряд:

ich werde sprechen	ich habe gesprochen
ich will sprechen	ich bin gelaufen
ich versuche zu sprechen	ich komme gelaufen
ich wünsche zu sprechen	

Из приведенного ряда видно, что Бек смешивает сложные глагольные формы (*ich werde laufen*, *ich bin gelaufen*) со словосочетаниями *ich will sprechen*, *ich wünsche zu sprechen*, *ich komme gelaufen*), образующими сложное глагольное сказуемое.

2. Слабым местом в схеме Бека является введение понятия статусов (состояний) - трех видов форм. Стремление во что бы то ни стало подвести ту или иную величину форму глагола под определенный статус, не принимая во внимание ее морфологических и синтаксических особенностей, привело к тому, что в один статус попадают совершенно разные формы, и, наоборот, по разным статусам распределяются формы, тесно связанные между собой. Так, при выделении I-го и 2-го статусов Бек неправомерно объединяет неизменяемые, "инфinitивные", формы с изменяемыми - причастием I и герундивом (в первый статус попадают инфинитив без частицы *zu* и причастие I, во второй - инфинитив с частицей *zu* и герундив). В то же время нарушаются единство форм инфинитива, т.е. единство формы с *zu* и формы без *zu*. Бек как раз и начинает свое исследование с того, что подвергает сомнению принятую в теоретической и школьной грамматике мысль, будто инфинитив с *zu* и без *zu* - одно и то же явление. Он приходит к выводу о том, что никакого тождества у этих форм нет.

С Беком нельзя согласиться. Как известно, в современном немецком языке инфинитив представлен двумя вариантами: маркированным (с частицей *zu*, например: *zu lieben*) и немаркированным (без частицы *zu*, например: *lieben*). Представля-

ется правильной традиционной точкой зрения, согласно которой маркированный и немаркированный инфинитив рассматриваются не как две разные формы, а как два варианта одной и той же формы (инфинитива), т.е. употребление инфинитива в том или ином варианте целиком зависит от синтаксических условий сочетания его с другими словами, от той синтаксической конструкции, в которой он выступает. Как правило, маркированный инфинитив употребляется в тех конструкциях, в которых не употребляется инфинитив немаркированный, и наоборот. Отдельные же исключения, т.е. когда в тождественных условиях синтаксического сочетания может встречаться как маркированный, так и немаркированный инфинитив (колебание в употреблении частицы *zu* перед небольшой группой глаголов — *lehren, lernen, helfen, brauchen* и др.;ср. *Lerne, Soldat zu sein!* — Cl. Hammel, *Lerne Soldat zu sein* и *Lerne basteln!* — Frösi, Nr. 10, 1971) не могут нарушить общего правила, так как они объясняются ритмико-интонационными факторами.

З. Бек отрицает у именных форм глагола наличие всех морфологических категорий, свойственных личным формам глагола. Такой взгляд неправомерен, поскольку залог и видо-временные значения находят свое выражение и у неличных форм глагола.

Отрицая значение глагольных морфологических категорий у причастия и инфинитива, Бек упускает из виду такую важную форму как инфинитив II.

В работе Бека не исследуется также форма "инфинитив пассив" и соответственно субъектные отношения, выражаемые инфинитивом актив и пассив.

Стоя на позициях структурального метода, характеризующегося односторонним подходом к языковым явлениям и оставляющего без внимания их смысловое содержание, Бек заостряет момент противоречия между неличными формами глагола и упускает из виду случаи их семантического сходства и сближения. Именно в результате того, что у Бека анализ одной неличной формы глагола часто проводится в отрыве от других категориальных форм глагола (личных и неличных), ему не удалось создать стройной системы неличных форм и выявить специфику каждой из них как элемента этой системы.

Мы остановились на ряде недостатков схемы Бека.

Теперь перейдем непосредственно к теме нашего исследования.

Чтобы вскрыть органическую связь неличных форм глагола и выявить характерные особенности каждой из них, целесообразно рассмотреть парадигматические отношения или оппозиции между этими формами. Изучение парадигматических противопоставлений (оппозиций) между неличными формами глагола позволило бы выявить не только признаки, которыми они отличаются друг от друга, но и признаки, которые являются общими для них и позволяют объединять их в одну систему.

Трудность представляет нахождение такой синтаксической позиции, в которой происходит максимальное функциональное сближение всех неличных форм глагола и которая может служить основанием для их парадигматического противопоставления, поскольку в действительности нет ни одной синтаксической позиции, в которой бы употребление всех неличных форм глагола было бы совершенно одинаковым. Единственной синтаксической позицией, в которой, по мнению проф. Л.С.Бархударова, происходит максимальное синтаксическое сближение неличных форм глагола, является их присубстантивное употребление, т.е. позиция зависимого члена при главном члене-существительном.⁴

Однако, обнаружив позицию, удобную для сопоставления неличных форм глагола, а именно, инфинитива с одной стороны, и причастия – с другой, исследователь стоит перед рядом других трудностей, которые объясняются различными факторами синтаксического и семантического порядка. Так, трудно подобрать такой ряд существительных, который бы сочетался как с инфинитивом, так и с причастием. Это объясняется прежде всего особенностями валентных свойств (сочетательных способностей) самого инфинитива. Наблюдения показывают, что инфинитив сочетается с ограниченным числом существительных (это в основном существительные отвлеченные, которым свойственно значение действия или состояния в широком смысле слова), в то время как сфера сочетаемости причастий гораздо более широка.

Подобрав такой ряд существительных, которые сочетаются как с инфинитивом, так и с причаствиями, и пользуясь процедурой трансформационного анализа, мы выявляем отличительные признаки каждой из именных категориальных форм глагола.⁵

Так, если мы сравним инфинитивную и причастные конструкции, выступающие в функции определения, например:

DEU # 1: (Hier ist) ein Buch zu lesen

ein gelesenes Buch

das ein Buch lesende Mädchen

или ряд № 2 (Er ist) der richtige Mann, das Lager in Ordnung zu halten.

der das Lager in Ordnung haltende Mann.

das von diesem Mann in Ordnung gehaltene Lager.

и попытаемся трансформировать каждую из них в определительное придаточное предложение, то окажется, что инфинитивная конструкция трансформируется в придаточное предложение, скажемое которого обязательно включает модальный глагол.

Cp. (Hier ist) ein Buch, das man lesen muß (das gelesen werden muß).

(Hier ist) ein Buch, das man (schon) gelesen hat (das schon gelesen worden ist)

(Hier ist) ein Mädchen, das ein Buch liest или

(Er ist) der richtige Mann, der das Lager in Ordnung halten kann.

(Er ist) der richtige Mann, der das Lager in Ordnung hält.
Es ist ein Lager, das von diesem Mann in Ordnung gehal-
ten wird.

Данные трансформационного анализа показывают, что инфинитивной конструкции в функции определения свойственно модальное значение. Инфинитив называет действие, которое мыслится возможным, желаемым или необходимым (но которого в настоящий момент нет, т.е. гипотетическое действие). Значение предположительной модальности (необходимости или возможности) отличает определительную инфинитивную конструкцию от причастных конструкций, выступающих в той же функции. И на этом основании оппозиция "инфinitив-причастие", существующую внутри системы неличных форм глагола, можно признать особой грамматической категорией, соотносительной в какой-то мере с грамматической категорией наклонения в системе личных форм. Эту категорию можно условно назвать категорией модальной презентации.⁶

Парадигматические противопоставления в системе неличных форм глагола можно представить в виде следующей схемы.

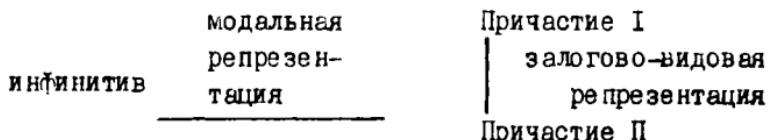

Схема показывает, **какими отличительными** признаками выделяются инфинитив и причастия в системе неличных форм глагола.

Мы отметили, что инфинитив как особая категориальная форма отличается от других неличных форм глагола категорией **модальной репрезентации**.

Особой грамматической категорией следует признать также парадигматическую оппозицию между причастием I и II. Для доказательства этого положения также воспользуемся методом трансформации, т.е. рассмотрим соотношения между причастными конструкциями и придаточными предложениями.

Ср. der die Kontrollarbeit schreibende Schüler — der Schüler, der die Kontrollarbeit schreibt (schrieb):
die von dem Schüler geschriebene Kontrollarbeit — die Kontrollarbeit, die von dem Schüler geschrieben ist (geschrieben worden ist)
der in den Hafen einlaufende Dampfer — der Dampfer, der in den Hafen einläuft (einlief);
der in den Hafen eingelaufene Dampfer — der Dampfer, der in den Hafen eingelaufen ist.

Из указанного сопоставления видно, что разница между причастием I и II носит различный характер, в зависимости от того, является ли глагол, от которого они образованы, переходным или непереходным. Так, в основе различия между причастием I и II переходного глагола лежит видовая и залоговая дифференциация:

Ср. der schreibende Schüler — форма несовершенного вида действительного залога
die geschriebene Arbeit — форма совершенного вида страдательного залога.

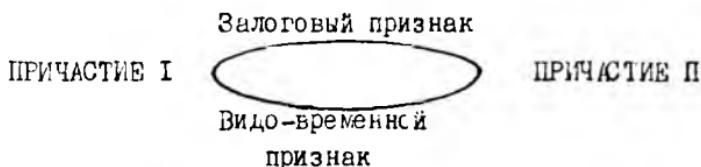
У глаголов непереходных (предельного значения) причаствие I и причаствие II противоположны и соотносительны в видовом от-

ношении: причастие I имеет значение несовершенного вида – оно представляет действие в его течении; причастие II имеет значение совершенного вида – оно выражает результативное состояние предмета, явившееся следствием того, что действие достигло своего предела.⁷

Cp. der in den Hafen einlaufende Dampfer
der in den Hafen eingelaufene Dampfer

Таким образом, причастия в современном немецком языке противопоставлены по линии залоговых или видовых различий. Представляется возможным считать, что оппозиция "причастие I - причастие II" образует особую грамматическую категорию, которую можно условно назвать категорией залогово-видовой representation.

Парадигматические противопоставления причастия I и причастия II можно схематически изобразить следующим образом:⁸

Таким образом, мы рассмотрели парадигматические отношения (противопоставления), существующие в системе неличных форм глагола современного немецкого языка. Проведенное сопоставление неличных форм глагола при употреблении их в одинаковой синтаксической позиции (в позиции зависимого присубстантивного члена – определения) позволило нам показать как признаки, общие для всех неличных форм глагола (в отличие от личных форм) так и признаки, характерные для каждой из этих форм в отдельности. Следует, однако, заметить, что даже в условиях одинаковой синтаксической позиции указанные противопоставления неличных форм реализуются далеко не всегда и могут нейтрализоваться⁹ под влиянием целого ряда семантических и синтаксических факторов (особенностей синтаксической структуры, в которой выступает данная форма, лексическое окружение этой формы, ритмико-интонационные и стилистические моменты).

Интересно рассмотреть некоторые частные значения неличных форм глагола, которые как бы отклоняются от основного

значения соответствующей формы, ¹⁰ как бы выпадают из того "статуса", который она занимает в общей системе неличных форм. Прежде всего это касается инфинитива. Так, у определительно-го инфинитива в некоторых словосочетаниях модальное значение (необходимости или возможности) отсутствует. Такие случаи, однако, редки. Это наблюдается, когда инфинитив стоит после субстантивированного порядкового числительного – *der Erste* (*der erste*) или субстантивированного прилагательного – *der Einzige* (*der einzige*).

Например: ... war er *der Erste*, die Enge und Kleinheit *der Verhältnisse* zu empfinden. (Th. Mann, *Die Buddenbrooks*, S. 519). *Die Deutschen* ... sind die einzigen, völlig zu begreifen, daß sie verloren wären, kämen sie nicht dem Krieg zuvor durch ihre Befreiung. (H. Mann, *Publ. Schr.*, S. 102). Тот факт, что инфинитив в этих словосочетаниях утрачивает значение предположительной модальности и выражает реальное действие, объясняется особенностями лексического значения господствующего слова и спецификой структуры данных словосочетаний. Это значение инфинитива (выражение им реального, а не гипотетического действия) проявляется исключительно в условиях данной определительной конструкции, т.е. является конструктивно обусловленным.

В этом случае противопоставление инфинитива причастиям по линии модальной репрезентации (значение предположительной модальности – значение реальной модальности) полностью снимается. Это подтверждается данными трансформационного анализа. Ср. *Die Deutschen sind die einzigen zu begreifen* – – –

Die Deutschen sind die einzigen, die begreifen...

Er ist der Erste... zu empfinden – – – *Er ist der*

Erste, der empfindet (empfunden hat)...

(Из сопоставления данных инфинитивных конструкций с определительными придаточными предложениями видно, что инфинитив выражает здесь действительный, реальный факт).

При сопоставлении неличных форм глагола наблюдаются также случаи, когда семантические различия между ниминейтрализуются лишь частично, т.е. в каком-нибудь одном отношении. Это обнаруживается в ряде случаев при сопоставлении причастий. Мы уже отмечали, что причастие II противопоставле-

но причастию I по линии залоговых и видо-временных различий. Так, в частности, причастие II от переходных глаголов с предельным значением противопоставлено причастию I как по линии залога, так и по линии вида (оно имеет страдательное значение и выражает состояние предмета как результат совершившегося действия, т.е. имеет результативное значение).

Однако, в связи с тем, что в некоторых контекстуальных условиях предельный (терминативный) глагол утрачивает терминативный характер, причастие II от этого глагола теряет значение результативности (перфектности). Это наблюдается в тех случаях, когда действие, имеющее в виду какой-то результат и развивающееся к определенному пределу, является повторяющимся^{II}.

Так, в предложении "Der Brief, von meinem Vater geschrieben, lief gestern ein", где речь идет о единичном, имеющем определенный результат действии (акте "писания"), глагол *schreiben* является предельным, терминативным, и его причастие обладает не только значением пассивности, но и значением результативности (перфектности). Это же подтверждают данные трансформационного анализа.

Ср. *Der Brief, von meinem Vater geschrieben, lief gestern ein.* — *Der Brief, der von meinem Vater geschrieben worden ist (war), lief gestern ein.*

В предложении же "Anreden fürwörter, im allgemeinen klein geschrieben, schreibt man groß nur dann, wenn sie in Briefen, in feierlichen Aufrufen und Erlassen, in Widmungen und in Grabschriften gebraucht werden" ("местоимения ..., пишущиеся обычно с маленькой буквы")¹², где речь идет о повторяющемся действии (ср. "Anreden fürwörter, die im allgemeinen klein geschrieben werden..." — "местоимения, выражющие обращение, которые обычно пишутся с маленькой буквы . . ."), глагол утрачивает терминативный характер, а причастие — значение законченности и результативности (перфектности). В этом случае причастие II может быть противопоставлено причастию I только по линии залоговых различий (ср. пишущиеся — пишущие), видовые различия здесь нейтрализуются, поскольку оба причастия выражают действие в его течении.

Видовые различия между причастием I и причастием II ней-

трализуются также тогда, когда причастие II образовано от переходного глагола непредельного значения (например, причастие II **geliebt**, поскольку в этом случае причастию II не свойственно значение результативности. Оба причастия от указанных глаголов имеют значение несовершенного вида и противопоставлены друг другу лишь по линии залога

(ср. die **liebende** Frau = любящая женщина
die **geliebte** Frau = любимая женщина)

Из приведенных примеров следует, что для уяснения значения причастия II нужно учитывать как семантику глагола, так и контекст, в котором это причастие выступает.

Другим интересным случаем, в котором причастие II выступает с необычным для него значением, является употребление его в конструкции "винительный падеж + причастие II переходного глагола". Вопреки своему обычному "статусу" причастие II переходного глагола имеет здесь не пассивное, а активное значение. Это оказывается возможным потому, что обособленное и более самостоятельное положение этих оборотов в предложении ведет к ослаблению семантической связи причастия с тем существительным, от которого оно зависит. Однако полностью эта смысловая связь не теряется, изменяется лишь ее характер. Причастие II, выражая признак предмета, на который было направлено его действие, становится также выражением временно-го признака лица, который его производил¹³.

Причастие II имеет в этой конструкции значение результативного действия (состояния), причем результат действия по времени совпадает со временем действия личной формы глагола¹⁴. Например: ... Sie **blieb** vor ihrem Schreibtisch stehen, die Hände auf die kühle Platte gestützt. (Johannsen, Asklepios..., S. 33).¹⁵

В данном случае причастие II может быть противопоставлено причастию I только по линии вида, поскольку оно выражает результат совершившегося действия, в то время как причастие I обозначает незаконченное действие, т.е. действие в его течении (ср. **gestützt** - **stützend** - "опершись - опираясь"); залоговое же противопоставление в этом случае снимается.

Например, ср.: Langsam umrundete sie ihren Schreibtisch und **blieb** vor ihm stehen, die Hände auf die kühle Platte

gestützt. (Johannsen, Asklepios..., S. 33). Jünger, S.33).

... Sie blieb vor ihrem Schreibtische stehen, die Hände auf die kühle Platte stützend.

Здесь действует одно из условий нейтраллизации оппозиций – структурная обусловленность, которое заключается в том, что в некоторых синтаксических структурах оппозиция снимается.¹⁶

Под влиянием другого условия нейтраллизации оппозиций – внутренней лексической обусловленности – происходит в некоторых случаях снятие семантического различия между герундивом ("причастием I с частицей *zu*") и причастиями. Это наблюдается тогда, когда герундив образован от глаголов чувственного восприятия (*verba sentiendi*).

В то время как герундив обычно имеет значение предположительной модальности, герундив, образованный от глаголов чувственного восприятия, выражает действительный, реальный факт.

Cр. Die Alchemie verfolgte das Ziel, mit Hilfe eines aufzufindenden... "Steins der Weisen" unedle Metalle in Gold und Silber zu verwandeln. (герундив выражает гипотетическое действие).

Ali... versteht nichts, bis Mahmud in höchster Verzweiflung ein von allen zu vernehmendes "Ja" herausstößt.

(герундив выражает реальное действие).

В герундиальных конструкциях, образованных от глаголов чувственного восприятия, действие мыслится как реальное и адекватное высказываниям, которые передаются с помощью изъявительного наклонения.¹⁷ Поэтому противопоставление герундива причастиям на основе наличия у него модальной репрезентации в данном случае нейтрализуется.

Cр. ein zu vernehmender Ruf

ein diesen Ruf vernehmendes Ohr

ein von allen vernommener Ruf

Однако при этом между герундивом и причастиями возникают залогово-видовые различия.

С причастием I герундив коррелирует по линии вида и противопоставляется ему по линии залога, поскольку всегда имеет страдательное значение: ср. воспринимаемый (слышимый) – воспринимающий (слышащий).

С причастием же II герундив коррелирует по линии залога и противопоставлен ему по линии вида (ср. воспринимаемый - воспринятый).

Что касается сопоставления герундива, образованного от глаголов чувственного восприятия, с инфинитивом, то в данном случае инфинитив противопоставлен ему по линии модальной презентации, в то время как в других случаях данное противопоставление отсутствует, поскольку обе эти формы имеют модальное значение.

Мы рассмотрели некоторые частные значения неличных форм глагола (отклонения от их обычной нормы значений). Изучение частных значений каждой из неличных форм глагола, составляющих вместе с инвариантным значением ее семантический потенциал, дает возможность рассмотреть каждую из этих форм как многоаспектное языковое явление и выявить ее специфику.

Прослеживая отношения между неличными формами глагола, мы наблюдаем сложную картину их семантического сближения и расхождения, перекрещивания и соприкосновения (*Berühring - berpring*, по выражению норвежской лингвистки И.Даль), что свидетельствует об их неразрывном единстве в общей системе неличных форм глагола современного немецкого языка.

Примечания

¹ G.Bech, *Studien über das deutsche Verbum infinitum*, Bd. 1-11. Köbenhavn, 1955-1957.

² G.Bech, ebenda, Bd. I, S. 12-15.

³ См. Е.А.Крашенинникова. Новое в немецкой грамматике. Выпуск 3, М., 1960, стр. 125.

⁴ См. Л.С.Бархударов. Грамматические категории неличных форм глагола в английском языке. "Иностранные языки в школе", 1970, № 6, стр. 13.

⁵ Хотя причастие и инфинитив входят по своим основным грамматическим свойствам в систему глагола, они представляют собой две различные категориальные формы, поскольку причастие обладает рядом грамматических категорий, не свойственных инфинитиву (выступая в функции определения, причастие склоняется и изменяется по родам и числам на основе согласования).

⁶ Термин "репрезентация" заимствован у проф. А.И.Смирницкого. Этим термином пользуется и проф. Л.С.Бархударов. Вслед за проф. Л.С.Бархударовым под репрезентацией мы понимаем то, какими отличительными признаками (категориями) представлена та или иная форма в системе неличных форм глагола.

⁷ См. О.Н.Москальская. Грамматика немецкого языка. М., 1958, стр. 341.

⁸ Нами использована схема Е.И.Шендельс. См. Е.И.Шендельс. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, стр. 8.

⁹ Вслед за Е.И.Шендельс под нейтрализацией мы понимаем процесс, при котором в определенных синтагматических условиях снимаются смысловые дифференциальные признаки противочленов оппозиции.

¹⁰ Некоторые исследователи рассматривают все частные значения формы как реализацию некоего общего инвариантного значения, лежащего в их основе. См. R.Jacobson, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, FCLP, 6, 1936.

¹¹ См. А.И.Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 163.

¹² В приведенных предложениях причастные обороты выполняют функцию обособленного определения-приложения.

¹³ См. В.Г.Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 205-206.

¹⁴ См. W.Schmidt, Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin, 1956, S. 148.

¹⁵ Конструкция "винительный падеж+причастие II переходного глагола" выступает в предложении в функции обособленного предикативного определения (как в приведенном нами примере) или приложения.

¹⁶ См. Е.И.Шендельс. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, стр. 18.

¹⁷ См. О.А.Карамина, Грамматические значения герундива в немецком языке. Ученые записки Ярославского гос.пед. ин-та им. К.Д.Ушинского, вып. XXX (XI), 1957, стр. 209.

СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ЯДЕРНЫМ КОНСТИ- ТУЕНТОМ – ОБОЗНАЧЕНИЕМ ПРИЗНАКА (КАЧЕСТВА)

Наиболее продуктивными моделями существительных, обозначающих признак (качество) в современном немецком языке, являются производные от прилагательных с суффиксами *-heit*, *-keit*, *-igkeit*, ⁴*-ie* и субстантивированные прилагательные. Определенное количество имён существительных названной семантики производится от прилагательных с помощью суффиксов *- (i)tät*, *-ion*, *- (e)ie*, *-esse*.

Как отмечают исследователи,¹ эти существительные воспринимают валентность прилагательных, от которых они произведены. Их семантическая валентность обусловлена основной семантической функцией прилагательных – служить обозначением признака (качества). Однако обозначение признака не мыслимо в речи без соотнесённости с носителем данного признака. Эта соотнесённость получает в речевых контекстах различное языковое воплощение. Основной языковой структурой, в которой реализуется семантическое отношение "признак – носитель признака" является именное словосочетание, состоящее из существительного и согласующегося с ним прилагательного. При "транспозиции признака в субстанцию"², когда признак (качество) обозначается не прилагательным, а отадъективным существительным, семантическое соотношение "признак – носитель признака" сохраняется, а словосочетание конституируется из двух существительных, одно из которых обозначает признак/качество, а другое – носителя этого признака (качества). Основная модель такого словосочетания: определяемое (обозначение признака) + определение в родительном падеже (носитель признака). Смысловое отношение между определяемым и определением, как отмечает В.Г. Адмони,³ чисто внутреннее, отличающееся от отношения принадлежности.

Анализ лексической наполняемости конституентов названной модели позволяет очертить круг наиболее типичной семантической сочетаемости ядерного конституента – обозначения признака с зависимым конституентом, а также сделать некоторые наблюдения над модификацией структуры словосочетания в

зависимости от семантики его конституентов.

Смысловое отношение "признак - носитель признака" допускает семантическую сочетаемость ядерного существительного со всеми основными лексико-семантическими разрядами существительных, однако далеко не в равной мере.

Рассмотрим наиболее широко представленные в исследованном материале случаи реализации интересующего нас отношения.

I. Зависимый конституент - одушевлённое существительное. В первую очередь это антропонимы индивидуативной и коллективной семантики:

die Besorgtheit des Alten (GdB Pr., 71);

die Aufmerksamkeit ihrer Kollegen (SL Vorb., 376);

die Unsicherheit der Jugend (GdB Pr., 29);

dank der Schönheit seiner Herrin (MF St., 81).

Ядерное существительное (обозначение признака) выражено от-адъективными существительными с суффиксами *-heit*, *-keit*, а также существительными с суффиксами *-e*, *-tät*, *-irde*, *-ie* и субстантивированными прилагательными (единичные случаи). Ядерные существительные, обозначающие постоянный признак лица, (*Schönheit*, *Würde*, *Sensibilität* и др.) произведены от прилагательных, со значением внешнего признака лица, внутреннего (психического) состояния человека, физического состояния человека. Среди ядерных существительных, обозначающих переменный признак лица, встречаются кроме того производные от причастий глаголов состояния.

Структура словосочетаний с названной семантикой конституентов может быть расширена за счет согласующихся определений как при ядерном, так и при зависимом конституенте. Это расширение структуры не влияет на основное семантическое отношение между конституентами. Определение, относящееся к ядру словосочетания, может интенсифицировать его семантику. Ср. *mit einer ersten aulichen Gleichzeitigkeit aller Vögel* (ES Kal., 10);

die bemerkenswerte Gefäßtheit eines Mannes (MF St., 210) Определение к зависимому конституенту имеет обычно уточняющее, конкретизирующее значение.

Хотя основная форма выражения зависимого конституента - родительный падеж, при известных условиях вместо родительного

го падежа появляются предложные определения. Это определение с предлогом **von**, которое встречается, если определение – имя собственное или существительное во множественном числе без артикля или других, маркирующих падежную форму, зависимых слов. Такое употребление предложного определения с **von**, не обусловленное изменением семантики, а лишь формально-структурными причинами свойственно для всех словосочетаний с семантическим отношением "признак – носитель признака". Другая предложная форма, встречающаяся в исследованном материале – определение с предлогом **in** (*die Höflichkeit in Person* (MF Nf., I3), где определение обозначает обобщённого носителя качества. Эта специфическая форма определения, в силу своей семантики, возможна только при обозначении признака лица.

2. Зависимый конституент – неодушевлённое существительное с конкретно-предметным значением:

die Straffheit ihres Körpers (GdB Pr., 73);

das Schwere seines Gepäcks (SL Vorb., 9);

das Rot der Fliegerpilzhüte (FF Barl., 66).

В качестве ядерного конституента на первый план выдвигаются отадъективные существительные с суффиксом **‑heit** и субстантивированные прилагательные. Субстантивированные прилагательные относятся, в основном, к одной лексико-семантической группе: это прилагательные цвета. Среди существительных с суффиксами **‑heit**, **‑keit** главное место занимают имена, производные от прилагательных, обозначающих внешние признаки предметов и дающих их оценочную характеристику.

Особую группу образуют имена с суффиксом **‑ße**, образованные от прилагательных со значением размера, местоположения в пространстве: *Größe*, *Länge*, *Höhe*, *Dichte*.

Значение признака актуализуется при таком ядре лишь в расширенном варианте словосочетания или при наличии прилагательного *groß*, *lang* и т.д. в предваряющем словосочетание контексте. В конструктивном минимуме словосочетания реализуются значения "размер, местоположение в пространстве".

Ср. *die heroische Größe der Stunde* (GdB Pr., 154),

но: *die Größe des Weltalls* (AS Ub., 53), *von der Größe eines Geldstücks* (ND).

3. Зависимый конституент – существительное локальной

семантику:

- die Heiligkeit des Landes (MF, Hf., 36);
- die Farbigkeit von Neuyork (MF St., 141);
- von der Ode dieser Gegend (GdB See, 36);
- das Dunkelgraugrün der Spree (GdB See., 110).

Ядерный конституент - существительное с суффиксами - *heit*, -*keit*, -*e*, субстантивированные прилагательные; единичные примеры - существительные с суффиксами -*tion*, -*t*. Прилагательные, от которых образованы эти существительные, содержат либо оценочную характеристику (*schön*, *herrlich*), либо указывают на внешние признаки предмета, явления.

В расширенном варианте структуры семантическое соотношение конституентов не изменяется. Определение при ядре может иметь оценочный характер, определение при зависимом конституенте конкретизирует его семантику.

- Cp. die atmende Stille des Heidbergs (FF Barl., 65);
die Stille der hölzernen Stube (MF St., 264).

4. Зависимый конституент - существительное темпоральной семантики:

- die Schönheit der Nacht (GdB See., 76);
- die Freiheit ihres Wochenendes (MF St., 235).

Ядерное существительное - отадъективные имена с суффиксами -*e*, -*heit*, -*keit*, производные от прилагательных со значением оценочной характеристики либо внешних признаков явления. Словосочетания с конституентами этой семантики образуют замкнутую группу и представлены в большинстве случаев расширенным вариантом. В расширенном варианте весьма отчетливо проявляется уже отмечавшаяся тенденция: определение при зависимом конституенте имеет уточняющую, а определение при ядре - образно-оценочную функцию.

- Cp. die bittere Schönheit der Zeit (FF Barl., 61);
die Strenge des künftigen Winters (ES Kal., 270).

5. Зависимый конституент - существительное со значением действия или результата действия:

- die Bestimmtheit ihrer Meldung (MF Hf., 67);
- die Unerwünschtheit dieser Anrufe (MF St., 223);
- die Stärke ihrer Zuneigung (GdB See., 195);
- das Bitterschöne meiner Verwirrung (MF St., 143).

Ядерный конституент – отадъективные существительные с суффиксами – *heit*, *-keit*, *-e*, субстантивированные прилагательные, имена на *-er*, *-tät* (единичные примеры). Основная семантика прилагательных, от которых произведены имена существительные – способ осуществления действия, оценочная характеристика явления.

Расширенная структура не модифицирует семантику словосочетания. Согласующееся с ядром определение не обнаруживает тенденции к образности или оценочной характеристике, к интенсификации признака, а выполняет обычно уточняющую, конкретизирующую функцию, как например: *die von ihnen hineingelegte Zweideutigkeit dieses Anrufs* (GdB See., 151).

6. Зависимый конституент – абстрактные существительные различной семантики:

von der Nützlichkeit des Themas (SL Vorb., 459);
zur Kälte der Macht (GdB Pr., 59);
für die Komik des Unglücks (GdB Pr., 136).

Зависимый конституент в этой группе словосочетаний не поддается более точному семантическому описанию.

Ядерный конституент представлен, главным образом, именами на *-heit*, *-keit*. Резко падает количество имён с суффиксом *-e*. С именами на *-e* часто конституируются образно-переосмысленные словосочетания. Возрастает роль имён с суффиксом *-ik* (*Komik*, *Tragik*).

Таким образом, в словосочетаниях, где ядерное существительное однозначно обладает семантикой признака (качества) предмета, смысловое отношение "признак – носитель признака" реализуется в пределах конструктивного минимума словосочетания. Расширение структуры словосочетания за счёт согласующихся определений как ядерного, так и зависимого конституентов не меняет этого смыслового отношения. Согласующиеся определения могут лишь расширять, уточнять или интенсифицировать семантику словосочетания в целом. При этом наблюдается определенная тенденция к семантической спецификации согласующихся определений: определение при зависимом конституенте ("носитель признака") в большинстве случаев выполняет уточняющую, конкретизирующую функцию. Определение три ядерном конституенте (обозначении признака) интенсифицирует его значение или

создаёт оценочную, часто образную характеристику.

В тех случаях, где ядерное существительное многозначно и лишь в одном из лексико-семантических вариантов актуализуется как обозначение признака, согласующееся определение при ядре словосочетания является облигаторным актуализатором данного лексико-семантического варианта. Если актуализующее семантику признака определение отсутствует в структуре самого словосочетания, то смысловое отношение "признак - носитель признака" не может быть актуализовано в пределах словосочетания, а лишь в более широком контексте.

Примечания

¹ См., например: K.-E. Sommerfeldt, H. Schreiber. Zu einem Wörterbuch der Valenz und Distribution der Substantive. "Deutsch als Fremdsprache", 1975, Heft 2, S. 114-115.

² См. об этом M. Dokulil. Zur Theorie der Wortbildung. "Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe", Leipzig, 1968, Heft 2-3.

³ В.Г. Адмони. Синтаксис современного немецкого языка. "Наука", Л., 1973, стр. 242.

Список использованных источников и сокращений

GdB See - G. de Bruyn. Ein schwarzer abgrundtiefer See. Halle (Saale), 1966.

GdB Pr. - G. de Bruyn. Die Preisverleihung. Halle (Saale), 1972.

FF Barl. - F. Fühmann. Barlach in Güstrow. Leipzig, 1973.

MF St. - M. Frisch. Stiller. Frankfurt a.M. und Hamburg, 1965.

MF Hf. - M. Frisch. Homo faber. Berlin, 1974.

SL Vorb. - S. Lenz. Das Vorbild. Hamburg, 1973.

AS Ub. - A. Seghers. Überfahrt. Berlin und Weimar, 1973.

ES Kal. - E. Strittmatter. Schulzenhofer Kramkalender. Berlin und Weimar, 1967.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ СОЧЕТАНИЙ (Pr)+N+(that)¹
В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Общеизвестно, что многие служебные слова генетически связаны со знаменательными. Изучение перехода знаменательных слов в число средств синтаксической организации сложноподчиненного предложения является важным для понимания структуры языка, для вскрытия определенных тенденций в развитии языка.

Очевидно, этот процесс "вызван потребностью в более точном и специализированном выражении связей и отношений между разными явлениями и фактами действительности."²

Одним из проявлений этой тенденции является возникновение и распространение в современном английском языке сочетаний именной этимологии: *in case*, *on condition (that)*, *in the event that*, *in order that*.

Употребление этих сочетаний в связующей функции оценивается лингвистами по-разному. Одни считают их таким средством, которое помогает более чётко и дифференцированно выразить отношения между частями сложноподчиненного предложения.³ Другие, наоборот, рассматривают их как отрицательное явление в современном английском языке.⁴

Как зарубежные, так и отечественные лингвисты, по-разному трактуют сочетания (Pr)+N+(that), выступающие в функции подчинительных союзов. Существует точка зрения, согласно которой исследуемые сочетания относятся к классу союзов на основании общей подчинительной функции. Их называют союзами, союзными речениями, фразеологическими речениями *conjunctional phrases*.⁵

Некоторые лингвисты полагают, что имена существительные в сочетаниях (Pr)+N+(that), находясь на стыке главного и придаточного предложений, являются коррелятами и, таким образом, относятся к главному предложению.⁶

Так как языковеды по-разному анализируют данные конструкции, возникают вопросы, действительно ли указанные конструкции служат для выражения отношений, которые выявляются между частями сложноподчиненного предложения; действительно

ли они уточняют, дифференцируют эти отношения; маркируют ли они придаточную часть, являясь показателем её грамматической зависимости.

Определению функции сочетаний (Pr)+N+(that) в сложно-подчиненных предложениях с обстоятельственными придаточными предложениями посвящена данная статья.

Указанные сочетания именной этимологией с формулой (Pr)+N+(that) связывают главное и придаточное предложения, усиливают, уточняют смысловую связь между ними. Можно предположить, что сочетания (Pr)+N+(that) относятся к придаточно-му предложению и являются показателем его грамматической зависимости, так как при перестановке частей сложноподчиненного предложения сочетания (Pr)+N+(that) передвигаются вместе с придаточной частью.

Cp. "Try and get a double room, in case I can join you as Mr. March". (A.G.-437) In case I can join you as Mr. March try and get a double room.

Cp. "In case he gets away from me, he'll be blocked down here". (S.S.-270)

In case, in order that обладают яркой связующей функцией, которая обусловливается тем, что она совпадает с функцией подчинительных союзов, соответственно, when if, so that. Возможность субSTITУции сочетаний типа in case по подчинительными союзами в перечисленных примерах служит доказательством совпадения связующей функции сочетаний типа in case и подчинительных союзов.

"Try and get a double room, in case I can join you as Mr. March".

Try and get a double room, if I can join you as Mr. March.

Возможность субSTITУции предполагает возможность отнесения in case, in order that к классу союзов. Данное предположение основывается на том, что исследуемые сочетания относятся не к главному, а к придаточному предложению и, подобно подчинительным союзам, выражают неравноправные отношения и входят в придаточное предложение как "органическая часть".?

При помощи метода трансформации номинализации постараемся подтвердить это предположение. Теоретической предпосылкой метода трансформации номинализации служит то, что придаточное обстоятельственное предложение и трансформиро-

ванная конструкция обозначают один денотат. Правомерность их сопоставления доказывается тем, что сравниваемые поверхностные структуры восходят к одной глубинной структуре, а также тем, что при трансформации номинализации исключается опущение какого-либо члена предложения или переход в причастный оборот.⁸

"He figured out, as he stood there, what his income would be in case he refused to comply with his father's wishes". (J.G.-244) He figured out, as he stood there, what his income would be in case of his refusing to comply with his father's wishes.

Ср. "All the waste-paper baskets are always brought to me to check, at the end of the day, in case of mislaying anything of value". (R.-227)

Проведенная трансформация номинализации данных конструкций свидетельствует о том, что сочетания типа *in case* относятся к придаточному предложению и выполняют функции подчинительных союзов, определяя характер смысловых и синтаксических отношений между частями сложноподчиненного предложения.

И корреляты и сочетания типа *in case* обладают связующей функцией, так как и те и другие единицы обеспечивают тесную взаимосвязь главного и придаточного предложений, но корреляты относятся к главному предложению, являясь его членом, а сочетания (Pr)+N+(that), выступающие в функции подчинительных союзов, относятся к придаточному предложению и не являются членами предложения.

Следует также отметить, что для сложноподчиненных предложений с сочетаниями типа *in case* характерна пунктуация, совпадающая с пунктуацией сложноподчиненных предложений с подчинительными союзами. "In case he gets away from me, he'll be blocked down here". (S.S.-170)

Обстоятельственное придаточное предложение условия находится в препозиции по отношению к главному предложению и отделено от главного запятой. "Try and get a double room, in case I can join you as Mr. March". (A.G.-437) Придаточное предложение условия находится в постпозиции к главному предложению и отделено от главного предложения запятой.

Нами проанализировано 160 придаточных предложений, вводимых *in case*, из них 100 отделено запятой от главного предложения: 25 - в препозиции, 75 - в постпозиции по отношению к главному предложению.

В исследованном нами материале 77 сложноподчиненных предложений с придаточными цели, вводимыми сочетанием *in order that*. Из них 35 придаточных как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к главному предложению, отделены запятой.

"In order that he might not be entirely idle, Francis had purchased Euclid's Geometry in French...". (S.E.-295)

"The captain spoke pidgin Italian for my doubtful benefit, in order that I might understand perfectly that nothing should be lost". (F.A.-34)

Приведенные примеры говорят о том, что при всей непоследовательности английской пунктуации,⁹ запятая отделяет придаточное предложение, вводимое одним из исследуемых сочетаний, и относит это сочетание к придаточному предложению. На 1500 обработанных именных сочетаний, выступающих в функции подчинительных союзов, 800 отделены запятой от главного предложения. Нами не отмечено ни одного примера, где бы пунктуация указывала на принадлежность сочетания типа *in case* к главному предложению.

Таким образом, исследуя функции сочетаний $(Pr)+N+(that)$ в сложноподчиненных предложениях современного английского языка при помощи методов трансформации номинализации, пермутации и субSTITУции, а также указывая на характер пунктуации, приходим к выводу, что сочетания $(Pr)+N+(that)$ служат для выражения отношений между частями сложноподчиненного предложения, уточняют и дифференцируют эти отношения. Сочетания $(Pr)+N+(that)$, выступающие в функции подчинительных союзов, относятся к придаточному предложению и коррелятами не являются.

Материал настоящей статьи позволяет сделать следующие выводы:

I. В связи с потребностью в более точном выражении отношений между явлениями и фактами действительности развивается и усложняется предложение. Необходимость четко выразить

семантико-синтаксические отношения внутри сложноподчиненного предложения приводят к появлению союзных эквивалентов.

2. Разнообразие союзных эквивалентов, различная степень их переходности в корпус подчинительных союзов вызывают разную трактовку со стороны лингвистов.

Принципиальным вопросом в данном случае является: относятся ли исследуемые сочетания к главному предложению и, таким образом, являются коррелятами, или они относятся к придаточному предложению и, таким образом, являются союзными эквивалентами.

3. Мы отмечаем строго фиксированное положение союзных эквивалентов по отношению к вводимому ими придаточному предложению. Маркируя придаточное предложение, союзный эквивалент передвигается вместе с придаточной частью при перестановке главного и придаточного предложений.

4. Исходя из того, что возможность отнесения того или иного слова к определенному классу слов может быть установлена путём помещения его в функциональный ряд, мы, используя метод субSTITУции, показывает, что союзный эквивалент входит в один функционально-синонимический ряд с первичными подчинительными союзами.

5. Для сложноподчиненного предложения с придаточным предложением, вводимым союзным эквивалентом, характерна та же пунктуация, что и для сложноподчиненного предложения с подчинительными союзами.

6. Сочетания с формулой (Pr)+N+(that) выступают в функции подчинительных союзов и могут быть названы союзными эквивалентами.

Примечания

¹ Скобки означают факультативность предлога (Pr) и асемантического союза that.

² См. в сб.: "Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка". М., 1968, глава 3, стр. 270.

³ G.O.Curme, A Grammar of Spoken English. Cambridge, 1939, p. 103; B.Y.Ilyish, The Structure of Modern English. M.-L., 1965, p. 165, p. 185; Т.С.Бархударов и Д.А.Штелинг.

⁴ H.W.Fowler. A Dictionary of Modern English Usage. Oxford, 1958, p. 66, pp. 87-88; M.West, P.Kimber. Desbook of Correct English, Leningrad, 1963, p. 125.

⁵ Г.А.Кириченко. Определительные придаточные предложения в английском языке. Канд. дисс. Киев, 1954; А.П.Баскакова. Союзные слова в британском варианте современного английского языка. Канд. дисс. М., 1970; H.E.Palmer, A Grammar of the English Language, L., 1935; W.S.Allen, Living English Structures for Schools, L., 1968.

⁶ С.Я.Гельберг. Наблюдения над характером корреляции полнозначных слов в частях бессоюзного сложного предложения с подчинением. Канд. дисс. Ижевск, 1970; В.А.Храменкова, Функциональный класс коррелятов в современном английском языке. Канд. дисс. М., 1967.

⁷ А.Н.Гвоздев. Современный русский литературный язык. ч. I. М., 1973, стр. 420.

⁸ О процессе номинализации см.: З.С.Харрис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. В сб. "Новое в лингвистике", том 3, М., 1962; Н.Хомский. Синтаксическая структура, т. 2. М., 1962; Robert B.Lees. The Grammar of English Nominalization. The Hague, 1964; N.P.Irtenyeva & others. A Theoretical English Grammar. М., 1969.

⁹ K.Hardacre. Punctuation. London, 1957, p. 25; R.Skelton, Modern English Punctuation. London, 1949, p. 33.

Список сокращений

1. A.E. - Stone I., "The Agony and the Ecstasy". L., 1966.
2. A.G. - Stewart M., "Airs Above the Grounds", N.-Y., 1968.
3. Ch. - Galsworthy J., "In Chancery". M., 1964.
4. F.A. - Hemingway E., "A Farewell to Arms", M., 1969.
5. G.H. - Simon E., "The Golden Hand". N.-Y., 1965.
6. G.T.M. - Baldwin T., "Go Tell it on the Mountains", N.-Y., 1963.
7. J.T. - Dreiser, Th., "Jennie Gerhardt", M., 1964.
8. L. - Galsworthy J., "To Let", M., 1964.
9. M. and S Maugham S., "The Moon and Sixpence", M., 1963.

9. M and S - Maugham S., "The Moon and Sixpence", M., 1963.
10. M.S. - Morning Star, July 24, 1974.
11. O.W.T. - Bennett A., "The Old Wives' Tales". M., 1962.
12. R. - Maurier D., "Rebecca", M., 1956.
13. S.E. - Stevenson R., "Stories, Essays, Poems". M., 1973.
14. S.S. - Maltz A., "Selected Stories". M., 1951.
15. S.T.W.Lt Stone J., "Those Who Love". N.-Y., 1967.

А.В. С о р о к и н а

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ОДНОРОДНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВНУТРЕННЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЙСТВИЯ

В грамматической науке проявляется определенный интерес к проблеме однородности. Проблема однородности рассматривается как в общем плане, так и по отдельным синтаксическим функциям. Значительное место этой проблеме уделяется в исследованиях на материале русского языка.¹ Вопрос об однородных обстоятельствах рассматривается в разделе грамматики русского языка АН и в специальной работе Р.А.Хачатуровой.² На материале других языков и, в частности, немецкого, специально вопрос об однородных обстоятельствах не изучался, имеются лишь отдельные замечания по этому вопросу в связи с решением проблемы синтаксических функций или проблемы связей слов в предложении.

В данной работе рассматриваются однородные обстоятельства на материале художественной прозы современного немецкого языка. Анализ структур однородных рядов обстоятельств показал, что они обнаруживают черты сходства со структурами однородных рядов других синтаксических функций: 1) по типу связи однородные ряды всех синтаксических функций делятся на союзные, бессоюзные и смешанные; 2) по количеству компонентов они могут быть двухкомпонентными и многокомпонентными; 3) однородным рядам свойственны в основном три вида логико-грамматических отношений: соединительные, противительные, разделительные. По частотности преобладают двухкомпонентные ряды с соединительным характером отношений, показателем которых является союз *und*.

В данной работе анализируются двухкомпонентные ряды обстоятельств с союзом *und*, причем рассматриваются однородные ряды не всех семантических типов обстоятельств, а только одного из них, обладающего наибольшей частотностью — обстоятельств внутренней характеристики действия. Обстоятельство внутренней характеристики действия представляет собой тот тип обстоятельства, который чаще других встречается в группе глагола и поэтому чаще объединяется в однородный ряд.

Как известно, обстоятельство данного типа может быть выражено разными средствами. В зависимости от средств выражения *мы* и выделяем структуры двухкомпонентных рядов с союзом

В однородных рядах появляются те же обстоятельства, что существуют и вне их, но посредством сочинительной связи могут быть соединены обстоятельства, выраженные не только одинаковыми, но и разными средствами. Обстоятельственная функция позволяет соединять в однородном ряду наречие с причастием, существительным с предлогом, инфинитивным оборотом, могут быть образованы комбинации и без наречий в составе ряда.

Структуры однородных рядов обстоятельств внутренней характеристики действия с соединительным отношением могут быть разделены на две группы:

А) структуры с одинаковыми средствами выражения³:

Adv. und Adv.,
Pr. Sub. und Pr. Sub.,
Part. und Part.,
Inf. und Inf.,

Б) структуры с разными средствами выражения. В целом ряде структур в качестве одного компонента функционирует наречие. В этих структурах наречие выступает преимущественно как первый компонент и реже как второй:

Adv. und Part. (Part. und Adv.)
Adv. und Pr. Sub. (Pr. Sub. und Adv.)
Adv. und Inf. (Inf. und Adv.)

Среди структур смешанного состава выделяются следующие комбинации: Part. und Pr. Sub. (Pr. Sub. und Part.)

Part. und Inf. (Inf. und Part.)

Pr. Sub. und Inf. (Inf. und Pr. Sub.)

Анализ материала показал, что группы А и Б различаются по

частоте употребления. Структуры группы А, т.е. структуры с одинаковыми средствами выражения составляют 81%. Следовательно, наблюдается тенденция к соединению в однородном ряду одинаковых средств выражения. В группе А ведущей является структура *Adv.* und *Adv.* и составляет приблизительно 60%. Однаковые средства функционируют в типичном однородном ряду обычно и в одинаковых формах. Как в положительной степени, так и в сравнительной и превосходной выступают преимущественно оба компонента.

Sie wartete eine Weile, dann lachte sie kurz und böse auf. (Fallada)

Близкими по морфологическому составу к данным структурам являются структуры *Part.* und *Part.* В их состав могут входить как причастие первое, так и причастие второе. Как известно, причастие обнаруживает сходство с прилагательным на основе категориального значения, отсюда морфологическое оформление и синтаксические функции их совпадают.⁴ Прилагательное, в свою очередь, и качественное наречие того же корня плохо разграничиваются в немецком языке. Ряд немецких ученых (Л.Зюттерлин, Х.Глинц) рассматривают их как одну часть речи.⁵ Следовательно, качественное наречие и окакачествленное причастие являются также близкими категориями. Выше отмечалась тенденция к соединению одинаковых морфологических форм, это характерно и для структур, состоящих из причастий. Чаще сочинаются причастие первое с причастием первым и причастие второе с причастием вторым.

...daß sie seine vielen Untugenden seufzend und lächelnd wieder in Kauf nahm. (Feuchtwanger, 180)

Und bei jedem Schlag, den Kommissar Escherich verzweifelt und verängstigt geführt hatte... (Fallada, 309)

Причем в последнем примере второй компонент однородного ряда *verängstigt* действительно является причастием и по форме и по значению, но первый компонент является причастием только по форме и в современных словарях *verzweifelt* помечено как наречие. В связи с неразграниченностью рассматриваемых категорий усложняется дифференциация однородных рядов по структурным типам.

Весьма употребительной является структура: *Pr.* *Sub.* und *Pr.* *Sub.* В составе структуры выступают существительные с

предлогами *mit*, *ohne*, *voll*, *in* и др. Предлог употребляется преимущественно один раз перед первым компонентом:

Mit Führung und Freude begrüßte er ihn... (Th. Mann, 228)

Возможно и двукратное употребление предлога.

Sie bedrängte ihn, mit Sachverkenntnis und mit Eifer verteidigte sie das Werk ihres Mannes. (Feuchtwanger, 273)
В ряде случаев сочиняются существительные с разными предлогами.

... als sei er in HöllenTempo und ohne Halt von Gibraltar bis hier herauf gebraust. (Kant, 131)

Существительные с предлогом, появляющиеся в однородном ряду обстоятельств внутренней характеристики действия, также обнаруживают некоторое сходство с наречиями в том плане, что большинство из них имеют одинаковые лексемы, и существительное в ряде случаев может быть заменено наречием.

Er sprach mit Gleichgültigkeit und Kälte davon.
(Th. Mann, 306)

Однородный ряд *mit Gleichgültigkeit und Kälte* можно заменить без изменения смысла однородным рядом, состоящим из наречий *gleichgültig und kalt*.

Структура, компонентами которой являются инфинитивные обороты с *ohne zu*, обнаруживает сходство со структурой, состоящей из существительных с предлогом *ohne*, обе обозначают отсутствие какого-либо признака при помощи предлога *ohne*. Сходство состоит и в том, что предлог может быть употреблен один или два раза, в зависимости от объема структуры.

Auch er hat sie manchmal gesungen, ohne zu wissen und zu wollen, diese Lieder... (Böll, 75)

... ohne es zu wissen, womit sie ihre Vorbereitungen beginnen sollte, und ohne noch recht an die Wirklichkeit dieses Erlebnisses glauben zu können. (Th. Mann, 22)

В группе структур с разными средствами выражения наиболее частотной является структура, компоненты которой выражены двумя близкими категориями – *Adv.* und *Part.*

Er selbst aber kehrte noch einmal zurück... und sprach leise und mahnend... (Th. Mann, 223)

Компоненты структур *Adv.* und *Pr. Sub.* и *Adv.* und *Ing.* не обнаруживают каких-либо новых свойств. В данных комбинациях

средства выражения функционируют в том же оформлении, какое наблюдалось в ранее рассмотренных структурах.

Sie tranken langsam und mit Genuß in kleinen Gläsern das ihnen allen ungewohnte Getränk. (Fallada, 317)

Так же, как и наречие, причастие может сочиняться союзом und с существительным с предлогом и инфинитивной группой.

Als erster verschwand, stillschweigend und ohne Abschied, der Physiklehrer Dr. Seidel. (Joho, 212)

... blickte aus ihren Augen angestrengt nachdenkend und ohne etwas zu sehen ins Zimmer hinein. (Th. Mann, 3)

Структура Pr. Sub. und Inf. неупотребительна и в литературе встречаются лишь единичные примеры этой структуры. Структуры однородных рядов обстоятельства внутренней характеристики действия могут быть некоторым образом модифицированы в зависимости от сочетательных возможностей средств выражения категорий, составляющих эти структуры.

Компоненты структур могут иметь различного рода поясняющие слова. Возможны следующие позиции поясняющих слов: 1) перед первым компонентом, 2) перед вторым, 3) перед каждым компонентом. В постпозиции компонентов поясняющие слова встречаются редко.

Наречия, причастия и существительные имеют неодинаковые возможности распространения поясняющими словами. Наречия, например, обладая самыми малыми сочетательными возможностями, располагают такими средствами распространения как наречия *so, sehr, etwas, ganz, nur, wie, ein bißchen, außerordentlich*.

Er hatte es sehr gut und eindringlich gesagt.
(Th. Mann, 1, 457)

В позиции перед каждым компонентом могут присутствовать одинаковые поясняющие слова или разные.

Er schaut ein bißchen stumpfsinnig und ein bißchen ängstlich darein. (Fallada, 180).

... lächelte er nur tief und sehr hochmütig. (Feuchtwanger, 186)

Если в качестве поясняющего слова выступает наречие *so*, то возможна появление в постпозиции второго компонента придаточного предложения.

Sie flüsterte schreckenvoll und so leise, daß kein

Findringling es gehört hatte. (H.Mann, 371)

Поясняющие слова к причастию второму совпадают с поясняющими словами к наречию, а возможности распространения причастия первого несколько иные, так как поясняющие слова, которые характерны для наречия и причастия второго, и обозначающие степень качества действия, не могут быть свойственны причастию первому, выражавшему сопутствующее действие.

Er strich langsam und tief atmend mit der Hand über Stirn und Augen. (Th.Mann, 434).

Поясняющие слова к наречию и причастию, не влияя существенным образом на структуру однородного ряда, вносят дополнительные моменты в характеристику действия. В этом смысле поясняющие слова отмеченных категорий сходны с определениями к существительному. Определение входит в группу существительного, а не является необходимым компонентом структуры. Существительное имеет наибольшие сочетательные возможности, поэтому структура *Pr. Sub.* und *Pr. Sub.* отличается от других структур способностью широкого использования разнообразных определений.

Mit Kummer und steigender Enttäuschung hatte sie erlebt ... (Feuchtwanger, 186)

Анализ структур однородных рядов обстоятельств внутренней характеристики действия позволяет сделать вывод о том, что наречие, являющееся основной морфологической категорией состоятельственной функции, доминирует и в сочинительных сочетаниях. Типичной структурой для однородных рядов обстоятельств внутренней характеристики действия является структура *Adv. und Adv.* В однородном ряду с наречием могут сочетаться и другие средства выражения: причастие, существительное с определениями предлогами, инфинитивный оборот. Возможны и иные комбинации без участия наречия, но подобные структуры не являются типичными, частотность их низка. Низкочастотными являются структуры с инфинитивным оборотом. Наблюдается тенденция к сочетанию в однородном ряду не только одинаковых средств выражения, но и одинаковых форм.

Структуры однородного ряда могут распространяться за счет наличия поясняющих слов, при помощи которых уточняется характеристика действия.

Примечания

1 А.М.Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 445, Грамматика русского языка, т. II, ч. I, изд. АН СССР, М., 1960, стр. 600; В.Ф.Кохно. Предложения с однородными главными членами в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс. М., 1965; С.С.Слободинский Осложнение структуры простого предложения рядами однородных членов. Автореферат канд. дисс. Саратов, 1969; Л.Д.Чеснокова. Типы синтаксических построений с однородными компонентами. В кн.: "Вопросы изучения русского языка", Ростов-на-Дону, 1963; А.С.Уськин. Однородные и неоднородные определения в современном русском языке. Автореферат канд. дисс. М., 1954.

2 Р.А.Хачатурова. Однородные обстоятельства в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс. М., 1969.

3 Условные обозначения: *Adv.* - наречие, *Pr. Sub.* - существительное с предлогом, *Part.* - причастие первое или второе, *Inf.* - инфинитивная группа.

4 Ср. А.А.Прокопчук. Адъективация причастия I в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. Л., 1969; В.В.Лопатин. Адъективация причастий и ее отношение к словообразованию. "Вопросы языкознания", 1966, № 5.

5 О неразграниченности данного грамматического явления пишет В.Г.Адмони. См. W. Admoni. *Der deutsche Sprachbau*. L., 1972, S. 149-151. Исследованию вопроса посвящена кандидатская диссертация Г.И.Иноземцева. См. Г.И.Иноземцев. Сочетание краткого прилагательного и однокорневого наречия в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. Л., 1964.

Литературные источники

- H. Böll. *Der Zug kommt pünktlich*, Verlag Ullstein GMBH, Frankfurt/m-Berlin, 1965.
- H. Fallada. *Jeder stirbt für sich allein*, Aufbau-Verlag Berlin, 1956.
- L. Feuchtwanger. *Die Brüder Lautensack*, Rudolstadt, Greifenvorlag, 1956.

- L.Feuchtwanger. Exil, Aufbau-Verlag, Berlin, 1956.
- W.Joho. Die Kastanie, Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1971
- H.Kant. Die Aule, Rütten Loening Berlin, 1971.
- H.Mann. Die Jugend des Königs Henri Quatre, Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1966.
- Th.Mann. Buddenbrooks, Aufbau-Verlag, Berlin, 1963.

С Т И Л И С Т И К А
И Л И Т Е Р А Т У Р О В Е Д Е Н И Е
Х.М. М е л ь г у н о в а

К ПРОБЛЕМЕ ЛЕЙТМОТИВА

В современном литературоведении едва ли не одним из самых расплывчатых и неточных является термин "лейтмотив". Это слово можно встретить в большом числе работ, различных по тематике и проблемам. Причем, авторы трудов (как отечественные, так и зарубежные исследователи) понимают под "лейтмотивом" довольно широкий круг явлений, порой противоречивых и взаимно исключающих друг друга. Приводит к этому отсутствие специальной теоретической разработки вопроса о лейтмотиве в литературоведении, механический перенос термина из музыки в литературу, в плане учета скорее семантики слова, чем музыкальной сущности самого явления, а слово многозначно.

Между тем за последние годы наблюдается все более возрастающий интерес исследователей-литературоведов и стилистов - к явлениям, обозначаемым этим словом. Оно все чаще появляется на страницах работ, посвященных анализу художественных произведений, языка и стиля писателя, причем содержание понятия становится все более расплывчатым и неопределенным.

В связи с вышеизложенным актуальность исследования проблемы лейтмотива очевидна. Ниже будет сделана попытка выявить основные критерии подхода к изучению проблемы лейтмотива, наметить его характерные черты.

Как уже отмечалось выше, круг явлений, обозначаемых "лейтмотивом", так широк, а сами явления так разнообразны и взаимопреплетены, что их четкое вычленение и характеристика представляются чрезвычайно затруднительными. Остановимся (последовательно) на наиболее принципиальных вопросах, возникающих при трактовке лейтмотива.

Прежде всего необходимо уточнить семантику самого слова. **Лейтмотив:** 1) основной мотив, неоднократно повторяющийся в музыкальном произведении; основная музыкальная тема. 2) Перен. Основное положение, ведущая мысль, неоднократно

повторяется, подчеркивается; руководящее начало чего-либо. I

Первое значение уводит нас в область музыки. Естественно, что само явление лейтмотива в литературе и музыке настолько различно, насколько различны художественно-выразительные средства языка музыки и литературы, жанр и форма музыкальных и литературных произведений и др., так что о преемственности в литературе методов анализа музыкального лейтмотива, а также об идентификации терминологии говорить невозможно.

С другой стороны, бесспорно, выделяются некоторые общие черты, которые позволяют провести известные параллели и помогают разобраться в ряде явлений литературного лейтмотива.

Поэтому попытаемся выявить основные черты музыкального лейтмотива. Оказывается и в музыковедении отсутствует достаточно четкая теория лейтмотива. Можно указать лишь на несколько работ, где дается обзор (хотя и беглый) истории лейтмотива в музыке, и на ряд исследований по лейтмотиву в творчестве отдельных композиторов.

Сам термин лейтмотив определен в музыкальных энциклопедиях и словарях недостаточно четко. На это неоднократно указывают авторы исследований по лейтмотиву, ср., например, О.Соколов.² В специальных исследованиях по лейтмотиву наблюдается различное, а часто и противоречивое, понимание аналогичных явлений, например, нет единого мнения о том, что принимать за "Leitmotiv", "Begleitmotiv", "Erinnerungsmotiv", "Erkennungsmotiv".³ Сравним, к примеру, несколько определений, приведенных в русской и немецкой музыкальной энциклопедиях последних лет изданий (курсив наш):

(I) Лейтмотив... яркий, образный мелодический оборот (иногда целая тема), применяемый в музыке для характеристики к.-н. лица, идеи, явления, переживания и многократно повторяющийся в произведении по ходу развития сюжета.⁴

(II) "Leitmotiv bedeutet im deutschen Sprachgebrauch ein Symbol, das im musikalischen Drama bestimmte Situations oder Personen wiederkehrend charakterisiert.⁵

(III) "Leitmotiv - eine musikalische Folge (Melodie, Klänge, Rhythmen), die in der Oper oder in programmer Instrumentalistik bestimmte Personen oder Situationen charakterisiert und vorgetragen wird, sobald die Person oder die Handlung real oder ideal in das Geschehen eintrifft."⁶

Как ни различны все три определения, все же из них возможно вычленить общие черты (мы их выделили курсивом), которые могут служить основными приметами лейтмотива: его характеризующая способность, повторяемость, структурная завершенность (музыкальная фраза, оборот и проч.).

Аналогичную трактовку можно встретить и в диссертации О.Соколова: под лейтмотивом он имеет в виду "не только определенность смыслового значения и повторяемость каких-либо музыкальных элементов, но также появление их в разных моментах произведения и конструктивную рельефность, отчетливость во всех их проявлениях".

И все же этих характеристик оказывается недостаточно, чтобы четко очертить круг явлений, обозначаемых словом "лейтмотив", отделить его от сходных повторов музыкальных фраз, называемых "Begleitmotiv", "Erkennungsmotiv", "Erinnerungsmotiv". Очевидно следует найти еще какие-то дополнительные критерии, и, наверное, не последнюю роль играет здесь вопрос о символике. Ведь именно как символ определяют лейтмотив авторы музыкальной энциклопедии (см. определение П, приведенное выше). Именно на эту черту лейтмотива, как на основную, указывает К.Вёрнер: "Leitmotive sind Motive und Themen, die in der Oper als musikalische Tonsymbole verwendet werden".⁸ Автор особо останавливается на этом вопросе, отмечая целый ряд символических значений лейтмотива: лейтмотив как символ психических содержаний (характеристика предметов, содержания представлений, восприятий), лейтмотив как символ неземной силы (например, в "Волшебном стрелке" Вебера), лейтмотив как символ поступков (например, во всех операх романтиков лейтмотив провозглашает победу добра над злом); лейтмотив как символ "процесса внешнего действия" ("Naturmotive" в "Лоэнгрине" Р.Вагнера); лейтмотив как символ предметов (например, "Кольцо Нibelунгов"; до Вагнера в этой функции лейтмотив не использовался).

Часто указывают на композиционную функцию лейтмотива как сквозного мотива.⁹ Но это вопрос особый, и мы на нем останавливаться не имеем возможности.

Таковы (очень кратко) основные соображения, которые необходимо учитывать и при трактовке лейтмотива в литературе

Как уже отмечалось выше, в современном литературоведении теория лейтмотива почти не разработана. Трудно даже указать на специальное исследование по теории вопроса, и это тем более удивительно, что само явление лейтмотива в литературе, и прежде всего в художественной, восходит к глубокой древности, его истоки можно найти в устном народном творчестве. Широкое развитие получает лейтмотив в произведениях Золя, Диккенса, Толстого, Тургенева, Чехова. Важную роль играет лейтмотив в творчестве Шекспира, Гете. Бурного развития достигает это явление в современной художественной литературе. Лейтмотивом пользуются писатели самых различных направлений и школ. Его можно встретить в произведениях разной формы: новеллах, рассказах, романах, пьесах. Лейтмотив является неотъемлемым элементом публицистики и поэзии. Чтобы убедиться в широте и многообразии диапазона лейтмотива в современной художественной литературе, достаточно назвать некоторых писателей, в творчестве которых это явление выступает наиболее широко и ярко: Маяковский, Есенин, Симонов, Цветаева, Горький, Шолохов, Гончар, Э.Грин и многие другие писатели и поэты. В немецкой литературе – это Зегерс, Шриттматтер, А.Цвейг, Бехер, Брехт, Борхерт (в его творчестве лейтмотив занимает особое место, являясь неотъемлемым элементом всех произведений писателя: стихотворений, рассказов, пьес). Но наиболее глубоко и много-гранно используется лейтмотив в творчестве Томаса ~~Манна~~¹⁰, становясь основным компонентом его стилистической системы.

За последние годы исследователи все чаще отмечают явление лейтмотива в литературе, появилось много интересных работ (как в литературоведении, так и в стилистике), в которых прямо или косвенно затрагиваются вопросы лейтмотива в творчестве некоторых писателей. Очень большой вклад в развитие теории лейтмотива внесли исследования Т.И.Сильман.

В каждом исследовании есть много интересных наблюдений, наглядных примеров, особенно важны при этом работы, посвященные изучению языка и стиля писателя. И все же единой теории лейтмотива, которая отражала бы основные стороны этого явления, столь широко представленного в современной литературе, еще ни в литературоведении, ни в стилистике нет. Сам термин, о чём говорилось выше, расплывчат, и во многих словарях, даже последних изданий, обозначен только как музы-

кальный. II

О том, как неточен и широк термин "лейтмотив" в литературе, свидетельствуют определения, приведенные в литературных лексиконах и энциклопедии, а сопоставление аналогичных изданий за последние 25-35 лет, показывает, как мало продвинулась вперед разработка теории лейтмотива. Так, например, в немецком лексиконе 1958 года издания мы читаем: "Leitmotiv: häufig wiederkehrendes, einprägsames Motiv (stereotype Charakterisierung, dieselbe Redewendung usw.)"¹² В лексиконе 1973 года издания говорится: "Leitmotiv... häufig wiederkehrendes Motiv in Gestalt der Darstellungen von Dingen... von Vorhängen und Handlungen... Äußerungen..."¹³

Основное различие состоит, как мы видим, в последнем уточнении (мы его выделили курсивом), интересном с точки зрения формы проявления лейтмотива, однако, сама суть явления по-прежнему не вскрыта.

Показательно сравнение двух последних изданий Большой советской энциклопедии (интервал между изданиями 18 лет). В энциклопедии 1954 года издания вообще ничего не говорится о лейтмотиве в литературе, а в издании 1973 года литературному лейтмотиву удалено значительное место, и этот немаловажный факт уже сам по себе служит свидетельством актуальности вопроса о литературном лейтмотиве.

Приводимое ниже определение (из последнего издания энциклопедии), хотя и допускает терминологическую неточность (ср. выражения, выделенные нами курсивом), все же отражает не только сдвиг в исследовании вопроса, но и указывает на определенные направления, по которым оно проводилось.

"...понятие лейтмотива нередко применяется при анализе произведений литературы, обозначает образный оборот, повторяющийся в произведении как момент постоянной характеристики героя, переживания или ситуации. Повторяясь и варьируясь, лейтмотив срастает ассоциациями и обретает особую идейную, психологическую или символическую углубленность... . . . Говорят также о звуковых, ритмических и интонационных лейтмотивах в поэзии. Термин лейтмотив получил и более широкое нарицательное значение, определяя доминирующее начало в деятельности человека, в цепи событий и т.п."¹⁴

Основные черты лейтмотива, согласно этому определению: повтор и варьирование, символичность, способность характеризовать героев, переживания, ситуации. В последнем же предложении отражается встречающееся иногда понимание лейтмотива в переносном значении, синонимичном слову "Leitfaden", что не имеет ничего общего с лейтмотивом в литературном произведении как одним из художественно-изобразительных средств писателя и поэтому не должно входить в определение термина "литературный лейтмотив".

Наиболее подробно, хотя и не менее "расплывчно и неопределенно", как отмечают сами авторы, дано определение лейтмотива в литературной энциклопедии издания 1932 года. Здесь намечается три варианта в понимании термина "лейтмотив" "во-первых, для обозначения доминанты произведения или даже творчества писателя в целом.., во-вторых, для обозначения группы тематических элементов или выразительных средств, постоянных, "канонических" для определенного жанра и стиля, например, говорят о похищении, нападении морских разбойников, разлуке влюбленных, их скитаниях и конечном соединении... как лейтмотиве греческого романа, или о мрачном унылом пейзаже-кладбище, руинах, пожарища - как одном из лейтмотивов английской "кладбищенской поэзии" XVII века. Наконец, термином лейтмотив обозначается тот комплекс тематических и выразительных средств, который постоянно повторяется на протяжении данного художественного целого - литературного произведения..."¹⁵

Определение, приведенное в энциклопедии последующего издания (т.е. спустя 35 лет) мало чем отличается от вышеизданного: лейтмотив - это "...руководящая мысль, преобладающее настроение, главная тема, основной идеяный или эмоциональный тон произведения, творчества, направления."¹⁶ Здесь и в определении выше наблюдается смешение понятий литературный лейтмотив (которое могло бы стать литературоведческим термином) и лейтмотив в переносном значении этого слова, близкое к значению ведущая нить "Leitfaden" (ср. также стр. 105, определение 2).

Примеры на самое противоречивое толкование лейтмотива в литературе можно было бы умножить. Но даже из приведенных определений очевидно, что основная их неточность вытекает из смешения двух разных значений слова: прямого как явления

литературы и переносного, а также из смешения двух различных планов литературного произведения: плана содержания и плана выражения.

Под планом содержания мы понимаем прежде всего идею произведения, которая облекается в тему. Под планом выражения — языковую ткань произведения, весь комплекс художественно-выразительных средств, — и лейтмотив как одно из них.

На протяжении произведения тема развивается. Касаясь вопроса тематического развития, необходимо сразу же отметить своеобразие этого процесса, обусловленное индивидуальными особенностями стилистической системы писателя, идейным замыслом произведения и проч. И все же представляется возможным наметить некоторые довольно типичные варианты. В основе произведения обычно лежит одна центральная тема. Например, в романе Гончарова "Обломов" — это тема губительного воздействия обывательщины, косности, застоя, отсутствия живых интересов, на человеческую личность; тема утраченных надежд в романе "Большие надежды" Диккенса; тема гибели одной семьи в "Будденброках" Томаса Манна. Нередко эта тема задана уже в названии (заглавии) произведения, например, "Человек в футляре" Чехова, "Война и мир" Толстого, "Totentanz" Келлерманна. Иногда тема задается в начале произведения, в первых абзацах, которые являются своеобразной экспозицией. Ср., например, стихотворения Лермонтова:

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина! ("Бородино").

Погиб Поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвей,
С свинцом в груди и каждой мести,
Поникнув гордой головой!...

(*"Смерть поэта"*).

Это особенно характерно для рассказов, ср.:

"Федор Федорович Сигиев вскоре после того, как застал свою жену на месте преступления, стоял в оружейном магазине Шмукс и Ко и выбирал себе подходящий револьвер. Лицо его ве-

ражало гнев, скорбь и бесповоротную решимость. (А.П.Чехов, "Мститель").

Для произведений крупной формы характерно более сложное проведение темы, когда основная тема дробится на несколько лейттем. Каждая из них становится тематическим ядром (ср. термин Р.Вагнера "thematische Keime")¹⁷ и разрабатывается на протяжении произведения или какой-либо его части путем видоизмененных повторений (вариаций), путем дробления (или расщепления) тематических ядер на более мелкие, путем слияния их в более крупные, путем параллельного соположения аналогичных или контрастных элементов, путем дополнения новыми темами и проч. Тематическое развитие завершается утверждением главной темы произведения.

Расщепление главной темы и образование тематических ядер можно особо наглядно проследить на примере лирических вставок, которые обладают наибольшей тематической свободой внутри произведения. И все же тема каждой лирической вставки – это, собственно говоря, лейттема, подчиненная основной теме произведения. Например, тема лирической вставки поэмы Гоголя "Мертвые души": стремительное движение России вперед, в ней заложена пророческая мечта писателя о прогрессе России. Эта тема представлена в первом предложении-экспозиции лирической вставки: "Да и какой же русский не любит быстрой езды!" Развитие темы осуществляется посредством аллегорического лейтмотива птицы-тройки. Эта лейттема, выражая оптимизм писателя, является частью общей темы романа: разоблачения косности, рутины, застоя мира чиновников, помещиков, авантюристов-приобретателей России первой половины XIX века.

Важным средством воплощения и развития темы служит лейтмотив. Тематическое развитие, осуществляющееся при помощи лейтмотива, может происходить разнообразными способами. Остановимся на некоторых из них.

Одна из лейттем романа Гончарова "Обрыв" – "падение" Веры – проводится через лейтмотив обрыва. Этот лейтмотив заключен в слове "обрыв" (здесь ярко проступает символическое значение лейтмотива), закрепленном в самом названии романа". Лейтмотив развивается путем многократных повторов слова и его синонима "пропасть" в различной синтаксической функции.

ср.:

"Это мой другой страшный грех! - перебила ее Татьяна Марковна, - я молчала и не отвела тебя... от обрыва! (стр. 574, курсив наш).¹⁸

Стало быть, ей, Вере, надо быть бабушкой в свою очередь, отдать всю жизнь другим, ... да, начать "новую" жизнь, непохожую на ту, которая стащила ее на дно обрыва... (стр. 575)

Вера любила другого, надеялась быть счастлива с этим другим - вот где настоящий обрыв! (стр. 623).

Я бегу от этих опасных мест, от обрывов, от пропастей!.. (630).

Ну ка я напишу драму Веры, да не сумею обставить пропастями ее падение, - думал он, - а русские девы примут ошибку за образец, да как козы - одна за другой - пойдут скакать с обрывов!.. А обрывов много в русской земле! Что скажут мачехи и папеньки!.. (стр. 638).

На дне швейцарских обрывов мелькал образ Веры, над скалами снилась ему его отчаянная борьба с ней... (стр. 644)

Жена священника не знала историю обрыва до конца и приписала болезнь Веры отчаянию разлуки. (стр. 589).

Он злился, что уходит неловко, неблаговидно, хуже, чем он пророчил когда-то Райскому, что весь роман его кончается обрывом, из которого ему надо уходить не оглядываясь... (стр. 607)

Вера, глядя на него, угадала, что он во второй раз скатился с своего обрыва счастливых надежд. (стр. 601).

Проведение темы через один лейтмотив наиболее характерно для произведений малой формы, ср. рассказ Чехова "Невеста": тема пустой, скучной жизни обывателей провинциального городка проходит через лейтмотив колотушки.

Взаимодействие темы и лейтмотива может происходить и более сложным образом. Обратимся за примером к пьесе Чехова "Чайка". Основная тема: подвиг, полет. Побеждает в искусстве лишь тот, кто способен к борьбе. Эта тема раскрывается в поэтическом образе чайки. Сквозь мрак жизни пробивается лейтмотив чайки, который закрепляется в названии пьесы. Здесь взаимодействие лейтмотива с темой осуществляется дифференцированно: с одной стороны, тема развивается не только в лейт-

мотиве чайки, олицетворяющим образ Нины, но во всем действии пьесы, во всех ее образах: в рассуждениях актрисы Аркадиной, писателя Тригорина, в трагичной судьбе Константина Треплева и др. С другой стороны, лейтмотив чайки не всегда способствует развитию этой основной темы. В своей вариации лейтмотив чайки символизирует несчастную любовь Нины, ср. слова из записной книжки писателя Тригорина: "сюжет для небольшого рассказа". Этот сюжет был подсказан Тригорину самим фактом. Треплев убил чайку и положил ее к ногам Нины. Возникает параллель-аллегория: Тригорин - человек, который "от нечего дежать погубил" чайку (Нину). Этот вариант лейтмотива чайки завершается безысходностью, ср. слова романса: "Как чайку охотник, шутя и играя, он юное сердце навеки разбил, навеки разбита вся жизнь молодая, нет счастья, нет веры, нет жизни, нет сил..." Но этот вариант лейтмотива чайки относится к другой теме пьесы - теме несчастной любви, которая тоже занимает определенное место в произведении, но не является центральной. Основной вариант лейтмотива, через который проходит ведущая тема борьбы и победы, завершается оптимистично словами Нины: "Умей нести свой крест и ведуй. Я верую и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни." В искусстве побеждает только тот, кто способен на подвиг, - такова философская суть пьесы. Неслучайно чайка как символ подвига художника стала эмблемой МХАТ'а.

Важное место в проблеме лейтмотива занимает вопрос о его развитии. При этом необходимо учитывать, что как художественное средство выражения мысли, чувства, каких-либо черт персонажей, предметов, явлений и проч. лейтмотив обладает содержательной стороной и формой, т.е. языковыми средствами, воплощающими лейтмотив.

Приведенные выше примеры ни в коей мере не претендуют на иллюстрацию всего многообразия процесса тематического и лейтмотивного развития.

Но даже и из этих примеров очевидно, что развитие темы и лейтмотива происходит своими, чаще всего различными путями, что лейтмотив является не единственным средством развития темы, что одна тема может воплощаться не обязательно в одном, но и в нескольких лейтмотивах, а один лейтмотив мо-

жет способствовать развитию двух, реже нескольких тем.

Необходимым моментом в развитии лейтмотива является повтор. На этом характерном признаке лейтмотива можно было бы не останавливаться особо, если бы лейтмотив не понимали сегодня так широко и расплывчально. Собственно, само слово "лейтмотив" означает "ведущий мотив", что уже связано с явлением повторяемости. Повтор - неотъемлемая черта лейтмотива в музыке. Именно этот признак входит и во все определения лейтмотива, встречающиеся в музыкальных и литературных словарях и энциклопедиях разных лет изданий. И все же иногда можно встретить понимание, не предполагающее повтор, а скорее в переносном значении, как нечто главное, основное, например, "царнирующее начало в деятельности человека, в цепи событий и т.п." (См. Большая Советская энциклопедия, М., 1974, т. 14).

В сходном с этим переносном смысле употребляется иногда слово лейтмотив в литературоведении, о чем мы уже говорили выше. Нам представляется подобная трактовка лейтмотива неправомерной, ибо она искажает саму суть явления, отрицая его первооснову - мотив как языковую формулу и повтор как средство проведения лейтмотива, т.е. смешивая план выражения с планом содержания.

В понимании лейтмотива существует и другая тенденция: отождествление его с повтором, что также неправомерно, ибо далеко не любой повтор способствует раскрытию темы, выступая средством типизации какой-либо черты или явления, служит их символом. Например, в балладе Шиллера "Перчатка" повтор предложения "Und der König winkt wieder" не служит ни средством типизации или углубления смысла, не обладает символическим характером, а несет лишь ритмико-композиционную нагрузку, способствуя продвижению действия.

Повтор - характерное явление художественной литературы, особенно поэзии. Не углубляясь в анализ этого интересного и актуального вопроса, отметим лишь основные моменты, необходимые для интерпретации лейтмотива.

Повтор как художественный прием имеет различные формы проявления и восходит к фольклору (ср. повторы в былинах, сказках, песнях). Простейшим видом является повтор синтаксических структур (предложений, словосочетаний и проч.) без вариаций. Повтор постоянных черт (деталей) использовался с

целью комизма в народном театре. Это средство широко представлено в современном мюзикхолле, в театральных и в киномедиа (например, знаменитые трость, котелок и походка Чарли Чаплина). Нередко он служит средством типизации (Робина Гуда всегда изображают с луком и стрелами, короля с золотой короной и проч.). В 18 веке эти черты проникают в роман (Филдинг, Штерн, В.Скотт, ср. 19). Такой метод характеристики использовал Диккенс, значительно углубив его и сделав основной чертой своего стиля.²⁰

Анализируя повторы как средство создания типической характеристики в творчестве Диккенса, В.Дибелиус и О.Вальцель приводят интересные примеры, разбирают явления углубляющегося повтора с целью символического воздействия, применительно к которому они употребляют слово лейтмотив (Дибелиус называет это "мелодраматический лейтмотив" и ставит его в непосредственную связь со сценой). В работе приводятся интересные примеры. И все же согласиться с тем, как Дибелиус их трактует, во многом нельзя. Основным недочетом анализа является, как нам представляется, то, что автор не выделяет два различных вида повтора, которые отчетливо проступают в творчестве Диккенса и, в частности, в разбираемом им романе "Домби и сын". К первым мы бы отнесли углубленные повторы с целью символического воздействия, развития тем, раскрытия идеи произведения. Таковы, например, лейтмотив м-ра Каркера в романе "Домби и сын" (описание зубов м-ра Каркера как средство его психологической характеристики). По Дибелиусу же это лишь средство придать вещам "поразительную наглядность" (перевод наш-²¹). Лейтмотив красных занавесок как прорицание смерти миссис Сьютон. Или лейтмотив волн, зовущих маленького Поля Домби из жизни, как символ болезни мальчика, его обреченности на раннюю смерть, а тем самым как символ крушения дела "Домби и сын". Таким образом, лейтмотив волн проводит основную тему романа. Первые два лейтмотива можно назвать эпизодическими. Лейтмотив волн – центральным. Но независимо от того, являются ли они первостепенными или второстепенными в раскрытии идеи романа, мы их можем отнести к истинным лейтмотивам, ибо они обладают определенной символикой и являются средством выражения главной или побочной темы произведения.

От них отличается другой вид мотивов, тоже ярко пропущенных в романе "Домби и сын". Это, например, перья, танцующие на шляпе парализованной миссис Скьютон, или речевой мотив м-ра Блимбера, директора школы в Бригтоне: "Gentlemen, let us grieve our studies."

По аналогии с музыкой это вид мотивов можно назвать "Erinnerungsmotive". Они не обладают **символическим** воздействием (с точки зрения раскрытия идеи произведения), а служат лишь средством распознавания героя, создания устойчивой наглядности образа. Дибелиус же не различает этой разницы, сравнивает все мотивы в произведениях Диккенса с "суггестивными деталями" в народной балладе.²² И уже совсем странно последнее высказывание Дибелиуса: "В угоду одному удивительно мастерски развитому мотиву, Диккенс жертвует всяkim правдоподобием, всякой наглядностью, всяkim достоинством изображаемого предмета".²³ Как нам представляется, нет необходимости доказывать, что оба вида мотивов (Leitmotive, Erinnerungsmotive), занимая важное место в творчестве Диккенса, являются одним из средств его реалистического искусства. Аналогичные примеры можно наблюдать в произведениях Шекспира,²⁴ Гете,²⁵ Томаса Манна, Льва Толстого и других крупнейших реалистов мировой литературы. В этом отношении показательны слова Горького о творчестве Л.Толстого: для "пластичного" изображения героев нужно, чтобы слова "укрепили сразу в памяти читателя движения, ход и тон речи изображаемого лица".²⁶

Не имея возможности подробно останавливаться на вопросах символики лейтмотива как средства реалистического изображения действительности, заметим, что важную роль играет в этом процессе художественная деталь.

Являясь одним из художественно-выразительных средств, лейтмотив должен представлять собой лапидарную характеристику, которую можно было бы легко узнать в любом месте произведения. Заключает такую характеристику нередко художественная деталь, воплощая черты внешности, манеру речи, поведения, предметы одежды, признак явления и проч. Нередко - это деталь-символ, смысл которого раскрывается внутри самого произведения. Прием особенно характерен для Томаса Манна (ср., например, "голубые жилочки" у глаз 1-ки Клетерь-.

ян (новелла "Тристан"), которые используются писателем не столько с целью портретной характеристики, сколько в более глубоком философском плане, свидетельствуя о болезненности, обреченности героини. Детали-символы занимают существенное место в произведениях Чехова, например, футляр ("Человек в футляре") становится в рассказе символом "футлярной" жизни русского общества конца 19 века, ягодка крыжовника ("Крыжовник") вырастает в рассказе до символа мещанского своекорыстного счастья. Деталь внешности м-ра Уэммика в романе Диккенса "Большие надежды" - рот, захлопывающийся, как почтовый ящик, характеризует общественное положение героя, его зависимость от сильных мира сего и вынужденность молчанием охранять все тайные сделки своих хозяев.

Широко используются писателями явления природы в символическом плане: гроза, буря как знак протesta, бунта, революции (ср. "Гроза" Островского, "Песня о буревестнике" Горького и др.).

Символические детали как средство воплощения лейтмотива можно встретить в произведениях многих писателей-реалистов. Например, дрогающая и гаснущая свеча дважды появляется на страницах романа Л. Толстого "Анна Каренина" как лейтмотив обреченности Анны на гибель. Или, к примеру, детали портретной характеристики Каренина - оттопыренные уши, руки с набухшими жилами, привычка потрекивать пальцами - становятся благодаря лейтмотивному развитию средством создания психологической характеристики: не случайно, что эти черты вызывают чувство отвращения у Анны после знакомства с Вронским.

Такой художественный метод отображения окружающей действительности широко используется в творчестве современных писателей. Например, у Борхерта: маленький скромный желтый цветок одуванчика вырастает благодаря лейтмотивному развитию в символ огромной важности, помогает арестанту даже в застенках фашистской тюрьмы сохранить свой человеческий облик, веру в добро, в любовь, в будущее.²⁷

Не имея возможности остановиться подробнее на этом важном и интересном вопросе, перейдем к следующей черте развития лейтмотива. Повтор как способ развития лейтмотива может совершаться в двух планах: сюжетно и языковыми средствами.

Сюжетное развитие лейтмотива может происходить путем повтора ситуации, например в новелле Шторма "Империи" дважды повторяется ситуация в лесу. В начале новеллы Элизабет и Рейнгард гуляют во время пикника по лесу в поисках земляники. Здесь зарождается их любовь (стр. 463).⁴⁸ Но мечтам героев не сужено осуществиться. Их судьба складывается трагично. Элизабет вынуждена по настоянию матери выйти замуж за непримечательного человека. Рейнгард одинок. Через несколько лет он вновь встречает Элизабет. Они по-прежнему любят друг друга. В конце новеллы повторяется ситуация в лесу. Снова звучит лейтмотив земляники. Но его звучание теперь трагично. Герои утратили возможность счастья. Их пора любви (лейтмотив – "Erdbeerenzeit") не вернется.. Это раскрывается в диалоге героев во время их последней (второй) прогулки в лесу (ср. иносказание):

"Es ist keine Erdbeerenzeit," sagte sie.

"Sie wird aber bald kommen."

"Elisabeth schüttelte schweigend den Kopf;..." (S.463)

В новелле дважды повторяется сцена с пыгалькой, дважды звучит прореческий лейтмотив одиночества: "Sterben, ach, sterben, soll ich allein." (S.466,486). Крушение личного счастья Рейнгарда и Элизабет, их разлуку символизирует и образ водяной лилии, одиноко белевшей на темной глади озера. Лейтмотив водяной лилии проходит при повторе ситуации (наяву – во время ночной прогулки Рейнгарда) и перед его внутренним взором, стр. 484, 488).

Повтором ситуации закрепляется и лейтмотив, знаменующий пассивность героини, ее смиренение, отказ от борьбы за собственное счастье: "Es wird doch nichts daraus werden; Du hast keine Courage" (S.459), – говорит Рейнгард маленькой Элизабет, понимая ее характер и как бы прорицая будущее. Эти же слова, но уже не в будущем, а в прошедшем времени звучат в конце новеллы, как утверждение былого предсказания: "...es ist aber nichts daraus geworden." (S.484)

Время неумолимо к героям новеллы. Многое достиг Рейнгард в науке, но он по-прежнему одинок и несчастлив в личной жизни. Этот лейтмотив также проводится через повтор ситуации, ср. описание прогулки Рейнгарда весной, когда он молод,

полон сил, когда борьба за счастье еще возможна (стр.456), и поздней осенью, когда он, отказавшись от борьбы, состарился в одиночестве (стр. 475). Важную роль играет при этом и символика времен года.

Проведение лейтмотива через повторяющуюся ситуацию характерно для произведений как малой, так и большой эпических форм. Например, лейтмотив страшной гибели Анны (роман Л.Толстого "Анна Каренина") многократно проходит через роман в повторяющейся сцене (сне Анны) с мужичком с взъерошенной бородой, который, нагнувшись над железом, приговаривает по-французски странные слова, ср. сны Анны, сон Бронского, и завершение развития лейтмотива в трагической сцене гибели Анны. Тема безвыходного положения Анны, ее обреченности проходит и в другом лейтмотиве - затухающей свечи ..., развивающемся также через повторяющуюся ситуацию...

С развитием лейтмотива через повторяющуюся ситуацию связано и другое явление, которое можно по аналогии с музыкой назвать тектоническим и атектоническим проведением лейтмотива.

Произведения Золя, например, обладают математически точной композиционной упорядоченностью. Так роман "Страница любви" распадается на пять частей, каждая часть содержит пять глав. Основной лейтмотив романа, панорама Парижа, проводится в строго тектоническом смысле: в конце каждой из пяти частей. Конец первой части. Утро. Елена с дочерью Жанной смотрят из окна своей комнаты на город. Конец второй части. Вечер. В той же позе у окна появляются мать и дочь. Они видят Париж. В конце третьей части. Снова у окна мать и дочь. Перед ними открывается панорама Парижа в ночном освещении, в свете огней, которые разгораются все сильнее. В последней части повествуется о повороте в судьбе героинь. Мать Жанны полюбила. Она много времени проводит вне дома. Девочка все чаще представлена самой себе. В конце четвертой части у окна одна Жанна. Сильный дождь. В дымке тумана встает образ Парижа. После долгого ожидания матери Жанна засыпает у окна. Девочка промокла и заболела. Ее сон лихорадочен. В сером тумане дождя исчезает Париж. Конец пятой части. Прошло два года со дня смерти Жанны. Елена в последний раз посещает ее

могилу. Последний раз она видит Париж, который должна покинуть навсегда. Лейтмотив Парижа, пятикратно проведенный в конце каждой главы, подчеркивает трагическое развитие действия романа.

Тектонический лейтмотив напоминает реффен в стихах и песнях и восходит, вероятно, к народному эпосу. Ср., например, лейтмотив-реффен "Röslein, Röslein, Röslein rot, Röslein auf der Heiden", который закрепляется и в самом названии стихотворения Г.Гейне "Heidenröslein". Подобны лейтмотивам и т.н. "Kehrreime", проводящие основную тему стихотворения. Аналогичные тектонические лейтмотивы могут проходить и в виде т.н. "Gegenrefrain" - в начале строфы, Ср. повтор в стихотворении К.Симонова "Ди меня, и я вернусь..."

Тектонический лейтмотив, подобно реффену, служит и средством ритмической организации поэтической речи. Проведение лейтмотива тектонически и в поэзии и в прозе осуществляется не всегда так математически точно и последовательно, как мы видели выше: некоторые тектонические лейтмотивы появляются в конце (начале) не каждой, а некоторых частей (глав). Например, лейтмотив поцелуя в романе Золя "Страница любви" появляется в конце лишь некоторых глав. Аналогично могут проходить и "Kehrreime" в поэзии, например: в "Майской песне" Гете в конце 6-ой и 9-ой строф варьируется "Kehrreim": "Wie liebst du mich", "Wie du mich liebst."

С тектоническим проведением лейтмотива связано явление редукции лейтмотива - отсутствие его в ожидаемом месте, что также несет определенную стилистическую нагрузку в произведении. Например, лейтмотив поцелуя в романе Золя "Страница любви" не появляется после смерти Жанны, и это отсутствие лейтмотива в ожидаемых местах (концах глав) углубляет трагический фон романа.

Под атектоническим лейтмотивом мы понимаем свободное проведение лейтмотива, не связанное с точно намечанным местом произведения (началом, концом глав, частей и проч.) Таковы лейтмотивы у Л.Толстого, Ч.Диккенса, Т.Манна. Это наиболее распространенный вид лейтмотивов, широко используемых в современной немецкой художественной прозе.

Примечания

- 1 Словарь современного русского литературного языка, т. VI, АН СССР, М.-Л., 1957. См. также: Словарь русского языка, т. II, М., 1958.
- 2 О.Соколов, Лейтмотивная система в операх Н.А.Римского-Корсакова, Автографат канд. дисс. М., 1965, стр. 3.
- 3 K.Wörner, Beiträge zur Geschichte des Leitmotivs in der Oper. Zeitschrift für Musikwissenschaft, Leipzig, 1931, N 2. R. Engländer. Zur Geschichte des Leitmotivs, 1932, N 7.
- 4 Энциклопедический музыкальный словарь. М., 1966.
- 5 Die Musik in Geschichte und Gegenwart, Allgemeine Enzyklopädie der Musik. Bärenreiter Kassel, 1960, Bd. 8.
- 6 Eugen Schmitz, Musikästhetik, 1915.
- 7 О.Соколов, *указ. соч.*, стр. 3-4.
- 8 K.Wörner, *op. cit.*, S. 159.
- 9 O.Walzel. Die künstlerische Form des Dichtwerks, Berlin, 1919, S. 30.
- 10 Т.И.Сильман, Ч.Диккенс. Очерки творчества, Л., 1970; В.Г.Адмони и Т.И.Сильман, Т.Манн. Очерк творчества, Л., 1960.
- II The Oxford English Dictionary, V. VI, Oxford University Press; Funk & Wagnalls. Standard Desk Dictionary, Radhakrishna Prakashan, 1971. Fremdwörterbuch. Verlag Enzyklopädie, Leipzig, 1958.
- 12 Lexikon A-Z in zwei Bänden, 2.Band, Leipzig, 1958.
- 13 Meyers Neues Lexikon. VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1973, Bd. 8.
- 14 Большая советская энциклопедия. М., 1973, т. 14.
- 15 Литературная энциклопедия. М., 1932, т. VI.
- 16 Краткая литературная энциклопедия. М., 1967, стр.101.
- 17 Die Musik in Geschichte und Gegenwart, *op. cit.*, 585.

- 18 И.А.Гончаров, Обрыв, М. 1961.
- 19 O.Walzel. Das Wortkunstwerk, Leipzig, 1926, S.152.
- 20 В.Дибелиус, Лейтмотивы у Диккенса. Проблемы литературной формы. Л., 1928.
- 21 W.Dibelius, Ch. Dickens, Leipzig und Berlin, 1916, S. 243-244.
- 22 В.Дибелиус, указ. соч.
- 23 В.Дибелиус, указ. соч., стр. I36 и далее.
- 24 О.Вальцель. Архитектоника драм Шекспира, там же, стр. 36.
- 25 О.Вальцель. Сущность поэтического произведения, там же, стр. 34.
- 26 Цит. по: В.В.Кожинов. Сюжет, Фабула, композиция, теория литературы, "Наука", М., 1964, стр. 437.
- 27 И.М.Мельгунова. Лейтмотив как основа стиля В.Борхерта. XXIII Герценовские чтения. Л., 1975.
- 28 Th.Storm. Immensee. Deutsche Novellen des 19. Jahrhunderts, Verlag für fremdsprachige Literatur, Moskau, 1955.

Г.Н. П у т и л и н а

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АНАЛИЗА СПОСОБА
РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА АВТОРА
на занятиях по аналитическому чтению

Включение в учебный план старших курсов факультетов иностранных языков педагогических вузов произведений современных авторов ГДР вызывает необходимость выбора и анализа фрагментов на занятиях по аналитическому чтению. Настоящая работа представляет собой некоторый опыт анализа отрывка из рассказа известного талантливого писателя ГДР Франца Фюмана "Вöhmen am Meer". Рассказ включен в состав сборника, предназначенного для чтения на старших курсах педвузов, выпущенного ленинградским издательством "Просвещение" в 1970

году с комментарием О.А.Смолян и И.П.Шишкиной.

Обращение к анализу этого рассказа позволяет затронуть некоторые особенности художественной структуры произведения, вопроса, которому в учебниках по стилистическому анализу на материале немецкого языка не уделено достаточного внимания.¹ Естественно, что из большого числа связанных о постановкой такой задачи вопросов следует выделить какое-то частное явление. Представляется, что рассказ Ф.Фюмана "Böhmen am Meer" дает возможность для рассмотрения способа повествования с точки зрения отношения повествователя к изображаемым событиям.

В ГДР этот вопрос неоднократно был предметом обсуждения в литературоведении², с точки зрения воспитания понимания позиции автора у учащихся старших классов школ ГДР на материале произведений учебного плана³, рассматривалась система оформления различных видов речи в эпических произведениях⁴, способы повествования⁵. Такое внимание к способу повествования, отражающему позиции автора, говорит о большом значении, которое придается работе с литературными произведениями, оказывающими влияние на формирование личности.

При работе над литературными произведениями со студентами педагогических вузов, изучающими иностранный язык, характеристика способа повествования с точки зрения отношения повествователя к изображаемым событиям не менее важна, так как такой анализ позволяет приучить будущего учителя к поискам объективных путей понимания идеологической направленности произведения. Это тем более необходимо, принимая во внимание развитие сложности изобразительных средств, и в том числе усложнение выражения позиции автора. В литературе ГДР подобными примерами могут служить такие произведения, как "Die Aula" Германа Канта, "Renate" Гюнтера де Брайн, "Neue Leiden des jungen W." Ульриха Плётцендорфа.

Автор учебного пособия по стилистике М.П.Брандес указывает, что способ повествования отражает пространственные и временные связи и отношения изображаемого мира и составляют основу композиции произведения. Элементам композиции соответствуют композиционно-речевые формы. Содержание речевых форм может быть расщеплено на предметное и формальное, структурное содержание. С предметным содержанием речевой формы свя-

зана ее изобразительность, с формальным – ее выразительность. Предметное содержание в самых общих чертах определяет характер лексики, структурное содержание – синтаксическую организацию речевой формы.

Основными речевыми формами являются: сообщение, описание и рассуждение. Они имеют различные подтипы. В композиции произведения представлены обычно несколько речевых форм в различных сочетаниях и связях.⁶

В рассказе "Вёхен ам Meer" автор избрал форму повествования от первого лица, создав точный социальный образ рассказчика: он уроженец Богемии, был солдатом гитлеровского вермахта, в составе которого бывал в Эгейском море и на русских равнинах, он видел Берлин в развалинах; лето перед войной провел на одном из островов Балтийского моря. Действие рассказа происходит через десять лет после окончания войны, рассказчик снова едет к берегам Балтийского моря, где собирается отдохнуть и писать свои стихи.

Фабулу рассказа составляет судьба крестьянки Трауготт, приехавшей вместе с другими переселенцами после войны из Богемии на берег Балтийского моря, тайна ее сложного характера, забота окружающих ее людей нового общества и под влиянием их внимания раскрепощение фрау Трауготт от тяготы трагедии, пережитой ею в молодости на этих же берегах, где она теперь поселилась. Таково внешнее развитие событий. Однако за ними скрывается более глубокий смысл рассказа – раздумья автора, земляка фрау Трауготт, о судьбе переселенцев из Богемии в двух идущих разными путями общественно-экономического развития германских государствах.

Создание социальной характеристики рассказчика, имеющей автобиографические черты, уже само по себе способствует выявлению позиции автора к изображаемому. Однако при стилистическом анализе, естественно, следует выделить лингвистические средства, служащие для оформления позиции автора. Представляется, что факт создания социальной характеристики рассказчика, включающей автобиографические черты автора, позволяет в данном случае поставить знак равенства между понятиями "автор" и "рассказчик".

Для студентов, изучавших немецкий язык в качестве ино-

странных, в качестве филологической проблемы оформления позиции автора по отношению к рассказываемым событиям можно выделить употребление грамматических времен глагола и их функциональное значение. Из всей сложности вопроса об употреблении грамматического времени для выяснения позиции автора важно употребление глагольного времени для оформления сюжета; оно не обязательно соотносится с реальным моментом речи говорящего, а задано определенной "темой" до воспроизведения в речи говорящего.⁷ Формы глагольных времен не всегда обозначают только временные отношения, большинство временных форм многозначно. Особенно разветвленной полисемией обладает презенс предикатив.⁸ В рассказе "Böhmen am Meer" употребление претерита для оформления повествовательного сюжета задано формой рассказа о якобы пережитом событии.

Е.И.Шендельс выделяет такие семы повествовательного претерита как прошедшее время или препозиция действия по отношению к моменту речи и дистантность к моменту речи.⁹ Выбор сюжетного грамматического времени поддержан невербальными средствами: рассказ начинается обстоятельством времени: "Zehn Jahre nach dem Krieg", после отступления в виде воспоминаний возвращение к основной сюжетной линии обозначается как возвратом к претериту, так и введением невербального обозначения времени, оформленного предложением: "Es war Mai", которое повторяется дважды в составе сложных предложений.

В развитии сюжетной линии рассказа важное место занимает реминисценция, которая названа рассказчиком "mein Tagtraum". Рассказчик лежит на берегу моря, созерцание прошедшего мимо стада вводит его в знакомые с детства запахи и звуки, прибрежные дюны превращаются в горы, время и место раздвигаются:

Der Raum zerfloß, die Zeit war zersprengt,

Реминисценция введена предложением:

Ich sah auf die Düne, sie stand hoch vom Himmel, hoch und rund, der Rand der Welt; ich sah auf die Düne, und sie wölbte sich, eine ungeheure Kuppe, begrünt, und der Weg wand sich hinab ins Tal, in dem ich ging und in dem die Viehherden Kruppe an Kruppe zogen.

Далее следует описание гор Богемии и дома отца.

В этом сне-наяву (Tagtraum) в гротескной форме при смешении всех пространственных величин появляется фигура барона фон Л., истинного виновника трагической судьбы фрау Трауготт, поборника утверждения превосходства немецкой нации в Чехословакии. Рассказчик видит его глазами мальчика преувеличенно большим, а за ним своего очень маленького отца. Этот сон наяву на берегу моря – часть сюжетной линии, рассказывающей о пребывании на море, он написан в претерите – основном грамматическом сюжетном времени рассказа. Однако функция претерита в этом случае изменяется, так как изменяется форма речи, а именно вводится внутренняя речь, которая является разновидностью несобственно-прямой речи.¹⁰ В каком бы грамматическом времени ни велось повествование, для передачи внутренней речи может быть использован претерит, который Е.И.Шендельс называет презентным претеритом.¹¹ Отсутствие смены временной формы может служить стилистическим приемом, создающим впечатление смешения сна и действительности, как это имеет место в новелле Л.Франка "Karl und Anna".¹²

Однако в рассказе за сном наяву следуют воспоминания рассказчика о реальной встрече с бароном фон Л. в детстве, однажды, вернувшись из школы, он застал его у отца. Из плана полуреального видения рассказ переведен в план логически построенного воспоминания о пережитом. Эта часть рассказа написана в плосквамперфекте, обозначающем предшествование в прошедшем. Однако это не единственная функция плосквамперфекта в данном отрезке. Угол зрения рассказчика – автора изменился. При претериальной цепочке внимание рассказчика и читателя равномерно распределено между всеми сообщаемыми фактами. Главный ход событий не прерывается, каждое новое действие – последовательное звено в цепи. С введением плосквамперфекта события освещаются с позиции автора-рассказчика ретроспективно. Как и при употреблении перфекта, благодаря рамочной конструкции создается большое поле напряжения. Цепочка плосквамперфекта создает отрывистость сообщения, каждое действие передается как законченное.

Ряд предложений повторяют факты сна наяву, оформление их в плосквамперфекте имеет эмоциональную нагрузку, привлекает к ним внимание читателя, подчеркивает их значимость. Так

например, во сне - наяву:

"...und da begriff ich die Rettung und machte schnell einen Diener hinter dem anderen, und ich sah die Lackschuhe und die seidenen Socken des Mannes im Sessel, der immer weit gewachsen war und den Raum fast sprengte",

В воспоминании:

"Da hatte ich schnell meinen schönsten Diener gemacht, einen Diener bis fast mit der Stirn ans Knie, und der Baron hatte gelacht und mir die Hand gegeben, und ich hatte ihn verstohlen durch die blinzelnden Wimpern beobachtet"

В целом отрывок представляет собою довольно редкий случай употребления плосквишерфекта в реминисценции большой линейной протяженности без замены, как это часто бывает, формами претерита.

Отрывок, наиболее полно раскрывающий отношение автора-рассказчика к изображаемым событиям, относится к заключительной части рассказа. Он повествует о посещении рассказчиком в западном Берлине собрания одного из пресловутых землячеств, сосредоточенных в ФРГ, а именно землячества судетских немцев.

Характер описания в указанной части рассказа меняется; плавный рассказ о последовательно происходящих событиях сменяется так называемым динамическим описанием, события изображаются крупным планом, внимание рассказчика направлено не столько на предметы, сколько на действия, дается не только описание внешних событий, но обнажается скрывающийся за ними смысл, вводятся острые психологические зарисовки. Эти особенности названного отрывка требуют использования средств, способствующих созданию динамики этой части рассказа.

Композиционно отрывок распадается на два четко разграниченных отрезка. Начало первого не обозначено абзацом. Ему предшествуют рассуждения о возможных причинах необычного поведения фрау Трауготт. Затем рассказчик повествует о прибытии в западный Берлин: "So kaufte ich mir denn, als Tag und Stunde herangekommen waren, eine Rückfahrkarte nach Westberlin, stieg Bahnhof Reichsstraße aus und trieb in einem langsam hintreibenden Strom."

Это предложение служит как бы соединительным звеном от рассуждений о внутреннем состоянии фрау Трауготт и его воз-

можных причинах к изображению массы людей, устремляющихся на площадь, где произойдет соррише. Начиная от слов "...trieb in einem langsam hintreibenden Strom", все описание представляет собою расширенную метафору, изображающую толпу в виде потока, который движется медленно, не спеша, неторопливо (*träg, langsam, nicht eilig*). Основополагающая метафора поддержана рядом сравнений: улицы названы *steinernes Bett*, группы людей, выходящие из боковых улиц на основную, идущую к площади - *Bäche und Rinnale*. Выбранный для характеристики движения ряд глаголов обозначает движение масс воды: *sich wälzen, zufließen, füllen, sich stauen*. И даже звуковые ощущения изображаются как движение массы воды: *Wellen des Geschwätzes, Geplätscher der murmelnden Stimmen*.

Находясь в центре движущегося потока, рассказчик различает отдельные группы, слышит их разговоры. Идущие рядом дамы говорят о предстоящей конфирмации племянницы одной из них, обсуждается выбор подарка. Их сменяют два пожилых господина, предмет их разговора - локальная политика, а именно, назначение на должность в пределах маленького местечка. Автор тонко характеризует говорящих, используя форму косвенной речи: преувеличенную славашую любезность дам: *und die Nachbarin fragte, ob ein Teeservice als Geschenk angenehm sei, oder ob sich ein solches bereits im Besitz der jungen Dame befindet*, *und die Tante sagte, man möge sich um Gottes willen doch nicht in Unkosten stürzen...*" Высмеивается мелкое политианство мужчин, которые прикрывают свое стремление получить тепленькое местечко терминами большой политики: *Parteibuch-politik, Vertrauenskrise* и др.

Затем следует описание идущих справа и впереди. Даётся краткая очень меткая их характеристика. Абзац заканчивается обобщающей характеристикой людского потока, которая дана в нескольких перечислениях: они содержат сведения о предмете разговора идущих людей: обсуждались семейные дела: *"Man sprach über das Wetter, und die Ferien und die jüngsten Zeugnisse der Kinder, Über Verlobungen, Heiraten, Scheidungen, Geburten und Todesfälle..."*, обсуждались служебные дела: *"Ich hörte von Geschäftsabschlüssen sprechen und von Lieferterminen und Wechselmanipulationen und Prokuren und Limit.."*

обсуждалось состояние здоровья: "man besprach den Zustand des Herzens, der Galle, der Nieren, des Magens, der Lunge und der Milz..."

Все перечисления включены в период с сочинительной связью, перечисляемые факты не содержат никакой оценки, и только заключительное предложение периода носит оценочный характер: "es war ein Gemurmel des Alltags, und man sprach über alle Dinge, nur über die einstige Heimat verlor man kein Wort".

Заключительное предложение абзаца также имеет структуру сложно-сочиненного предложения. Оно начинается с повторения вывода, содержащегося в конце предыдущего предложения "Sie (die Heimat) interessierte ja nicht" и содержит социальную характеристику идущих в потоке людей, построенную также, как перечисление, содержащее структурную модификацию в виде противопоставлений.

"es waren meist Vierzig- bis Fünfzigjährige, die da gingen, mehr Frauen als Männer und mehr Greise als Jugendliche, Mittelstand meist: Pensionäre, Hausfrauen, Beamte, Kaufleute, Handwerker, kleine Unternehmer, ein behäbiges Stüm, nicht eilig, Alltagsgesichter, nicht böse."

От предложений с большим количеством глагольных сказуемых, некоторые из которых образовали целые тематические ряды, например, глаголы движения: treiben, sich wälzen, zufließen, sich stauen, sich erheben, verrinnen, voranwälzen; глаголы говорения: taten, warnen, s'rechen, besprechen, begründen, schimpfen, murmeln и др., в конце абзаца автор переходит к предложениям с номинальными сказуемыми. Период заканчивается двумя параллельно построенными эллиптическими предложениями с обособленными предикативными группами. Таким образом снижается ритмическая динамика описания движущегося человеческого потока до статики номинальных форм при его социальной характеристике, от динамики в описании формы поведения до статики в описании формы состояния.

Позиция рассказчика - сопереживание событий в качестве наблюдателя, события описываются как нечто пережитое, отделенно времененной дистанцией. Грамматическое время описания - повествовательный претерит - при этом не меняется. Названные

лексические показатели выражают длительность, повторяемость, отсутствие законченности действий.

Следующий абзац представляет собою крайне сложное явление, в том числе и с точки зрения выявления позиции рассказчика. Он построен на противопоставлении предыдущему абзацу.

Метафора потока (*der Strom*) претерпевает изменения, это уже то "поток" (*der Strom*), то "прилив, наводнение" (*die Flut*), движение, грозящее катастрофой. Метафора прилива, наводнения как картины бедствия поддержана описанием беспорядочного движения, круговорота: *Wirbel rings*, сравнением руин Берлина с возвышающимися из пучины моря рифами: *hoch-auf wie Riffe aus dem Meer ragten Ruinen und Gerüste*.

Однако при сохранении семы прошедшего времени по отношению к моменту речи меняется видовое значение претерита. Длительность, повторяемость, отсутствие законченности действия сменяются мгновенностью (*plötzlich war es nicht Westberlin*), сменяемостью (*splitterten, krachten, platzten, sich ergoßen*) и законченностью действия (*kamen die Berge herunter; jubelten ihnen zu; ... die je abbrach*). В этом случае решающее значение имеют лексические показатели, на мгновенность указывает наречие *plötzlich* и именная часть сложного именного сказуемого, косвенно обозначающая место действия *nicht Westberlin*, смена действия передана рядом глаголов, значение которых раскрывает последовательность действий (*splittern, platzten, sich ergießen*), законченность действий выражена производными и сложными глаголами, имеющими в своей семантической структуре семы направленности, законченности: *abbrechen, zujubeln, herunterkommen*.

Динамика движения в пространстве заменяется динамикой звуков, которые называются сначала глаголами, обозначающими резкое звучание различных инструментов и музыки: *die Pauken knallen, die Floten schreien, Musik peitscht herz*; затем те же звуки обозначаются существительными с определениями в родительном падеже, называющими те же инструменты и звуки: *Möwenschreie der Pfeifen, Klatschen der Trommeln*.

Описание происходящего на площади включает новую реминисценцию – воспоминания рассказчика о давно пережитом в юности, в детстве. Картины прошлого возникают, так как окру-

жающее рассказчика похоже на это прошлое, он не может отдельить их от окружения на площади. События в западном Берлине и воспоминания сосуществуют. Это снова выражено употреблением единого грамматического времени – претерита, что показывает слияние происходящего и прошлого. Переход от настоящего к прошлому включено в одно сложносочиненное предложение, чем еще больше подчеркивается слияние настоящего и прошлого:

"Ich trieb im Strom und hörte den Egerländer Marsch, und plötzlich war es nicht Westberlin und nicht zehn Jahre nach dem Krieg, und die Soldaten grau, den Adler auf Brust und Helm und in den Fängen des Adlers schwarze Zeichen, kamen die Berge herunter, und wir jubelten ihnen zu; ich sah, wie die tschechischen Läden splitternd am Boden krachten und die Fensterscheiben platzten und der Regen von Glas sich ergoß; ich hörte Schreie, schrille und durchdringende Schreie, die jäh abbrachen, und die Pfeifen peitschten ihre Melodie."

Вторично воспоминания вызваны группой детей, стоящих на площади в национальных костюмах народных групп, которые уже больше не существуют. Глядя на детей, рассказчик снова видит картины из прошлого: еврейские погромы в Богемии, слышит звуки также звучавших при этом дудок и барабанов, видит танки, мчавшиеся для уничтожения Пражского Града и Лидице. Все воспоминания детства в данном случае переданы в презенсе. При столкновении презенса и претерита возникает стилистический эффект напряженности, динаминости, быстрой смены действия, двойного сопереживания рассказчика и того, что он видел вокруг себя на площади в западном Берлине, и того, что ясно всплыло из далеких времен детства. Реминисценция маркирована не только по смыслу, но и формально – изменением грамматического времени. Контрастирование двух сюжетных линий – презентальной и претериальной – чаще всего встречается на уровне абзацов, реже внутри одного абзаца.¹³

Композиционное изменение грамматического времени, несомненно, выделяет позицию автора по отношению к изображаемым событиям. Прошлое накладывается на основную сюжетную линию рассказа, косвенно как бы давая оценку автора происходящему перед его глазами.

Данный отрывок можно рассматривать как один из вариан-

тов выражения внутренней речи. Автор-рассказчик изменил свое собственное место в рассказе, из наблюдателя он превратился в соучастника событий своих воспоминаний, описание отражает поток его собственного сознания. Действие, описанное в презенсе, воспринимается сознанием рассказчика как происходящее одновременно с событиями в Западном Берлине, оно еще раз переживается. Реализуется временная сема презенса – обозначение совпадения действия с моментом речи, но совпадение происходит лишь в сознании.

Автор не возвращается до конца абзаца к описанию происходящего на площади. Он вспоминает момент окончания войны, который застал его, как и многих соотечественников, в подвале. Волнующие воспоминания переданы в тексте в основном в форме несобственно прямой и косвенной речи, употребление которых подчинено законам иного порядка, чем сюжетное время, и здесь не затрагивается. Конец абзаца автор заканчивает в спокойном тоне констатации факта, возвращаясь к претериальной форме изложения. Основная смысловая нагрузка этого абзаца в мыслях о детях, в качестве лейтмотива упоминание о них сопровождается эпитетами *tot* и *ratlos*. Словами о детях заканчивается и весь абзац:

"So hatten wir denn unser Bündel gepackt und waren über die Grenze gegangen, in den einen Teil Deutschlands und in den anderen Teil Deutschlands, das damals eins war und doch schon gespalten, und in dem "einen Deutschland gab man den Übersiedlern ein Stück Land und eine Wohnung und eine ehrliche Arbeit, und in dem anderen Deutschland steckte man Kinder in tote Trachten und speiste sie ab mit einer Hoffnung, die mörderisch war." (S.98).

Выводы: 1. Способ реализации образа автора в рассказе Ф.Фюмана "Böhmen am Meer" представляет собой сложное переплетение различных композиционно-речевых форм. Участие грамматического сюжетного времени в оформлении позиции автора является лишь одним из видов их структурного содержания.

2. Реализация тех или иных функциональных значений соответствующего грамматического времени в значительной степени определяется видом описания, используемым рассказчиком (описание, динамическое описание событий, динамическое описание переживаний).

Примечания

- 1 М.П.Брандес. Стилистический анализ (на материале немецкого языка). М., 1971, стр. 5.
- 2 Silvia und Dieter Schlenstedt, Modern erzählt, zu Strukturen in Hermann Kants Roman. "Die Aula", Neue Deutsche Literatur, 1965/12.
- 3 Hellmuth Barnasch, Die Erzählweise der epischen Prosa literatur. Ein Beitrag zur literarischen Bildung und Erziehung in Deutschunterricht. Deutschunterricht, 1966/4, 5.
- 4 Wolfgang Spiewok. Das System epischer Redegestaltung, Ein Versuch, Deutschunterricht, 1966/11.
- 5 Wolfgang Spiewok. Zur Erzählweise, Deutschunterricht, 1967/2.
- 6 М.П.Брандес, указ. соч., раздел: Речевая форма как основа стиля произведения.
- 7 В.А.Херебков. Опыт описания грамматической категории времени в системе немецкого глагола. Ученые записки Калининского педагогического института, т. 72, вып. 3, стр. 147.
- 8 Е.И.Шендельс, Многозначность и синонимия в грамматике, М., 1970, стр. 37.
- 9 Е.И.Шендельс, указ. соч., стр. 63.
- 10 См. Wolfgang Spiewok, Das System epischer Redegestaltung, Deutschunterricht, 1966/11.
- 11 Е.И.Шендельс, указ. соч., стр. 64.
- 12 Пример заимствован в указ. соч. Е.И.Шендельс, стр. 92.
- 13 В.А.Херебков, указ. соч., стр. 152.

СМЕНА СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ И СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В АВТОРСКОЙ РЕЧИ КРИСТИ ВОЛЬФ КАК ПРОБЛЕМА СТИЛЯ

Настоящая статья посвящена анализу соотношения сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в повести Кристи Вольф "Расколотое небо". Тема повести навеяна ангустовскими событиями 1961 года. В короткой экспозиции Криста Вольф дает общее описание города (Галле) и настроения людей, только что переживших большое волнение и облегченно вздохнувших после того, как угроза опасности была отвращена.

Приходит в себя после сильного душевного и физического потрясения и возвращается к новой жизни геройня повести Рита Зейдель.

Повествование построено в двух плоскостях времени: воспоминание Риты о своей жизни и любви к химику Манфреду Херфурту и сама история этой любви.

Повествование в "Расколотом небе" ведется "от автора". Автор как бы отождествляет себя со своими героями, главным образом с геройней; восприятие событий и оценка их героями есть одновременно восприятие и оценка самого автора.

Характер содержания и своеобразная композиция произведения оказались и на выразительных средствах повести. Прежде всего следует отметить неоднородность текста. В нем мы обнаруживаем все переходы от авторской речи к речи персонажей: несобственно прямую речь, косвенную речь и дословно переданную, но не высказанную вслух речь, вернее мысль, в тесном переплетении друг с другом. В ряде случаев несобственно прямая речь затрудняет отделение авторской речи от речи персонажей.

Языковые особенности стиля автора проявляются наиболее ясно не в речи персонажей, а в сплошном авторском повествовании. Эти индивидуальные особенности могут быть связаны с предпочтительным употреблением тех или иных структур, например, простых, сложносочиненных или сложноподчиненных предложений. Соотношение синтаксических структур, в частности, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, определяется жанром произведения, художественным замыслом автора, инди-

видуальной манерой автора.¹ Не последнюю роль в выборе структуры предложения играет также принадлежность произведения к определенному времени. Так, например, в лигвистической литературе неоднократно высказывалось мнение, что современная художественная проза находится под влиянием разговорного языка и обнаруживает склонность к коротким предложениям, а при выборе типа сложного предложения предпочитает сочинение.² Предложение типа: Sie wußte, am nächsten Tag fuhr er in aller Frühe zurück (Chr.W., 13) можно рассматривать как подтверждение этого мнения.

В повести «Расколотое небо» трудно говорить о «сплошном» авторском повествовании, поскольку оно, как уже указывалось, самым тесным образом переплетено с речью персонажей и представлено лишь дробными долями в пределах абзаца. Для вычленения авторской речи мы исключили из текста речь персонажей, а также авторские ремарки, вводящие прямую речь. При этом мы основывались вслед за Г.А.Лессисом на служебном их характере и на том соображении, что они представляют собой преимущественно двух- и трехсловные конструкции и лишь в отдельных случаях (составляющих у нас 20%) они развернуты до самостоятельного знаменательного, а то и сложного предложения.³

Начало повести приходится на долю авторского текста в его чистом виде. Экспозиция, дающая обобщенное описание города, построена почти на одних только сложных предложениях. Из 12 предложений только 3 простые, да и то два из них осложнены причастным и инфинитивным оборотами.

Почти такое же соотношение простых и сложных предложений и в дальнейшем повествовании, где авторская речь чередуется с речью персонажей.

В общей сложности исследовано было 320 предложений авторской речи. Из них сложноподчиненных предложений - 121, примерно 37% общего числа, сложносочиненных - 53;

-" - 17% -" - -" - , сложноподчиненных - 81;

-" - 10% -" - -" - , простых - 115;

-" - 36% -" - -" -

Больше половины от общего числа предложений приходится на сложные предложения - 64%.

Наиболее распространенной структурой в авторской речи Кристи Вольф в её повести является сложноподчиненное пред-

ложение. Весьма наглядно, как нам кажется, свидетельствует об использовании сложноподчиненного предложения начало II главы. Именно здесь начинается рассказ об истории любви Риты с самых её истоков.

Als er damals vor zwei Jahren in unser Dorf kam fiel er mir sofort auf. Manfred Herrfarth. Er wohnte bei einer Verwandten, die vor niemandem Geheimnisse hatte. Da wußte ich bald so gut wie jeder andere, daß der junge Mann ein studierter Chemiker war und daß er sich im Dorf erholen wollte. Vor seiner Doktorarbeit, unter der dann stand: "Mit Auszeichnung". Ich hab's selbst gesehen. Aber das kommt später. (Chr.W., 11). Местоимение I-го лица и Präsens заключительного предложения абзаца показывают, что повествование в I-м абзаце ведется в форме несобственно прямой речи. Сложноподчиненные предложения с I придаточным передают последовательное развертывание событий. Лишь одно предложение имеет параллельное однородное соподчинение, показывающее в единстве полученное героиней сообщение. 2-й и 3-й абзацы, а также начало 4-го, продолжают ту же линию развития, только уже от лица автора: Wenn Rita, die mit Mutter und Tante in einem winzigen Häuschen am Waldrand lebte, früh ihr Rad bergauf bis zur Chaussee schob, stand der Chemiker halbnackt bei der Pumpe hinter dem Haus seiner Cousins und ließ sich das kalte Wasser über Brust und Rücken laufen. Rita sah prüfend zu dem blauen Himmel hoch, in das klare Morgenlicht, ob es angetan war, einem überarbeiteten Kopf Entspannung zu geben.

В первом предложении авторской речи в начале абзаца Криста Вольф стремится более суммарно описать место и время действия, что находит свое выражение в более развернутой структуре предложения, включающей в себя помимо временного предложения определительное придаточное предложение 2-й степени. Все остальные предложения второго, третьего и начала четвертого абзаца продолжают развитие сюжета, которое оформляется сложноподчиненной структурой с одним придаточным предложением. Лишь одно сложносочиненное предложение дает нам конкретное представление о пейзаже, на фоне которого развивалось действие. Таким образом, сложно-

подчиненная структура с одним придаточным предложением осуществляет в авторской речи основное движение сюжета. Их в обследованном отрывке 80, т.е. вдвое больше по сравнению со сложно-подчиненными структурами с двумя и более придаточными предложениями, которых в тексте 41 предложение. Как показывают оба процитированных абзаца, структура сложного предложения авторской речи мало чем отличается от структуры предложений несобственно прямой речи. И те и другие структуры не сложные. Отсутствие существенного различия в структуре сложного предложения в авторской и несобственно прямой речи обясняется, по-видимому, той ролью, которую отвела себе Крист Вольф в повести, а именно: сложносочиненные структуры встречаются значительно реже в авторской речи повести, почти в два раза реже по сравнению со сложноподчиненными предложениями. Они наполнены, как правило, более конкретным содержанием. В нём можно было бы наметить следующие элементы:

I) описание действий персонажей:

Sie fuhren nachmittags auf Skiern die sanftweißen Hänge ab, und abends feierten sie mit den anderen Herbergbewohnern - alles junge Leute - den Anbruch dieses neuen Jahres: 1960. (Chr. W., 19)

2) описание характера персонажей:

Rita war anhänglich und aufgeschlossen, jedermann war freundlich zu ihr, jedermann glaubte sie zu kennen. (Chr. W., 15)

3) описание душевного состояния или настроения персонажей:

Rita erfuhr, wie dieser spöttische kalte Mensch sich danach sehnte, unspöttische und warm zu sein. Es überraschte sie nicht, und doch weinte sie etwas vor Erleichterung. (Chr. W., 19);

4) описание состояния предметов:

Der (der Fragebogen) war nicht ausgefüllt, aber in der ersten Spalte stand mit seiner Schrift ihr Name (Chr. W., 23)

Среди сложносочиненных структур преобладают двухчленные (34) над трех- и многочленными структурами (18). Но и те и другие не являются очень сложными структурами.

Более сложные синтаксические структуры встречаются в авторских рассуждениях.

Следующие два параллельно употребленных предложения с

инициорическим началом: Gelangweilt sah sie die Autos kommen, neben anleitende, lobende, tadelnde Männer für ihr Büro entstiegen – immer die gleichen. Gelangweilt sah sie sie wieder wegfahren – усугубляют обыденность и монотонность работы. Вообще автор довольно широко использует синтаксическую и словесную анафору, а также развернутые ряды однородных членов предложения.

Подчинение на фоне сочинения встречается в повести реже всего: 10% от общего количества предложений (31). Это в основном двучленное сочинение с одним или двумя придаточными предложениями (26). Более сложные сочиненно-подчиненные структуры встретились в тексте в пяти предложениях. Это либо описание пейзажа, либо сообщение о последовательных действиях, сопровождающихся пояснениями, уточнениями отдельных фактов.

Таким образом, в рассмотренной повести широко употребляются сложные предложения, главным образом сложноподчиненные и сложносочиненные. Наиболее распространенной структурой сложноподчиненного предложения является сложноподчиненное предложение с одним придаточным.

Структуры сложных предложений у К. Вольф простые, легко обозримые. Выбор тех или иных структур связан с характером содержания.

Примечания

1 См. Т.И.Сильман. Проблемы синтаксической стилистики, Ученые записки ЛГПИ им. А.И.Герцена, т. 315, Л., 1967.

2 С.А.Шубик. Размер предложения в немецкой художественной прозе. – Сб. статей по методике преподавания иностранных языков и филологии, "Л., 1969, стр. 77.

3 Г.А.Лескис. О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста. "Вопросы языкоznания", 1964, № 3. Его же. О зависимости между размером предложения и характером текста. "Вопросы языкоznания", 1963, № 5.

Список сокращений:

Chi.W. – Christa Wolf. Der geteilte Himmel, Reclam, Leipzig, 1969.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ
(на материале немецких переводов
В.В.Маяковского 20-х гг.)

Поэтический перевод – всегда встреча двух эстетических систем. От степени сходства и различия этих систем зависит характер прочтения и передачи переводчиком оригинала, ориентация его внимания на те или иные детали, оценка им функции применения поэтических средств, восприятие интонации подлинника. Наибольшую остроту эта проблема приобретает при переводе стихотворных поэтических деклараций, когда от переводчика требуется понимание соответствующего этапа литературного развития страны переводимого поэта, обостренный интерес к его эстетической позиции, понимание задач его литературной борьбы и детальное проникновение в каждый её этап. Иначе на данном этапе литературного процесса может вообще создаться малоблагоприятная ситуация для восприятия этого поэта. Во всяком случае деформация поэтической декларации при переводе может, по крайней мере на какое-то время, даже оказать определенное влияние на перевод других стихотворений того же поэта.

Нечто подобное произошло в 20-е годы с переводами на немецкий язык стихотворений В.В.Маяковского, содержащих его прямые поэтические декларации, раскрывавших его взгляды на искусство и художников, знакомящих с задачами, которые поэтставил перед искусством. Такие стихи имели в 20-е годы особую притягательную силу, они были наиболее интересным и благодарным материалом для перевода. Но анализируя результаты этих устремлений надлежит поднять ряд вопросов: насколько немецкие переводчики были подготовлены доступной им критикой и прессой, касавшейся поэзии Маяковского, к восприятию содержания таких стихотворений? Могли ли они с должным тщанием различить в ставшей лишь недавно доступной им поэзии Маяковского разные этапы, на которые уже довольно отчетливо членилось творчество поэта? Была ли им понятна острая актуальность и временная приуроченность этих стихотворений?

Короче говоря, были ли они в состоянии понять разницу между "Нашим маршем" и "Левым маршем", написанным всего через полтора года, или между "Приказом по армии искусств" и "Приказом № 2 по армии искусств", отделенными трехлетней литературной борьбой.

В 1927 году Иозеф Калмер перевел на немецкий язык "Наш марш" (1918г.), стихотворение, полное усложненных образов, несущее печать увлечения Маяковского словесно-звуковой изобразительностью.¹ В оригинале интересно сочетание маршевой формы и отнюдь не "массового" содержания. Призывы стихотворения: "Бейте в площади бунтов топот! Выше, гордых голов гряда!" рождают зрительное представление, близкое мироощущению немецких экспрессионистов, похожее на картины немецких экспрессионистов - Магнуса Пеллера, Людвига Мейднера, изображавших взбунтовавшиеся массы, заполнившие площади, в гордом порыве закинувшие головы.

Калмер предпринял своим переводом попытку передать ритмически-звуковые особенности оригинала. Строки, вроде: "Дней бык пег" он воспринял не как метафоры, а как зашифрованные образы, и поэтому позволил себе за счет передачи звуковой структуры пожертвовать в какой-то мере смыслом. Такой подход к переводу обусловил и его удачу, и недостатки: Калмеру удалось передать звуковые повторы некоторых строк оригинала с заменой повторяющихся звуков "д", "г" звуками "г", "б":

Радуга, дай дуг... *gib Bogen, Regenbogen*
или с заменой б-п-д созвучием ш-т-ф:

Лней бык пог Scheck

Ham der der Lauf ist unser Gott

Сердце наш барабан. Trommel, das Herz uns schlug

Но если звуковую структуру этой строфы можно считать удачной, менее удачно передано ее сложное содержание. Как ни вычурны эти строки Маяковского, смысл их ясен: строка "Медленна лет эрба" передает то же ощущение необходимости революционного убывания темпа жизни, что и более позднее: "клячу историю загоним" в "Левом марше". Здесь подчеркнута разнородность жизненных явлений ("Дней бык пег"), неудовлетворенность поэта ее рутинным течением ("Медленна лет эрба"), проповедь активного вмешательства в нее, насилиственного уско-

рения ее хода ("Наш бог бег"), и, наконец, готовность художника отдать себя новому массовому искусству "для улицы" ("Сердце наш барабан"). Как бы ни относиться к чрезмерной усложненности этих строк, нельзя не признать крайней суггестивности выражения поэтической мысли. Чрезвычайный эмоциональный напор, ритмические предельы, воздвигнутые поэтом на пути мысли, не дает ей растечься, слизойти до комментариев; чувства, поддержаные ритмом и озвученные, обретают чеканность. Все эти качества делают такую строфу едва ли переводимой: единицей речи в ней является не отдельно взятое слово, а целиком вся строка в ее словесно-звуковом оформлении. Можно сравнять ее в этом отношении с поговоркой, пословицей — нечленимыми и незаменимыми по частям, составляющими единицу речи. У Маяковского в каждой строфе четыре таких единицы. У Калмера четыре афористических утверждения превратились в два предложения, отягощенных придаточным. Исчезла идея непозволительно медленного хода жизни и разнородности ее явлений. У Калмера полет медлительных лет сравнивается с рывью пегих быков. Противоречиво и сочетание слов: früher Jahre Flug.

Утрата одной из основных мыслей оригинала повела за собой и последующие потери: в переводе исчезает ощущение стремительности и космического размаха революции, обновляющую силу которой Маяковский здесь, как и в "Мистерии буби", сравнивает со "вторым потопом": "Мы разливом второго потопа/ Премоем миров города". У Маяковского — уже не "города всего мира", а "города всех планет-миров".

Калмер употребляет немецкий эквивалент слова "потоп" во множественном числе и, тем самым, утрачивается смысл одной из важнейших для стихотворения метафор Маяковского, которая возвеличивает революцию, сравнивая ее очищающую силу с обновлением земли после всемирного потопа. В переводе этот образ затуманен и превращается в мало что говорящее сочетание слов: "Wir mit der anderen Sintfluten Dampf/ werden die Städte weibep."

К этому следует добавить, что слово "оса" в строке: "Нас ли сжалит пули оса?" Калмер прочел как ось и поэтому перевел эту строку: "Kührt uns die Achse der Kugel?" А в двустишии: "Рацуга, дай дуг/ лет быстроногим коням" из-

за непонятой инверсии он прочел вместо "лет" - "лёт", и это неверное прочтение поглотило метафору Маяковского и вылилось в строки, внешне как бы напоминающие лексику оригинала, но потерявшие смысл: "Gib Kegen, Regenbogen/ Zum Flug ~~dem~~ ^{des} schnell-
len Pferd!"

Таким образом, в переводе Калмера стихотворение Маяковского обрело оттенок иррациональности, непонятной зашифрованности, его метафорическая сложность сменилась иной, не рассчитанной на понимание или создание соответствующего настроения.

Из перевода Калмера не следует, что "Наш марш" - это стихотворение, посвященное одновременно революции и новой поэзии, так как всё, что относится к теме поэзии, или передано у него нечетко, или не передано вовсе. Если лозунгово-категорическое у Маяковского: "Наше оружие - наши песни./ Наше золото - звенящие голоса"; в переводе теряет только в своей лозунговости и категоричности: "Unsere Waffe - das Lied uns erblüht, / Gold - unserer Stimme Jubel." то очень важные в стихотворении строки: "Сердце наш барабан"....

"Грудь наша - медь литавр"

и вовсе утрачивают в переводе определенность; исчез их параллелизм, а "литавры", прямо связанные с "барабаном" в переводе и вовсе исчезли. Таким образом, из стихотворения вылетрелись мысль о том, что поэт - инструмент нового искусства, новой эпохи.

Стихотворение "Приказ по армии искусства" было переведено в эти же годы дважды, в 1925 г. С.Фришманом² и в 1927 г. И.Калмером.³

Этому предшествовал перевод одной из строф этого стихотворения в книге Константина Уманского "Neue Kunst in Rußland", по всей вероятности принадлежащий самому Уманскому или, во всяком случае, кому-то из русских, о чём говорит скрывающаяся в переводе ошибка:- спутаны два малоупотребительных глагола и вместо подходящего по смыслу "ätzen" (вытравлять, выжигать) употреблен "wetzen" (затачивать, заострять): "Laß, das Wahrheitsgewissel/ Was alt ist, aus dem Herze wetze/ Die Straßen sind unste Pinsel, / Unsere Paletten - die Flätze.

Несмотря на эту досадную ошибку перевод этого четверти-

стишия, несомненно, сыграл какую-то роль в формировании переводов Калмера и Фришмана, задав им ритмический рисунок и рифмы, которые в какой-то мере были использованы обоими переводчиками.⁴

Перевод Фришмана уже как бы с высот истории взирает на футуристов. Отношение переводчика к ним - стороннее и оценочное, "из года двадцать пятого", а не с авторских позиций 1918 г. Поэтому призывные строки, обращенные поэтом-футуристом к своим собратьям: "Довольно шагать, футуристы, / в будущее прыжок!" он передает строками, в которые вкладывает осуждение крайностей этого художественного направления: "Springt ins Morgen! Genug, Futuristen, / Habt ihr stelzend die Glieder verrenkt."

У Маяковского противопоставлены мерный шаг и прыжок в будущее, в переводе: будущее - быльм заблуждениям футуристов.

В соответствии с таким отношением к футуристам, переводчик сознательно меняет еще ряд образов Маяковского. В итоге перевод Фришмана стал стихотворением не о литературной борьбе, а о антибуржуазной борьбе вообще. Из перевода выпало сквозное сравнение искусства и боя; уже начиная с первой строфы этим сравнениям придан иной смысл:

У Маяковского:

Товарищи!

На баррикады!

На баррикады сердце и душ.

В переводе Фришмана:

Genossen!

Auf Barrikaden

Seele und Herz in die
Schlacht!

Очень последовательно внесены переводчиком небольшие, но существенно меняющие смысл стихотворения корректизы. Строку "Только тот коммунист истый" ... Фришман заменил формулой, возможно, более актуальной для Германии тех лет: "Der ist frei von bourgeois Gelüsten."

Строку, касавшуюся расчета со старым и борьбы за новое в искусстве: "Из сердца старое выти" ... опять заменил формулой, привычной для немецкой революционной поэзии тех лет: "Wirft ab die rostigen Ketten".

Таким образом, в переводе Фришмана стихотворение Маяковского об искусстве футуристов, новом для его времени, превратилось в призыв к восстанию, классовым боям против буржуа-

зии, где искусство футуристов противопоставлено боевым позням, "штурмующим вокзалы", и "барабанному бою" поэзии.

Перевод, выполненный через два года И. Калмером, давал читателю более точное представление о содержании стихотворения, это — почти буквальный подстрочный перевод, как и всегда в таких случаях, очень проигрывающий в эстетическом отношении. Калмер сбивается на произвольный метр, бanalную рифмовку, а иногда и вовсе отказывается от рифмы. Но в его переводе нет таких последовательных отклонений от содержания стихотворения Маяковского, какие мы наблюдали в переводе Фришмана. Сравним эти два перевода (подчеркнуты принципиальные отступления от содержания стихотворения Маяковского у Фришмана, возвращенные переводом Калмера):

у Фришмана:

Genossen!
Auf die Barrikaden!
Seele und Herz in die
Schlacht!
.....

Der ist frei von bouri-
geoisen Gelüsten
der die Brücken hinter
sich sprengt.

Springt ins Morgen! Genug,
Futuristen,
habt ihr stelzend die
Glieder verrenkt!
.....

Genug des lauen Gewinsels
Werft ab die rostigen Ketten
Fort mit den alten Gesetzen!

Ketten

Показателен и перевод стихотворения Маяковского "Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче" (1920 г.) Рейнгольда Вальтера, появившийся в 1925 г. в журнале "Querschnitt".⁵

Рейнгольд Вальтер — переводчик-профессионал, много переведивший русскую прозу и поэзию — от Пушкина и Гоголя до

у Калмера:

Genossen!
Auf die Barrikaden!
Barrikaden der Herzen und
Seelen!
.....

Nur die sind wahrhaft kommuni-
nisten
die niederbrannten alle Rück-
zugsbrücken.

Genug des Schreitens!
Futuristen!
In die Zukunft Sprung!
.....

Laßt Groschenwahrheitsgewinsel!
Werft ab die rostigen Ketten
Fort mit den alten Gesetzen!

Брюсова и Соллогуба. Его наиболее удачные переводы из Блока, ранее публиковавшиеся в журналах "Hyperion" и "Morgen", были изданы в 1920 г. отдельной книжечкой в издательстве "Скифы".⁶ Долго живший и учившийся в Петербурге, он отлично знает не только русский язык, но и поэзию символистов – предшественников и современников Маяковского. Он удачно передал дольник Блока и многие его поэтические приемы; при переводе стихотворений Маяковского он сумел в известной мере передать его акцентный стих, кое в чем – новизну стиля Маяковского. Наконец, ему удалось создать удачные образы, по стилю очень близкие Маяковскому, компенсирующие в какой-то мере неизбежные утраты перевода. Так, например, строки: "Пригород Пушкино горбил / Акуловой горою" он перевел, стремясь достигнуть эффекта неожиданности и изобретательности Маяковского: "Es buckelte sich Puschkino / den Berg hinaufgefächert."⁷

Окказионализм "den Berg hinaufgefächert" компенсирует здесь в какой-то мере своеобразное и окказиональное управление Маяковского: "горбил Акуловой горою".

Для Р. Вальтера, воспринимавшего Маяковского на фоне предшествовавшей ему русской поэзии, стихотворное новаторство Маяковского не было совсем уж непонятным. Труднее оказалось ему стать на литературные позиции русского поэта и перевод его примечательным образом зафиксировал и демонстрирует это "непонимание" – отчетливое неприятие переводчиком идейной и поэтической платформы переводимого поэта. Именно это и определило, в конечном счете, результат. Перевод Вальтера, на первый взгляд очень "похожий", передающий, в основном, и размер, и интонацию, и смысловое членение строк Маяковского, при ближайшем рассмотрении оказывается произведением, чуждым Маяковскому, противоречащим основным его установкам и потому – ни в коей мере не достигающим цели.

Стихотворение Маяковского превратилось в описание "засыпного приключения", из него оказалась выхолощенной метафора, на которой построено все стихотворение целиком: русский поэт сравнивает с благотворным светом солнца свою поэзию и утверждает мысль о том, что искусство и поэт не должны стоять в стороне от жизни, от потребностей человека. Маяковский говорит в этом стихотворении о своем рисовании пла-

каторов как о чём-то, хоть и надоевшем, но необходимом и приносящем пользу людям; но главную цель своего служения народу поэт видит в том, чтобы "светить всегда, светить везде" и "солнце лить стихами".

Эта центральная идея, воплощенная в образе солнца, исчезла из перевода Р.Вальтера, к этому привели несколько небольших изменений и одна купюра: у Вальтера существенно изменен мотив обращения поэта к солнцу, строки:

"... а тут - не знай ни зим, ни лет, / сиди, рисуй плакаты!", обращенные поэтом к себе, переводчик, не обративший внимания на "а тут", понял как повелительное наклонение, обращенное поэтом к солнцу, и перевел поэту: "Laß mal die alte Leier sein!/ Komm her/ und mal Plakate!"

Строки, передающие разговор поэта с солнцем, переводчик выпустил и вовсе (82-100): Про то,/ про это говорю,/ что де заела Роста,/ а солнце:/ "Ладно,/ не горюй,/ смотри на веши просто! / А мне, ты думаешь,/ светить/ легко?/ - Поди, по-пробуй! - / А вот идешь - / Взялось идти,/ идешь - и светишь в оба!"/ Болтали так до темноты -/ до бывшей ночи то есть./ Какая тьма уж тут?/ На "ты"/ мы с ним, совсем освоились."

Между тем именно эти строки заключают в себе основную идею стихотворения. Препарированное таким образом, всё стихотворение оказывается беспредметным, а "приключение" - плоской выдумкой.

Это выхолащивание основного смысла стихотворения и далее проводится весьма последовательно; из стихотворения исчезает идея "сотрудничества" солнца и поэта. Сравни:

Ты да я,	Nur heran!
нас, товарищ, двое...	Wir sind halt Kameraden!
.....
Я буду солнце лить свое,	Ich, Sonne, flute <u>meinen</u>
а ты - свое,	du - <u>deinen</u> - <u>Gang</u>
стихами.	in Gedichten.

В переводе речь идет явно не об единении, а об размежевании путей поэта и солнца.

Итак, самым существенным отличием перевода от оригинала является то, что в нём исключено всё, что рисует индивидуальный неповторимый облик поэта - Манковского, всё, что свой-

ственno именно ему (работа в Роста, рисование плакатов, волнующая его проблема: долг – вдохновение). Именно эти черты, делающие поэта отличным от всех других, покидали переводачику малоизвестными (может быть, и непонятными вовсе или чуждыми).

Характерно, что точно так же поступил и неназванный (Берта Гиршман?) переводчик автобиографии Маяковского. И это нельзя считать случайностью. Скорее это – четкий показатель того, что перевод совершался тогда, когда в Германии еще не была подготовлена почва для восприятия Маяковского в его подлинном виде. Из автобиографии поэта, и без того краткой, выпало около 240 строк и, к сожалению, чаще всего очень важных по содержанию. Уже вследствие этих сокращений автобиография оказалась значительно обедненной фактами, жизнь и интересы поэта представляли более узкими и ограниченными в своем диапазоне. Рождение поэта-трибуна, во всяком случае, не рисовалось немецкому читателю чем-то вполне естественным и закономерным, выражавшим из юношеских симпатий, антипатий и устремлений.

Характер перевода, к сожалению, еще более углубил это расхождение с оригиналом. Безусловно, проза Маяковского для перевода очень трудна, может быть не легче иных поэтических произведений. Она крайне лапидарна, концептуирована образна. Характерно стремление поэта подчинить грамматику задаче выразительности и образности, в ней уже ощущается его словотворческий талант. В статье поэта-экспрессиониста Франца Юнга, опубликованной за год до этой публикации, как раз подчеркивались неповторимые индивидуальные поэтические черты автобиографии Маяковского, поднявшегося над литературной богемой: "Я" – это связь индивидуума с миром в форме индивидуализации этого отдельно взятого человека, что уже, по Маяковскому, несомненно подчеркивает причастность всего мира к этому "я" поэта.⁸

Но переводчик автобиографии отказался от передачи каких-либо стилистических особенностей прозы Маяковского – он их просто вынес за скобку, как бы не заметил. Вследствие этого она не только лишилась живости и стилистической определенности, яркой ироничной юмористической окраски, но и сам облик поэта, ее автора, оказался лишенным оригинальности и неповторимости. Здесь он – обычный, средний, ничем не выдающийся,

как обычны и, порой, средни мысли и слова, которыми он о себе повествует.

Показательно, что именно программные стихотворения Маяковского об искусстве и поэзии и автобиография поэта в переводах середины двадцатых годов прозвучали с максимальными потерями – их содержание было, очевидно, менее всего понятно поэтам-переводчикам, так как у одних из них не было ясного представления о поэтической и идеологической платформе переводимого поэта, а другим – кое-что в его утвержденияхказалось, очевидно, просто неприемлемым.

Нечеткое представление о поэтике Маяковского, непонимание конкретного механизма его новаторства сделало возможным публикации и таких переводов, которые были целиком основаны на неверном прочтении и изобиловали ошибками, свидетельствовавшими о том, что людям, бравшимся за них, были далеки и неясны поэтические задачи Маяковского.

Характерным примером такого перевода советского поэта, становившегося в Германии "модным", была продукция Берты Ширацки.⁹

Переводя раннее стихотворение Маяковского "Теплое слово кое-каким порокам" (1915), Ширацки не осмыслила это стихотворение (имеющее подзаголовок: "Почти гимн") в ряду сатирических "гимнов" Маяковского ("Гимн здоровью", "Гимн обеду" "Гимн критику", "Гимн взяtkе"), она не поднялась выше буквального понимания его строк, а центральные строфы стихотворения не сумела прочесть правильно, в частности, не поняла "карточного" жаргона в строках:

"А я вчера, не насиленный никем/ просто/ снял в "железку" по шестой руке/ три тысячи двести – со ста.

Ничего, если, приложивши палец ко рту,/ зубоскалят, будто помог тем,/ что у меня такой-то и такой-то туз/ мягко помечен ногтем."

"Железкой" Маяковский называет здесь, как это было принято промеж картежников, карточную игру "chemin de ferre" в следующих строках речь идет о том, что игра велась в шестером и, положив в банк 100 рублей, игрок выиграл 3200. "Туз... помеченный ногтем" – говорит о сомнении других игроков в честности игрока, возможно, пометившего (крапившего) карты.

Ширачки, старательно, с большим или меньшим успехом передавшая многие образы Маяковского, упустила главное: она не поняла, что в стихотворении речь идет о карточной игре иironически "воспевается" шулерство — легчайший способ "карман ближнему вывернуть и вытрясти". "Кое-какие пороки" она восприняла просто как грабеж, воровство:

"Ich aber nahm gestern — von keinem gezwungen — / Einfach/ Mit einem Handsechstel (und versteckte sie unter Steinen/ Fünftausendsechshundertacht. — / Nacht nichts, daß sie dann vor Geifer blaß —/ Zähneknirschen,/ Als wär was geschafft,/ Wenn man so ein gewisses Aß / auf meinem Rücken ertrafft."

Восприятие этих строк навеяно Ширачки, несомненно, знакомством с другими произведениями русской литературы: герой стихотворения как Раскольников прячет украденные (= взятые просто) деньги под камни, и как в "Двенадцати" Блока у него на спине туз.

То, что не подошло под это "понимание", стало звучать, как зашифрованные сюрреалистские образы: "Handsechstel" — "шестая часть руки" или последняя строка стихотворения, буквально переведенная, но потерявшая уже в свете вышесказанного свой смысл:

У Маяковского
"А вы прикупаете к пятерке?" Und Sie, werden Sie bei Fünfe
В переводе Ширачки:
noch kaufen?

Аналогичная неудача постигла и перевод стихотворения "Первое мая", в котором Ширачки совершенно не поняла первых строк, допустив в них анекдотическую ошибку: "Поэты —/ народ дошлый" она перевела так: "Poeten/ das Volk geht drauf!" "Дошлый" переводчица прочла, очевидно, как "дохлый" ("Draufgehen" — погибать). И как бы старательно и буквально не передавались остальные строки стихотворения, всё оно в целом утратило свой смысл, так как утраченной оказалась его главная мысль, главная задача.

Невнимание к основной задаче стихотворного произведения выражается по-разному в переводах разных авторов: в переводе отрывка из поэмы "Облако в штанах" Норы Яблонски (строки 594–642) оно оказалось отчасти уже в отсутствии риф-

мы, но еще больше – в произвольном завершении отрицка первой строкой следующей строфы:

"Maria, du willst nicht?/ Ha! Ich muß also wieder..."

Стихотворение в переводе так и кончается оборванной строчкой и многоточием. В оригинале же – эта последняя **строка** начинает следующую строфу, где она имеет совершенно определенный смысл: "Значит – оять/ темно и понуро/ сердце возвыши,/ слезами окапав,/ нести,/ как собака,/ которая в конуре/ несет перееханную поездом лапу." 10

Произвольный обрыв на полуслове – полумысли тоже придавал переводу черты некоей иррациональности, абстрактности, загадочности и, таким образом, внушил немецкому читателю неверное представление о стиле поэзии Маяковского.

Непонимание поэтики Маяковского и приписывание ему чужого поэтического лица опиралось порой на утверждения "авторитетных" немецких литературоведов, специалистов по советской литературе.

Так, например, Фюлеп-Миллер в своей книге не делает разницы между литературными взглядами и практикой Шершневича и Маяковского, он уверяет читателя, что для Маяковского главное – "механизация поэтического искусства", и что поэт для него "ни что иное, как, по возможности, целесообразное сочетание частей речи", и что Маяковский занимается, главным образом, изобретением новых слов.¹¹

Примечания

1 W.Majakowski. Unser Marsch. Im Buch: "Europäische Lyrik der Gegenwart", hg. von J.Kaimer, "Wien-Leipzig, 1927, S. 137-138.

2 Russische Rundschau, 1925, N.I (Oktober), S.57-58.

3 Kaimer J. Europäische Lyrik der Gegenwart.

4 Konstantin Umanski, Neue Kunst im Russland 1914-1919, Potsdam, 1920.

5 "Außergewöhnliches Abenteuer", "Kunstschau", 1925, N.У., стр.424-425; ЦГАЛИ, ф.386, оп.7с, № 38, л. 46-47.

6 Alexander Block. Gedichte, Verlag "Skythen", Berlin, 1920, 48 S.

7 Europa. Almanach, hg. von Karl Einstein und Paul Westheim, Potsdam, 1925, S. 47-55.

8 Franz Jung. Wladimir Majakowski und seine Schule. "Arbeiterliteratur", 1924, N 5/6.

9 "Der erste Mai", Querschnitt, 1927, N.4, S.255-56; "Ein warmes Wort für irgend-welche Laster", "Europa" Almanach hg. von C.Einstein und P.Westheim, Potsdam, 1925, S.57-58. Третий перевод Ширацки "Das Pferd und wir" ("Хорошее отношение к лошадям") по картотеке БММ опубликован трижды: "Querschnitt", 1924, N.2/3; Das Querschnittbuch, 1924; "Berliner Zeitung am Mittag, 1930, 15 April. Мы видели лишь последнее издание.

10 W.Majakowski. Bitte um Liebe. - "Der Querschnitt", Berlin, 1930, N 5.

11 René Fülöp-Miller. Geist und Gesicht des Bolschewismus. Zürich-Leipzig-Wien, 1925.

Н.О. Гучинская

ОБ ИЕРАРХИИ СТИЛЕЙ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Всё, что говорится здесь о поэзии, по сути своей относится и к другим жанрам, ибо жанр можно рассматривать как определившееся художественно, содержание. Однако наиболее предметной является форма стихотворная, имеющая четкую материальную оболочку, выраженную в метре.

Поэзия всегда в огущённом виде представляла философские и стилистические особенности литературного течения, школы, творческой манеры писателя - в силу связанной с метром краткости, словесной точности и метафоричности. Так, вся программа "бури и натиска" - упоение природой, возрождение свободных человеческих чувств и т.д. - выражена в ранней лирике И.В.Гёте, формы которой чувствительно отзываются на содержание: здесь и народнопесенный стих, и свободные ритмы, и стремительность образов, сливающих музыкальность и живописность в единые метафоры.

Динамичная и наглядная форма баллады явилаась у Ф.Шиллера наиболее цельным воплощением идеальной героической морали.

Обострённому чувству красоты у романтиков лучше всего соответствовал жанр поэзии, музыкальный, насыщенный символами стих, повторяющий структуру народной песни.

Борьба идей в литературе, начавшаяся в конце XIX и продолжавшаяся в XX веке, проявилась, прежде всего, в поисках новых форм лирики и в провозглашении натуралистами свободных ритмов ² наиболее естественной, рациональной и неукрашенной формой, предназначеннной для передачи неприглядной действительности.

Берлибр стал основной формой всей современной поэзии, и его особенности невозможно связать с каким-либо одним литературным течением: в поэзии символистов он подчёркивал широту, глубину и вместе с тем расплывчатость символических ассоциаций, у экспрессионистов взрывал все привычные рамки и правильности, стремясь к хаотичности образов, в поэзии Б.Брехта отражал разумное начало нарочито антимузыкального стиха, у Новалиса - тоску по невозможному, которая выражалась в бесчисленных образах-ассоциациях, могущих уместиться только в свободных строках, и т.д.

Таким образом, вольные ритмы (потому-то они и вольные!) в отличие от других поэтических форм появлялись в различные литературные эпохи и означали ломку старого во имя нового - как на уровне целого литературного течения, так и на уровне (и это в большей степени!) индивидуального стиля отдельного поэта.³

Каким же образом согрекаются друг с другом стиль литературного течения, стиль поэзии как жанра, стиль отдельного автора и стиль отдельного стихотворения?

Если поэзия так остро реагирует на сцену художественных течений и даже представляет целые литературные школы, как в романтизме или символизме, то она тесно связана со всеми этими категориями в функционально-стилистическом отношении и либо является одним из функциональных стилей литературного течения, когда мы можем говорить, как выше, о проявлении идей "бури и натиска" в ранней лирике Гёте, о классическом идеале баллад Шиллера, о романтическом упоении пр стран-

ством в стихотворениях Гёльдерлина, о реалистических рациональных образах Б.Брехта и т.д.; либо смешивается с понятием литературного течения, становясь его полным стилем, и мы можем говорить о лиричности и народнопесенном характере романтизма, об утонченной инструментовке символического стиха, о чудовищной метафоричности стиха экспрессионистов, о пластичности и ясности классицизма и т.д. Иначе говоря, жанр оказывается и более общим, и более частным явлением по отношению к стилю литературного течения: будучи ведущим в данном литературном течении, он становится его частным стилистическим признаком; будучи, подобно поэзии, только частью (правда, очень выразительной) литературного течения, он преобразует стилистические особенности последнего в черты своего собственного стиля.

Стилистические возможности жанра поэзии расширяются и углубляются, становясь более конкретными внутри отдельных поэтических жанровых форм, которые служат как бы водоразделом между функциональными и индивидуальными стилями художественной литературы. Здесь следует иметь в виду, что жанровая форма стихотворения – это его развернутая метрическая организация, которой и соответствуют названия оды, сонета, песни, романа, баллады, терции, октав, стансов, верлибра и т.д.

Для разных литературных течений характерны разные жанровые формы поэзии – и они вступают в этих литературных течениях, безусловно, как частное проявление их функционального художественного стиля, как одна из функциональных стилевых черт. Так, для классицизма характерны сонет, ода, гимн и т.п. (строго метрический стих); для романтизма – песня, роман, баллада (несколько разрыхленная метрическая структура); для реализма – все возможные из существующих стихотворных форм: излюбленная форма И.Бахера – сонет, Б.Брехта – верлибр, Б.Вайнера – баллада, марлевая песня, Г.Гейне – песня и роман и т.д.

Индивидуальный стиль здесь как раз и начинается с излюбленной поэтом формы. Но чем более индивидуален стиль, тем он более зависим – и зависим от особенностей функциональных стилей: стиль поэта зависит от литературного течения, к которому поэт принадлежит, а стиль отдельного стихотворения зависит и от стиля литературного течения, и от индивидуаль-

ногого стиля поэта. Только в выборе жанровой формы поэт намного свободнее: вне прямой связи с литературным течением могла возникнуть баллада (Гете, Шиллер), верлибр (Гейне), сонет (Рильке) и т.д. Зато самая жанровая форма оказывается благодаря этому весьма зависимой от индивидуальности автора, его мировоззрения и его поэтических приемов. Стало быть, жанровая форма занимает особое место в стиле художественной литературы: рассматриваемая в системе индивидуальных стилей, она становится независимой по отношению к литературному течению; рассматриваемая в системе стилей функциональных, она диктует свои условия индивидуальному стилю автора - т.е. оказывается самой самостоятельной и гибкой стилистической категорией. Следствием такой самостоятельности и гибкости, однако, является способность легко "поступать на службу" и подчиняться какому-то одному господину - либо литературному течению, либо автору, а на практике - и тому, и другому сразу, связывая крепким узлом функциональный стиль одного с индивидуальным стилем другого. Как же это происходит?

Баллада Уланда "Замок у моря" построена по классической форме романтической народно-песенной баллады: это строический диалог с контрастными вопросами и ответами - "Hast du das Schloß gesehen,/ Das hohe Schloß am Meer?/ Golden und rosig wehen/ Die Wolken drüber her."/ ..."Wohl hab' ich es gesehen,/ Das hohe Schloß am Meer/ Und den Mond darüber stehen/ Und Nebel weit umher."/

С одной стороны, такая форма характерна для народнопесенного романтизма вообще, с другой же стороны она отражает тематику самого Уланда, его мировоззрение, идеализацию им средневековья, соединенную с тоской по умершей красоте. Отсюда и романтические пейзажные образы - *Mond, Nebel, Wolken, golden, rosig*, которые могут видоизменяться в других стихах под влиянием новой темы.

Так мы спустились на последнюю стилистическую ступеньку, соответствующую индивидуальному стилю одного стихотворения, где вместе с новой темой предстает перед нами и другой лирический герой, и другая идея, и особая строическая композиция, а иногда и сюжет. Подобно тому, как поэт сливается со своим жанром - жанром поэзии, точно так же и стихотворение

сливается со своей жанровой формой, передавая ей компоненты своей смысловой структуры, которые она приводит в стилистическое равновесие друг с другом. Так, в сонете И.Бахера "Рименшнейдер" символика образов, соответствующая теме произведения, связана со всей сжатой и обобщающей формой сонета, с его лейтмотивным характером, с его строфической композицией, последовательно развивающей тему и динамично приводящей ее к синтезу-идее: *Als er eines Tags, vorübergehend, / Einen blindgestochenen Bauern sah, / Sagte er: "Ich mach dich wieder sehend, / Und er schnitzte ihn aus Holz, das ja // Aus demselben Stoff war, / Und der Bauer, der geblendet war, / Sah mit großen Augen vom Altar.*

В стихотворении Б.Брехта "Маска злого духа" ("Die Maske des Bösen") свободная форма стиха соответствует не только общей поэтической манере Брехта, но и логике данного стихотворения – двуплановость верлибра (почти прозаический синтаксис и сгущенная метафоричность) сливается здесь с двуплановостью творческой манеры Брехта (этическая дистанция в драматическом действии) и с двумя смысловыми планами самого стиха: *Mitfühlend sehe ich/ die geschwollenen Stirnader, andeutend wie anstrengend es ist, böse zu sein/.*

Таким образом, иерархию стилей в поэтическом произведении можно представить и как постепенное движение от функциональных стилей к индивидуальным, через "перевалочный пункт" в виде жанровой формы, которая связывает их в одном поэтическом произведении – и как встречное движение функциональных и индивидуальных стилей, соединяющих, как в фокусе, в жанровой форме свои стилистические особенности.

Примечания

¹ См. Г.Д.Гачев и В.В.Кожинов. Содержательность литературных форм. "Теория литературы. Роды и жанры литературы". М., 1964.

² Соответствует немецкому названию "freie Rhythmen".

³ См. Н.О.Гучинская. Структурно-стилистические возможности свободного стиха. "Стилистика художественной речи." Л., 1973, стр. 45.

К ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ

Проблемы лексики занимают в настоящее время большое место в кругу насущных задач советского языкознания.

С каждым годом все больше уделяется внимания изучению вопросов лексики не только в сугубо лексикологическом плане, но и в плане стилистическом, с целью выявления художественно-изобразительных функций тех или иных единиц этой системы.

В связи с этим важное значение приобретает проблема индивидуального словоупотребления, как часть общей проблемы индивидуального авторского стиля.

Известно, что вопрос о системности лексики писателя "во-обще или в определенный период его творческой деятельности" был выдвинут в отечественном языкознании еще Л.В.Щербой.¹ Проблемам "действенного словаря" того или другого писателя были посвящены труды Б.А.Ларина и В.В.Виноградова.²

В настоящее время этот вопрос находится в центре внимания исследовательского коллектива составителей словаря М.Горького.³

Заслуживает также быть отмеченной работа коллектива составителей словаря Анны Зегерс при кафедре немецкой филологии ЛГУ им. А.А.Жданова, возглавляемого профессором А.В.Федоровым. Ученые работают над раскрытием своеобразия словоупотребления и лексики А.Зегерс, над методикой изучения лексики писательницы как системы.

Одним из способов изучения лексики как системы, разработанных в советской лингвистике, является описание лексико-семантических групп.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение одной такой лексической пары из "действенного словаря" Бехера периода 30-х годов - понятий *Heimat*, *Dichtung*, а также понятий, очень близко примыкающих к названным лексическим единицам. В этот период со net приобрел в творчестве Бехера небывалое значение и силу, доказав, что он является актуальной и современной поэтической формой.

Вопрос о художественном наследии (*die Erbfrage*) играл в то время решающую роль в идейно-литературной борьбе. Для Бехера

хера борьба за союз имела принципиальное значение. Этот вопрос был для поэта не чисто творческим, но и политическим, так как речь шла о консолидации антифашистских литературных сил эмиграции и об идейном сплочении их вокруг писателей-коммунистов. В исторических условиях 30-х годов борьба за союз была идеологическим вопросом, вопросом об отношении к социалистической литературе, об отношении к культурному наследию. Центральной темой творчества Бехера в зрелый период была тема родины. Сам поэт определил сущность своей поэзии о Германии в период эмиграции как "борьбу за спасение нации".⁴

Поэтому не случайно, что в числе самых действенных единиц поэтического словаря союзов Бехера этого периода оказываются лексемы *Heimat, Dichtung*. Поэт, находясь на чужбине, вдали от родины, ощущает глубокую духовную связь с ней. Несмотря на пространство, он связан с родиной чувством глубокой любви к ней, чувством революционного патриотизма.

Так в союзе "Das tiefste Leid" (183)⁵ лирический герой призывает свой стих, который один только способен помочь ему в его сложной жизненной борьбе, помочь обрести глубокое понимание действительности.

Ich ruf dich an, Gedicht! Hilf du mir jetzt, / So wie du oft geholfen, hilf den Schrecken/ Des Leidens mir bestehn/ Wie schwerverletzt/ Bin ich und kann die Wunden nicht bedecken

В союзе "In die Zukunft" (211) лексема *Gedicht*, неоднократно повторяясь, как бы высвечивает мысль о том, что полноценное стихотворение способно своим художественным совершенством оказать на человека сильное благотворное влияние и содействовать тем самым укреплению его духа и нравственных сил.

Mischung von Worten... Wer kann das Geheimnis erraten, / Da das Gedicht, vollendet, es niemals verrät?! / Rätsel unratbar?... Oft kann ein Gedicht mir geraten, / Dann, wenn es scheint, als ob es mir niemals gerät...

Лексика, как известно, создает наиважнейший в языковом отношении "перспективоуказующий материал".⁶

В союзах Бехера название часто обладает таким именно перспективно указывающим свойством и побуждает к выявлению перспективы всего стихотворения. Так, в союзе "Unbekannte Dichter in Deutschland" (166) основной является мысль о

неистребимой силе антифашистской поэзии. Писатель не должен прекращать творить для своего народа даже в трудное для страны время. В эмиграции и в тяжелых подпольных условиях живет патриотическая немецкая поэзия.

Wir dichten heimlich, sind die Unbekannten, / Es spricht das Volk und sendet immerfort. / Wie mit Antennen, weithin ausgespannten, Wir fangen auf das fernste Flüsterwort. // Geht ringsum ein Gespräch, Traum spricht zu Traum, / Ein Chor unsichtbar steigt empor: "Wann endlich / Wird wieder Dichtung sein, die singt und strahlt?!"

Поэты-антифашисты мечтают о том времени, когда поэзия будет свободной и открытой, светлой и радостной.

Особенностью словоупотребления в сонетах Бехера является его "излюбленное художественное средство" (*ein bevorzugtes Kunstmittel des Dichters*)⁷ – повтор.

Лексические значения повторяющихся слов "индуцируют в соседних словах сверхзначения, невозможные вне данного стихового контекста". Это приводит к выделению в сонетах "доминирующих смысловых центров", как, например, в данном сонете – *dichten heimlich, Dichtung ... singt und strahlt*, – приобретающих "интегрированное сверхзначение".⁸

Можно привести большое количество примеров, иллюстрирующих частое словоупотребление лексемы *Dichtung*, а также её многочисленных морфологических вариантов (см., напр., сонеты "Gewicht der Zeit" (I77); "Ein Kunstfreund" (I74); "Die Freude" (215) и др.

Сонет "Seit damals" (I61) – одно из программных стихотворений Бехера. В эмиграции для поэта раскрылось величие родины и значение родного языка. Бехер понял, что язык – это часть родины, её культуры, пейзажа, национальных традиций. Неслучайно этот сонет в книге "Der Glückssucher und die sieben Lasten" находится в цикле сонетов "Heimat". Подобное объединение сонетов в одном цикле весьма характерно. В национальном языке Бехер увидел в годы эмиграции "мощное и незаменимое средство общения с народом, оружие борьбы за национальные интересы Германии".⁹ *Seit damals, als in Deutschland man verbrannte/ Die Dichtung und die Heimat mir entzog/ Und nur das Wort noch gelten ließ, das log, / Und*

dieses Wort zum Mord noch uns entsandte/ Seit damals, als
ich besser mich erkannte/ Und ich des Wortes innern Wert er-
wog/ Und ich erkannte, da ich oft betrog/ Das Wort durchs
Wort, da ich es schlecht verwandte.// Seit damals ist's,
als sei in mir das Wort -/ Des Wortes Fülle und des Wortes
Strenge -/ Neu aufgebrochen, und es trägt mich fort,/Kraft-
voll in mir zersprengend jede Enge.// Die Heimat zeigt ge-
nau mir an die Richtung,/ Aus der Vernichtung rette ich die
Dichtung.

Нельзя не отметить принципиальную важную роль местоиме-
ния *dein*, которое употреблено рядом с повторяющейся лексе-
мой *Wort*. Словосочетание *dein Wort*/// в сонете Бехера ука-
зывает на родной, национальный немецкий язык. Именно могу-
чий немецкий язык помог в становлении его индивидуального
зрелого поэтического языка (*dein Wort mein Wort*).

В соотношении лексем *dein Wort* - *mein Wort*, чередую-
щихся в стихе, можно услышать разговор поэта с родиной о её
языке. Характерно при этом, что стилистическими средствами
стиха в этом сонете выражена мысль о взаимообогащении на-
ционального языка и индивидуального языка автора, а также
о взаимном благотворном влиянии их друг на друга. Тематиче-
ский стержень сонета – понятие "слово" (*das Wort*) – обыгрыва-
ется в различных микротемах катренов и дистиха, объеди-
ненных общей идеей о неразрывной связи поэта с родиной.

Раньше поэт недооценивал значение и силу воздействия
литературы на народ, но когда он увидел концлагеря, нацио-
нальную катастрофу, то понял общественно-политическое зна-
чение литературы, слова писателя и поэта для успеха антифа-
шистской борьбы. Взаимодействие различных общественных и ду-
ховных факторов обусловило духовную эволюцию Бехера. Одним
из наиболее сильных факторов в этой связи явилось осозна-
ние национальной катастрофы и трагедии немецкого народа.
Повторяющееся существительное *Wort* становится в стихотво-
рении опорным словом, тематическим стержнем, смысловой доми-
нантой, однако содержание строф в сонете довольно разное.
В первом катрене повторяющаяся лексическая единица *Wort*
приближается к другой лексеме *Mord*, так как речь идет об
уничтожении в фашистской Германии книг и живого слова, и о

ложном слове, ведущем к убийству и кровопролитию.

Во втором катрене рядом с повторяющимися лексемами возникает близкое по звуковому составу и очень важное по смыслу слово *Wort*. Здесь говорится о постепенном прозрении героя. Он стал понимать суть происходящего в стране. Приход Фашизма, разгул гитлеровской диктатуры открыл для поэта родину. Он понял самого себя и вместе с тем по-новому воспринял общественно-политическое значение своего поэтического творчества.

Наконец, в третьем катрене рядом с повторами лексической единицы *Wort* появляются имена существительные *Fülle*, *Strenge*. Поэт, постигший значение своего поэтического слова, открыл новые, прекрасные своей строгостью и законченностью строгие формы, преодолевая всяческую узость.

Заключительные строки сонета раскрывают истинные причины правильной оценки героем происходящего: любовь к родине помогла поэту понять происходящее и произнести приговор виновникам национальной катастрофы.

Повторяющиеся слова *Wort* – *Wortes* – *Wort...* в данном сонете отмечают путь, пройденный поэтом, путь поэта-изгнанника, постигшего в эмиграции недостатки своего прежнего творчества и понявшего, что только полноценное художественное слово (*des Wortes Fülle und des Wortes Strenge*) может стать действенным оружием антифашистской борьбы.

Именно победа фашизма в Германии поставила перед прогрессивными немецкими писателями – изгнанниками ряд сложных и мучительных вопросов: отношение к родине, отношение к национальной культуре, отношение к своему собственному творчеству.¹⁰ Таким образом, духовная эволюция Бехера обусловила совершенно новый характер его поэзии. Бехер понял, что национальная поэзия должна быть спасена и развита с новой всепобеждающей силой.

Расположение повторяющихся лексем в сонете таково, что создается известное смысловое напряжение вследствие концентрации повторов в пределах соседних (второго и третьего кратенов). Вариация синтаксических характеристик компонентов повтора выражена в переходе подлежащего в дополнение и снова в подлежащее.

Повторяющиеся в первом кратене и дистихе лексемы *Dichung* – *Heimat*, *Heimat* – *Dichtung* тоже подчеркивают главную

мысль сонета. При этом характерна хиазматическая расстановка повторяющихся компонентов в указанных строфах. Если в первом катрене выделяется мысль, что фашизм уничтожил немецкую литературу, это ценнейшее творение немецкой нации, и лишил поэта родины, то в дистихе благодаря расстановке повторяющихся компонентов *Heimat - Dichtung* подчёркнута решающая роль родины в личной творческой судьбе поэта. Таким образом стилистически оправдано расположение и этих повторяющихся лексических единиц.

Наблюдения показывают, что выбор слов, их смысловая структура и семантические соотношения обусловлены в конечном счете характером творчества и стиля Бехера. Соотношение взаимосвязанных элементов в системе языка Бехера во многом определяется задачами художественного построения сонета как устойчивой литературной формы, творческими установками Бехера в исторических условиях 30-х годов, его особым видением мира.

Примечания

¹ Л.В.Щерба. Избранные работы по языкоznанию и фонетике. М., Изд-во ЛГУ, 1958, т. I, стр. 58.

² Б.А.Ларин. Основные принципы словаря автобиографической трилогии М.Горького - "Словоупотребление и стиль М.Горького". Л., Изд-во ЛГУ, 1962; В.В.Виноградов. О языке художественной литературы. М., Гослитиздат, 1959.

³ См. работы: Л.С.Ковтун, Г.А.Лилич, О.Н.Семеновой, М.Б.Борисовой, В.А.Сиротининой, М.А.Карпенко, Ю.С.Языковой, Н.М.Светличной и др.

⁴ J.R.Becher. *Verteidigung der Poesie. Rütten und Loening*, Berlin, 1952, S. 43.

⁵ J.R.Becher. *Sonett-Werk (1913-1955)*. Aufbau - Verlag, Berlin, 1956. При ссылках на сонеты в скобках рядом с названием сонета указан соответствующий ему номер в авторской нумерации, данной в этом сборнике.

⁶ Н.Д.Марова. Некоторые вопросы лингвостилистической интерпретации художественного текста. Автореферат канд.дисс. М., 1968, стр. 6.

7

E. Stein. Kleiner Wegweiser zu J.R. Bechers Gedicht.
Aufbau - Verlag, Berlin, 1965, S. 43.

8

Ю.М.Лотман. Анализ поэтического текста. "Просвещение",
Л., 1972, стр. 93.

9

П.Биркан. Оружием слова. "Советский писатель", Л.,
1959, стр. 262.

10

П.Биркан. Указ. соч., стр. 78.

И.Д. З е б р о в а

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АТРИБУТИВНОГО ИНФИНИТИВА В НЕМЕЦКОЙ НАУЧНОЙ ПРОЗЕ

Инфинитив в немецкой предложении может выступать в предикативной связи, находиться в группе глагола и в группе существительного. Выступая в последней, атрибутивной, функции, инфинитив несет и определенную стилистическую нагрузку. Полное и всестороннее исследование атрибутивного инфинитива предполагает, таким образом, его изучение как с грамматической, так и со стилистической точки зрения. Грамматическое исследование инфинитива проводилось в ряде работ; в том числе проблеме изучения приименного инфинитива посвящена специальная диссертация.¹ Однако работ, посвященных исследованию атрибутивного инфинитива в функциональных стилях, очевидно, не имеется.

В данной работе предпринята попытка охарактеризовать стилистические функции атрибутивного инфинитива в научной прозе. Были исследованы образцы научно-лингвистической и философской прозы.²

Стиль научной прозы характеризуется четкостью тематического и логического членения текста, высокой степенью обобщения материала.³ В эту картину органически вписываются предложения, содержащие атрибутивный инфинитив. Практически все предложения данного типа несут в тексте одну определенную семантико-стилистическую функцию: они выражают в наиболее

обобщенном виде тему повествования, конкретизирующую в дальнейшем.

Сформулировав таким образом семантику предложений с атрибутивным инфинитивом в общем, можно расчленить их на три группы:

1) группа предложений, являющихся тематическим началом абзаца (таких предложений большинство),

2) группа срединных предложений, она распадается на две подгруппы:

а) предложения, являющиеся экспонентом новой темы в политематических абзацах,

б) срединные предложения во вводных разделах.

3) Группа конечных предложений во вводных разделах (самая неиндоцисленная). В тексте В.Шмидта на 52 предложения: 24 (группа 1); 14 (группа 2); из них в группе 2-а - 5, в группе 2-б - 9; 10 (группа 3).

Рассмотрим каждую из этих групп. Начальное предложение с атрибутивным инфинитивом выполняет в абзаце роль экспонента, иначе, тематического начала абзаца. Свойственная им высокая степень абстракции (обеспечиваемая именно присутствием существительного с инфинитивом) обуславливает названную функцию - функцию предварить основную мысль логического единства. Если предложение, являющееся семантическим ядром абзаца, называет то, что говорится в абзаце, то вводное предложение с атрибутивным инфинитивом только указывает на то, о чем будет говориться. (При этом группа существительное + инфинитив (инфинитивный оборот) может иногда выполнять функцию обобщения предыдущей темы, в том случае, если тема охватывает несколько абзацев. Здесь нет принципиального отличия от функции тематического начала абзаца, так как и в том, и в другом случае начальное предложение является в "своем" абзаце экспонентом).

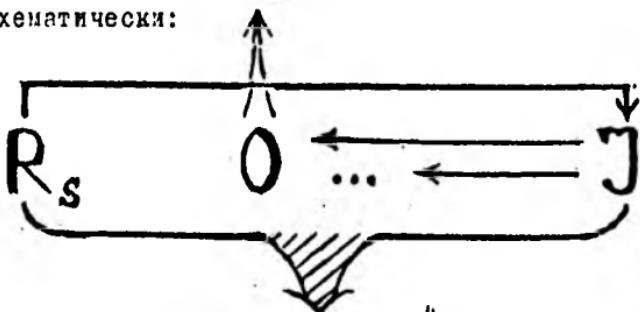
Так, например:

Es fehlt in der fachwissenschaftlichen Literatur nicht an Versuchen, die Adjektive nach ihrem Inhalt und ihren grammatischen Eigenheiten in semantische bzw. semantisch-grammatische Klassen einzuteilen. Diese Einteilungsversuche stoßen allerdings auf manche Schwierigkeiten, da die Grenzen oft schwer

zu ziehen sind, zumal viele Adjektive polysem sind und demzufolge verschiedenen Gruppen zugehören können. Gewöhnlich unterscheidet man mit O. Behaghel die semantisch-grammatischen Klassen der absoluten und der relativen Adjektive. ... (Ладеев в абзаце идет речь об основных характеристиках качественных и относительных прилагательных).

Здесь начальное предложение является своеобразной экспозицией основной темы данного абзаца, выраженной в третьем предложении.

Внутреннюю структуру начального предложения можно изобразить схематически:

Здесь R_s - существительное-регенс⁴, I - инфинитив, О - облигаторное дополнение, многоточием обозначено присутствие других второстепенных членов при инфинитиве. Стрелки, направленные вниз и вверх, обозначают перспективную и ретроспективную синсемантику.⁵ Как видно из этой схемы, существительное-регенс и инфинитив задают тему абзаца (новое), а облигаторное дополнение указывает на связь этой темы с предыдущей (данное). Следующие предложения связаны с экспонентом логической цепной связи, находящей интересное языковое выражение:

Существительное *Versuch* и инфинитив глагола *einteilen* связывается в следующем предложении в сложное существительное *Einteilungsversuche*. Как результат предпринятого разделения (*Einteilung*) в I предложении употребляется предложное дополнение к инфинитиву *in semantische bzw. semantisch-grammaticische Klassen*, которое переходит в следующее в обобщенно-синонимичной форме *Gruppen* и снова выступает в третьем в форме *semantisch-grammaticische Klassen*. В третьем предложении, являющемся

ст ядром абзаца, этот частичный повтор дополнения из вводного предложения служит иским подходом к основной части высказывания: **der absoluten und der relativen Adjektive.**

Таким образом, если существительное и инфинитив указывают, как правило, на развернутаемую в последующем абзаце тему, то второстепенные члены при инфинитиве могут либо присоединяться к функции их осенса, либо выполнять функцию связи с предыдущей темой, причем облагаторное дополнение чаще осуществляет именно последнюю функцию (конечно, в том случае, если все исходное предложение не выполняет функцию обобщения сказанного выше).

Переходя к рассмотрению срединных предложений, следует заметить, что предложения группы 2-а, начинаящие новую тему в политематическом абзаце, имеют практически те же функции и структуру, что и начальные предложения, с той лишь разницей, что у последних в среднем значительно более низкая степень ретроспективной синсемантии. Связь с предыдущим текстом и начало новой темы часто подкрепляются с помощью лексических средств (*zu seiner obengenannten Funktion; eine weitere Leistung; dem-gegenüber; zugleich*).

Так, например:

Zugleich wird immer deutlicher die Tendenz, die Materie nicht nur ontologisch, sondern auch erkenntnis-theoretisch, das heißt durch ihre Gegenüberstellung zum Bewußtsein, als Quelle der Empfindungen zu bestimmen. (Н.К., 93).

Данное предложение вводит в абзаце тему "материя и теория познания". В первой части приводится критика онтологического изучения материи буржуазными материалистами. Новая подтема раскрывается в предложениях, следующих за приведенным.

Группа 2-б - срединные предложения во вводных разделах (параграфах) - составляет около 13% всех случаев. Вводными разделами (параграфами) здесь считаются такие, которые выполняют функцию экспонента по отношению ко всей главе (разделу). Содержание таких тематических единиц обобщено настолько, что даже срединные предложения абзацев выражают тему повествования в наиболее обобщенном виде. От начальных предложений их отличает то, что они являются не единственными выразителями

этой обобщенной темы, а стоят наравне с другими предложениями того же тематического единства.

Так, например, во вводном параграфе к разделу "Der Kasus" (В.Шинцт) в центре абзаца стоит предложение

Die deutsche Hochsprache verfügt über ein Vierkasussystem, d.h., daß vier Fälle sich - freilich zusammen mit dem Feld der Präpositionen - in die Aufgabe teilen, die syntaktischen Beziehungen des Nomens herzustellen. (W.S., 125)

Тема параграфа - *Definition und Einteilung*, то есть в нем только нащечается план построения всего раздела, и можно, очевидно, говорить о том, что содержание такого параграфа - самого выполняющего функцию ввода - достаточно обобщено, чтобы предложения с атрибутивным инфинитивом, могли занимать в абзацах срединное положение, не теряя при этом своей основной функции - предварять тему повествования, называть, но не раскрывать ее.

Что касается конечных предложений с атрибутивным инфинитивом, то их задача также может быть соотнесена с основной функцией таких предложений. Если конечные предложения другой синтаксико-семантической структуры в основном резюмируют содержание абзаца, то эти предложения одновременно являются средством связи предыдущего абзаца с вводящим предложением последующего, вызывая более тесное семантическое сцепление абзацев.⁵ Конечные предложения с атрибутивным инфинитивом, расположенные во вводных текстовых комплексах, которые представляют собой тесно связанные тематические единства и в которых развитие мысли еще не приводит к резюме, являются ярким примером именно таких конечных "компонентов".

В качестве примера приведем вводный раздел к главе под названием "Die Haupttypen des Sprachbaus": в первом абзаце идет речь о средствах языка, выражавших грамматические отношения слов в предложении; во втором - об использовании этих средств в разных языках; последнее предложение первого и первое предложение второго абзацев имеют в своей структуре атрибутивный инфинитив:

...Erst mit Hilfe der verschiedenen Mittel und Verfahren, die einzelnen Wörter als Satzglieder oder Teile von Satzgliedern miteinander in Beziehung zu setzen, entsteht die Rede,

ohne sie ist die sprachliche Kommunikation gar nicht möglich.

Es zeigt sich nun bei einem Vergleich, daß verschiedene Sprachen von den Möglichkeiten, grammatische Beziehungen auszudrücken, in unterschiedlicher Weise Gebrauch machen... (W.S., 78)

Тесная семантическая связь этих двух предложений выражается эксплицитно с помощью синонимического повтора существительного-регенса в одном и в другом случае. Существительные *Mittel* und *Verfahren* и *Möglichkeit* здесь являются контекстуальными синонимами, да и оба оборота в целом синонимичны по своей семантике в данном контексте. И первая, и вторая конструкция обозначают "языковые средства для выражения грамматических отношений между словами в предложении". Содержание второго предложения в дальнейшем раскрывается контекстом следующего абзаца. Таким образом, конечное предложение первого абзаца служит не для завершения его темы, а для облегчения перехода ко второму абзацу, что достигается за счет употребления синонимичных групп с атрибутивным инфинитивом в обоих предложениях.

Следует подчеркнуть, что функции предложений, содержащих атрибутивный инфинитив, в научной прозе обусловлены их внутренней семантической структурой, а именно, семантикой глагола, выступающего в форме инфинитива, и семантикой существительного-регенса. Семантика существительных, присоединяющихся к себе инфинитив, в научном стиле отличается от общей семантики таких существительных, которые классифицируются Г.И.Перельман по степени их модальности.⁶ Представляется целесообразным в целях исследования предложить следующую классификацию этих существительных в зависимости от степени их семантической абстракции:

Степень абстракции	Группы существительных
III	объективно-модальные
II	субъективно-модальные
I	эмоциональные состояния и этические понятия
0	конкретно-предметные

В такой классификации группы существительных объединяются по степени абстракции. Существительные со значением необходимости, объективной возможности, побуждения и причины выделяются в группу "объективно-модальных" как независящие от говорящего. Существительные со значением "отношение производителя действия к действию" выделяются в группу "субъективно-модальных". Существительные со значением "эмоциональные состояния" и "этические понятия", не имеющие модального оттенка значения, объединяются в одну группу и помещаются на первую ступень семантической абстракции. На нулевой ступени находятся конкретно-предметные существительные, способные присоединять к себе инфинитив.

По данным исследования, в научной прозе встречаются только и исключительно существительные, находящиеся на высшей и средней ступени семантической абстракции. Среди этих существительных большинство принадлежит объективно-модальным с высокой степенью абстракции (приводим их в соответствии с частотностью употребления).

Möglichkeit,

Aufgabe,

Lage, Mittel, Notwendigkeit

Значительно меньшее количество обладает средней степенью абстракции (к последним относятся такие существительные, как *Versuch,*

Streben (Bestreben),

Absicht, Fähigkeit, Anspruch,

Bemühen, Eignung, Leistung и др.)

При этом практически все абстрактные существительные с оттенком модальности способны полностью проявить свое значение только в контексте. Часть из них обладает неполным значением на уровне языка (*Möglichkeit, Notwendigkeit*), другая часть – на уровне речи; иначе говоря, эти последние приобретают в контексте другой – модальный оттенок значения (*Versuch, Leistung*). Полностью значение этих существительных определяет инфинитив с зависимыми от него словами.

Задача глаголов, выступающих как инфинитив – конкретизировать значение существительного-регенса. Группа этих глаго-

лов значительно шире группы существительных. Однако они все объединены общей семантикой: обозначения темы макроконтекста. Например, основной темой исследования в лингвистических научных текстах является язык, поэтому доминируют соотносимые с этой семантикой глаголы; в книге В.Шмидта имеются и разделы, посвященные истории вопроса и задачам преподавания предмета. Соответственно этому имеются глаголы, выражающие сам процесс преподавания. Среди глаголов, принадлежащих к первой группе, особенно часто встречаются:

bezeichnen,

ausdrücken,

darstellen, kennzeichnen (с синонимом *charakterisieren*),
bestimmen (с синонимом *determinieren*),
angeben, fungieren.

Ко второй группе относятся: *abhelfen, aufstellen, erforschen, finden, gruppieren, vergleichen* и т.п.;

к третьей группе - *befähigen, führen и lehren*. На первый взгляд выпадают из этой картины глаголы *machen, geben, stellen, setzen и können*. Однако они употребляются либо во фразеологических сочетаниях типа *in Beziehung setzen, Übersicht geben*, либо в составных сказуемых *sichtbar machen, zeigen können*, которые по своей общей семантике также обозначают основную тему текста.

Таким образом, при сравнении семантики существительного - регенса и глагола в форме инфинитива становится ясна функция предложений, их содержащих. Существительное с наиболее обобщенной семантикой конкретизирует свое общее значение при сочетании с инфинитивом глагола, семантически соотносящимся с темой всего текста. В связи с этим становится понятным функционирование предложения, содержащего это сочетание, как носителя темы фразового единства в ее наиболее обобщенном виде. На уровне предложения происходит лишь первичная конкретизация смысла существительного, не выделяющая один предмет из множества, а только определяющая его значение как символа для группы понятий. Эту конкретизацию можно назвать первоначально-обобщенной. Вторичная конкретизация в собственном смысле слова, уточняющая и расчленяющая возникший в предложении смы-

вол, происходит на уровне абзаца (для срединных предложений – другого тематического единства). Существительное с атрибутивным инфинитивом является, таким образом, начальным индикатором смысла в макроконтексте.

Атрибутивная инфинитивная группа в научной прозе имеет довольно большой объем. По данным исследования нераспространенный инфинитив не встречается. Инфинитив распространен за счет облигаторного дополнения, иногда второго дополнения, обстоятельства (в основном образа действия), определения к существительным, выступающим в вышенназванных функциях. Из всех этих второстепенных членов необходимым является присутствие облигаторного дополнения. Все остальные присутствуют в инфинитивной группе лишь факультативно. Несколько примеров, показывающих, насколько может быть распространена инфинитивная группа:

1) *Die Kenntnis der materialistischen Dialektik versetzt uns in die Lage, den Zusammenhang zu erfassen, in dem sich sein begrenztes Gebiet zu anderen Gebieten und zu den Wissenschaften insgesamt befindet.* (Н.К., 197).

Здесь инфинитив распространен только прямым дополнением.

2) *Ein anderes Beispiel sind die oben erwähnten paradigmatischen Möglichkeiten, einen Befehl oder eine Aufforderung auszudrücken.* W.S.c.32

Инфинитив распространен двумя параллельными прямыми дополнениями

3) *Hier stoßen wir bei den idealistischen Forschern auf das Bemühen, den Primat des Geistes zu retten* (W.S., 47)

Инфинитив распространен прямым дополнением с постпозитивным определением.

4) *...Die sprachlichen Mittel... verloren die Eignung, ihre ursprüngliche kommunikative Funktion zu erfüllen.* (W.S., 178).

В инфинитивную группу входит прямое дополнение с рядом препозитивных определений.

5) *Hier wird der lächerliche Versuch unternommen, objektive Entwicklungsprozesse dem beschränkten bürgerlichen Rechtsbegriff unterzuordnen.* (Н.К., 212)

Инфинитив распространен двумя облигаторными дополнениями с рядом препозитивных определений.

6) *Das zeigt, daß das Gotische... die Möglichkeit kannte, das Demonstrativpronomen als Artikel zu verwenden...* (W.S., 177).

В инфинитивную группу входит прямое дополнение и обстоятельство образа действия.

7) ...Es ist seine Funktion, das Geschehen im Bereich des Subjekts zu halten. (W.S., 29)

Инфинитив распространен прямым дополнением и обстоятельством места с определением к нему.

8) Sie verfolgen das Ziel, auf dem Umwege über ein anscheinend weit von den unmittelbar aktuellen politischen Fragen abliegendes philosophisches Problem die Grundlagen der marxistischen Philosophie wie überhaupt der marxistisch-leninistischen Weltanschauung in Frage zu stellen. (H.K., 245)

Особо распространенная инфинитивная группа.

Присутствие облигаторного дополнения в инфинитивной группе связано с композиционно-стилистическими функциями предложений, содержащих атрибутивный инфинитив. Дополнение конкретизирует инфинитив, определенным образом сумя его знание и направляя его на более узкую тему, чем тема всего исследования, а именно, на тему главы, параграфа, абзаца. Кроме того, в таких абзацах, которые продолжают тему или начинают новую тему, связанную с предыдущей, в функции дополнения входит связь с предыдущим текстом. Именно оно (как упоминалось выше) часто является в предложении данным. Другие второстепенные члены не представляют большого интереса для характеристики инфинитивной группы, так как их присутствие факультативно, они могут осуществлять функцию, сходную с функцией либо инфинитива, либо облигаторного дополнения.

З а к л ю ч е н и е .

При исследовании атрибутивного инфинитива в научной прозе могут быть выделены следующие закономерности:

Стилистическое значение и функции атрибутивного инфинитива не замыкаются в микроконтексте, а выходят за его рамки. В макроконтексте существительное с атрибутивным инфинитивом является начальным индикатором смысла.

Основная функция предложений, содержащих атрибутивный инфинитив, - это выражение темы повествования в наиболее общем виде. Внутри этой функции такие предложения делятся на большую группу начальных и малочисленные группы срединных и конечных.

Начальные предложения выполняют в абзаце роль экспонента. К ним тесно примыкают срединные предложения в политеатических абзацах. Срединные и конечные предложения с более узкой тематикой встречаются в основном в разделах, выполняющих роль экспонента по отношению к последующему тексту. Срединные предложения не являются единственными выразителями темы повествования в обобщенном виде, а стоят наравне с другими предложениями таких разделов. Конечные предложения во вводных разделах облегчают переход к следующему абзацу. Они тесно связаны с его начальными предложениями.

Функции предложений, содержащих атрибутивный инфинитив, в научной прозе обусловлены их внутренней семантической структурой. Существительное-регенс по своей семантике наиболее абстрактно. Семантика глагола выражает тему макроконтекста. Существительное в сочетании с атрибутивным инфинитивом выражает эту тему в наиболее обобщенной форме.

Инфинитивная группа может быть распространена за счет дополнения, обстоятельства и определения в разных сочетаниях, причем только прямое (или другое грамматически необходимое) дополнение (в функции конкретизации содержания инфинитива и связи с предыдущим текстом) является обязательным.

Примечания

- I Г.И.Перельман. Именные словосочетания с инфинитивом в немецком языке. Канд.дисс., Л., 1969.
Об инфинитиве см. также: И.И.Мейксина "Синтаксические функции инфинитива в современном немецком языке". Автореферат канд.дисс. Л., 1972, и в работах:
H.Paul. "Deutsche Grammatik" Bd. IV. VEB Max Niemeyer Verlag, Halle/Saale, 1955, стр. 93 и далее.
A.Bachmann. "Gutes Deutsch". VEB Deutscher Zentralverlag, Berlin, 1954, стр. 52 и далее.

- J. Erben. "Abriß der deutschen Grammatik". Akademie-Verlag, Berlin, 1958, стр. 58 и далее.
- В.Г.Адмони. "Синтаксис современного немецкого языка". "Наука", ЛО, Л., 1973, стр. I64-I70.
- В.Г.Адмони. "Введение в синтаксис современного немецкого языка". Издательство литературы на иностранных языках, М., 1955, стр.206-207, 303.
- В.Г.Адмони. "Строй современного немецкого языка". "Про-свещение", М. - Л., 1966, стр. I6I-I63, 264.
- 2 W.Schmidt. "Grundfragen der deutschen Grammatik". Volk und Wissen. Volkseigener Verlag, Berlin, 1967, H.Klotzsch /G.Koch/H.Opitz/ H.Schülke. "Philosophie der Arbeiter - klasse". Dietz Verlag, Berlin, 1975.
- 3 E.Riesel, E.Schendels. "Deutsche Stilistik",, М., 1975, Verlag "Hochschule".
- 4 По терминологии Г.Пауля. См. H. Paul. Указ.соч.,стр.95.
- 5 См. Л.Г.Фридман. "Характер и функции начальных и конечных компонентов в различных видах абзацев в немецком языке". В сб. "Вопросы немецкой филологии." Ставрополь, 1970,стр.I57.
- 6 Г.И.Перельман. Указ.соч., стр. I66-I94.

А.И. Никитина

ЗАНЯТИЯ ПО ДОМАШНЕМУ ЧТЕНИЮ НА ПЕРВОМ

КУРСЕ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

/на материале рассказов О.Франка/

Программа по иностранным языкам для неязыковых вузов ставит перед студентами задачу практического овладения иностранным языком, в первую очередь, овладения умением читать специальную литературу с целью получения информации.

Встает вопрос, как правильно организовать учебный процесс на первом курсе неязыкового вуза, как более эффективно использовать учебное время, как максимально быстро

повторить и закрепить лексический и грамматический материал школьной программы, чтобы приступить к выполнению вузовской программы, то есть к чтению текстов по специальности на иностранном языке. Уместны в данном случае слова Г. Пальмара: "Если мы позаботимся о начальной стадии, то продвинутая стадия позаботится сама о себе".¹

Вузовские учебники, как известно, в очень замедленном или в очень быстром темпе осуществляют повторение и закрепление лексического и грамматического материала школьной программы.

По мнению большинства методистов, на начальном этапе следует параллельно с работой по учебнику проводить работу по домашнему чтению. С подобным мнением нельзя не согласиться, так как домашнее чтение служит закреплению лексического и грамматического материала, развитию навыков устной речи и перевода.

Какие тексты следует брать для занятий по домашнему чтению на первом курсе? Не следует сразу начинать с текстов по специальности, потому что использование текстов по специальности на первом курсе "задерживает языковое развитие студентов, так как они читают их небольшими отрывками, затрачивая большую часть усилий не на овладение умением бегло, беспереводно осмысливать содержание читаемого, а на понимание фактического смысла текста, тех закономерностей из области специдисциплины, с которыми студенты чаще всего встречаются впервые".²

Предпочтение, видимо, следует отдать нетрудной адаптированной литературе, предназначенней, однако, не для школьной, а для вузовской аудитории, то есть тексты для домашнего чтения должны соответствовать возрастным особенностям студентов, нести в себе полезную, интересную информацию, они не должны быть перегружены синтаксическими и стилистическими приемами, затрудняющими понимание текста, они должны содержать лексический и грамматический материал школьной программы /так как эти тексты должны в первую очередь помочь ликвидировать недостаток знаний выпускников/. Близко к тому же,

чтобы тексты содержали лексику, объединенную одной-двумя темами, чтобы слова в тексте имели внутреннюю связь, ибо смысловая группировка лексики способствует, как известно, более легкому и прочному усвоению.

Названным выше признакам соответствуют, с нашей точки зрения, рассказы Отто Франка, в частности, рассказ "Rosen für Karl Marx". На этом рассказе постараемся показать те виды упражнений, которые могут быть использованы для повторения и закрепления лексики и грамматики.

Автор работы придерживается мнения многих методистов, считающих, что целевые задания на занятиях по домашнему чтению необходимы. Ввиду того, что содержание рассказа позволяет сгруппировать лексику вокруг двух тем, а именно, жизнь и деятельность антифашиста, похороны и кладбище, студенты получают, соответственно, для активного усвоения следующий список слов: *der Kampfgefährte, der Arbeiterführer, herrschen, die Heimat verlassen (ie, a), fliehen (o, o), ausweisen (ie, ie), ermorden, das KZlager;*

eine Gedenkrede halten (ie, a), der Friedhof, das Grab, der Todestag usw.

Студентам дается и группа слов, отсутствующих в тексте, например: *kämpfen, verhaften, verfolgen,* так как эти слова будут необходимы для обсуждения текста. Не называются интернационализмы: *illegal, der Antifaschist, funktionieren, emigrieren, demokratisch, progressiv,* так как они легко будут поняты студентами и без труда будут ими употребляться во время уроков. Второе задание предлагает студентам составить к прочитанному тексту 8 - 10 вопросов письменно. Составление вопросов в виде плана преследует две цели: студенты усваивают порядок слов в вопросительных предложениях и внимательно анализируют как структурно-семантические, так и причинно-следственные связи в тексте.

Занятия по домашнему чтению начинаются с того, что преподаватель выясняет, весь ли текст понят студентами, нет ли в тексте предложений, с переводом которых студенты не справились.

Затем преподаватель задает студентам несколько вопросов, касающихся биографии автора, времени, которое описано в рассказе:

Wer hat diese Erzählung geschrieben?

War er ein alter Kampfgefährte Wilhelm Piecke?

Welche Zeit beschreibt Otto Franke?

Wann spielt sich die Handlung ab?

Вопросы такого рода являются вступлением к обсуждению рассказа и одновременно небольшой речевой разминкой.

Затем следует прочтение вслух первого абзаца и его подробное обсуждение путем вопросов и ответов, так как, несмотря на небольшие размеры рассказа, он несет в себе обширную информацию о времени, когда фашизм пришел к власти, о том, что лучшие люди Германии вынуждены были покидать родину.

При постановке вопросов преподаватель преследует и практические, учебные цели. От того, как часто лексика и грамматика, запланированная преподавателем для закрепления, будет употреблена в вопросах и ответах, зависит прочность усвоения материала. Преподаватель руководит работой над словоупотреблением, от него зависит в то же время, чтобы обсуждение содержания рассказа не превратилось в тренировочное упражнение.

При обсуждении текста важно придерживаться принципа перехода от легкого к более сложному. Речь идет в данном случае о том, что вначале задаются вопросы на уровне значения, затем на уровне смысла. Вопросы на уровне значения (wer? was? wann? wo?) заставляют студентов извлекать из текста фактический материал, вопросы на уровне смысла (wie? warum? wozu? zu welchem Zweck ?) заставляют выяснить причинно-следственные связи в тексте.³

После обсуждения абзаца путем вопросов и ответов студентам предлагается пересказать отрывок, используя прочитанное и услышанное, то есть дается задание: Beschreiben Sie das faschistische Deutschland.

Таким образом проходит обсуждение всего рассказа. Выделяются следующие подтемы: судьба одной немецкой коммунистки, описание могилы Карла Маркса, короткое сообщение об отце Otto Franke, описание того, как отмечалась шестидесятая годовщина со дня смерти Карла Маркса.

Один только перечень подтем свидетельствует о том, как информативен рассказ, как его содержание обогащает представления студентов о жизни Германии того времени. Содержание рассказа весьма пригодно для развития навыков устной речи.

Что касается повторения и закрепления грамматического материала, то и в этом плане текст не менее удачен. Преподаватель может запланировать повторение следующих грамматических тем:

Imperfekt /через пересказы/, Perfekt /через вопросы и ответы/, модальные глаголы /которые хорошо представлены в первой части текста/. Большая информативность текста позволяет в конце обсуждения выполнить следующее грамматическое упражнение на повторение и закрепление порядка слов в придаточном дополнительном предложении. Преподаватель, заканчивая обсуждение текста, обращается к студентам с вопросом, подводящим итог всей работе: *Also, was haben Sie aus dieser Erzählung erfahren?*

Студенты должны в ответе употребить дополнительное придаточное предложение. Таким же образом можно повторить придаточное предложение причины.

Выполнение грамматических упражнений на занятиях по домашнему чтению так же возможно и необходимо, как и во время работы по учебнику, так как процесс овладения иностранным языком включает в себя не только творческую, но и тренировочную работу. Однако, на занятиях по домашнему чтению во время обсуждения прочитанного тренировочная работа проходит менее заметно, но зато более эффективно.

Итак, основными видами работ на занятиях по домашнему чтению, как нам представляется, должны быть вопросно-ответные упражнения и пересказ отдельных частей рассказа или подтем. На подобных занятиях имеет место фронтальный и индивидуальный опрос. Фронтальный опрос активизирует студентов на протяжении всех занятий. Во время индивидуального опроса рекомендуется с целью уплотнения рабочего времени предлагать студентам задания на карточках. В данном случае возможны упражнения на выписывание из текста предложений с определен-

ным грамматическим явлением, упражнение на перевод наиболее трудных предложений. Полезными на занятиях по домашнему чтению являются упражнения на составление коротких сообщений по ключевым словам. Этот вид упражнения служит для активизации как лексического, так и грамматического материала.

Итак, на начальном этапе изучения иностранного языка в неязыковых вузах следует, по нашему мнению, читать на занятиях по домашнему чтению информативную адаптированную литературу, восприятие которой соответствует возрастному уровню студентов первого курса. Тексты должны быть небольшими по размеру, должны включать в себя лексический и грамматический материал школьной программы. Тщательная обработка текстов может обеспечить в определенной степени повторение и закрепление лексики и грамматики школьной программы и успешный переход к чтению текстов по специальности на иностранном языке.

Примечания

- 1 Harold E. Palmer. *Principles of Language-Study*, London, 1926, p.18.
- 2 О.А.Розов. О целях и организации преподавания иностранных языков на неспециальных факультетах педагогических институтов. Ученые записки Владимирского гос.пед.ин-та. Вып. 3, Владимир, 1969.
- 3 А.Н.Пожиткова, М.В.Замерченко, Н.А.Наумян. Обучение чтению как виду речевой деятельности. "Иностранные языки в школе", 1973, № 1.

О Г Л А В Д Е Н И Е

I. М Е Т О Д И К А

Е.С. Н О В Г О Р О Д О В А, И.А. Б И С Ъ К О. Организация учебно-воспитательной работы с аспирантами	3
Г.И. П А В Л Е Н К О. Некоторые вопросы преподавания грамматики на подготовительном отделении групп неязыковых факультетов	8
И.П. У Р О Ж А Е В А. Развитие навыков устной речи на материале специальности /из опыта работы на неязыковом факультете педагогического вуза/	14

П. Г Р А М М А Т И К А

Л.Г. М У С А Т О В А. Конструкции с прилагательным als-компонентом в элементарном предложении современного немецкого языка	26
Н.В. М А Р А К У Л И Н А. Конфигурация смысловых элементов в семантической структуре группы немецких прилагательных, объединенных общим значением "положительных эмоций" /лексико-грамматический анализ/	42
Л.И. П А Н Ю Ш К И Н А. Местоположение частей многозвездного сложноподчиненного предложения /на материале деловой прозы ранневерхненемецкого периода/	48
Л.И. П А Н Ю Ш К И Н А. Некоторые вопросы теории исследования многозвездного сложноподчиненного предложения /на материале немецкого языка/	54
Г.И. П Е Р Е Л Ь М А Н. К вопросу о систематизации немичных форм глагола в современном немецком языке	60
И.П. Ш И Ш К И Н А. Субстантивные словосочетания с ядерным конотитуентом -- обозначением признака /качества/ . . .	73
Л.К. Г О Л У Б Е В А. К вопросу о функции сочетаний (P r) + N + (t h a t) в сложноподчиненных предложениях в современном английском языке	79
А.В. С О Р О К И Н А. К вопросу о способах выражения однородных обстоятельств внутренней характеристики действия. .	85

Ш. СТИЛИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.	
Ж.М. МЕЛЬГУНОВА. К проблеме лейтмотива	93
Г.Н. ПУТИЛИНА. Некоторые вопросы анализа способа реализации образа автора на занятиях по аналитическому чтению	111
М.М. РАМЕНСКАЯ. Смена сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в авторской речи Кристи Вольф как проблема стиля	123
Б.Е. ЧИСТОВА. Проблема перевода поэтической декларации /на материале немецких переводов В.Маяковского/	128
Н.О. ГУЧИНСКАЯ. Об иерархии стилей поэтического произведения	140
И.А.БИСЬКО. К вопросу об индивидуальном словоупотреблении	145
И.Д. ЗЕБРОВА. Стилистическое функционирование атрибутивного инфинитива в немецкой научной прозе	151
А.И. НИКИТИНА. Занятия по домашнему чтению на первом курсе неязыкового вуза	162